

АДИЛЬ ДЖАМИЛЬ

**ЭПОС МАНАС
И ТРАДИЦИИ
ТЮРКСКИХ СКАЗАНИЙ**

Баку -2011

Научный редактор:

Эльмаддин АЛИБЕКЗАДЕ,
доктор филологических наук,
профессор

Рецензенты:

Низами ДЖАФАРОВ
доктор филологических наук,
профессор, заведующий
Центром Ататюрка
в Азербайджане

Исмаил ВЕЛИЕВ (Омароглы),
доктор филологических наук,
профессор

Адиль Джамиль. Эпос "Манас" и традиции тюркских сказаний. Баку. " ", 2012. - 180 стр.

ISBN 5-8066-1429-8

Данная книга является первой монографией, посвященной исследованию эпоса "Манас" в Азербайджане. Исследователь, рассматривая историю мужества тюркских родов, прошедшую через различные усобицы, в призму этнического мышления, привлек эпос "Манас" к широкому анализу, оценив его на фоне общих мотивов общетуркского эпоса, дал научный анализ вновь прослеживаемых в нашем фольклороведении параллелей "Гильгамеш" — "Манас", "Деде Коркуд" — "Манас" и "Манас" — "Кероглы".

Мы верим, что эта книга будет интересна любому, кто интересуется историей тюркского эпоса.

© Издательство "Эльм", 2002.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В последнее время, в частности, после завоевания нашим народом независимости, тенденции, связанные с проблемами самопознания, возвращения к корням, возросли и начали широкое место в исследованиях. Тема эпос "Манас" и традиции тюркских сказаний являются исследованием, соответствующим требованиям именно сегодняшнего дня.

Монография состоит из краткого "Вступления", трех глав и заключения.

В "Вступлении" говорится об актуальности темы, "объекте, целях и задачах исследования, его научной новизне и научно-практическом значении.

Все это можно считать достигнутом.

Автор, говоря о научной новизне работы, также подчеркивает, что "аналог лирических песен и фольклорных персонажей азербайджанского народа "Коса", "Кечел", возникших в ранние эпохи, в киргизской устной литературе, исследуется и выявляется впервые. Эпос "Манас" рассматривается не только с художественно-эстетической, но и исторической точки зрения, открываются новые страницы тюркского эпического и этнического мышления".

Данная мысль ставится, раскрывается и обосновывается с научной точки зрения в соответствующих страницах монографии.

Хотелось бы добавить, что исследование и анализ "Манаса" в направлении раскрытия его связи с шаманизмом, древнего духа шаманизма, существующего по сей день сло-

ва, звука, голоса, жеста (движения и т.д.), сохранения древнего лица тюрка, дополняет новизну произведения.

I раздел монографии называется "Вершина "Манас" общетюркского литературно-исторического наследия, манасчи, манасоведы".

В этой главе отмечаются исполнители, исследователи эпоса "Манас", его изучение, пропаганда в течение более 1000 лет, обосновывается развитие научно-теоретической и др. деятельности в целом и повышение до уровня "манасоведения"; говорится о 15 классических манасчи, показывается их деятельность в отдельности; дополнительно упоминаются 22 манасчи.

В главе исследуемые вопросы даются в 3 конкретных пунктах:

а) "От соплеменного мышления до литературно-исторического наследия";

б) "Манасчи";

с) "Манасоведы".

Здесь затраген напряженный и полезный труд. Позиция автора ясна, он подходит к исследователям "Манаса" не ради дела, а с научно-идеологической точки зрения и озвучивает свое мнение; прямо во "Вступлении" объявляет взятый им курс:

"В исследование эпоса "Манас" большой вклад внесли Ч.Велиханов, В.Радлов, В.Жирмунский, А.Инан, Н.Йылдыз, А.Гюрсой, В.Юнусалиев, С.Мусаев. Но названные исследователи не подошли к эпосу "Манас" с точки зрения проблемы литературно-исторической преемственности в общетюркском контексте, общие мотивы тюркского эпоса, в том числе параллели "Манас" и "Деде Коркуд", "Манас" и "Кероглы" не подвергнуты конкретному анализу. Поэтому, считаем важным рассмотрение отмеченных направлений в современной призме, осветив схожие черты

нашей общей культуры"

Адиль Джамиль провел свое исследование именно в этом направлении. И это достойно похвалы.

II раздел — "Ощущения непобедимости и патриотизма в эпосе "Манас", свойственные древним тюркам".

В этом разделе продолжается исследование по 20 сюжетам известного манасоведа С.Орозбекова, мастерски раскрывшего этическую биографию "Манаса". Это — рождение и детство Манаса. Первые столкновения юноши Манаса с врагами. Избрание Манаса ханом. Битва Манаса и богатыря Кошоя против врагов. Поход Манаса на Ала-Тоо для освобождения земель своих предков. Переочевка киргизов во главе с Манасом с Алтая на Ала-Тоо. Победа над Алооке-ханом, битва и победа над Шоорук ханом. История Алмамбета — сподвижника Манаса. Женитьба Манаса на Каныке. Заговор родственников Манаса — Кёзкамана. Поминки по Кёкётёю — одному из старших соратников Манаса. Большой поход Манаса на Бейджин. Малый поход Манаса против Конурбая. Смерть Манаса.

Об этих сюжетах дается краткая информация. Основываясь на эти сведения и мнения исследователей, автор пытается доказать, что история возникновения "Манаса" еще более древняя. Интересно и имеет научное значение мнение собственное автора, споры и т.д.

Самым интересным и читательным моментом в разделе является "Герои эпоса Манас", их анализ и характеристика.

Образ Манаса, его рождение, детство, молодость, первая победа и последующие битвы, идеал Манаса и его раскрытие даются выдержанно и с приведением обильных фактов. Один из выводов, к которым приходит в разделе автор, утверждающий, что подвиги Манаса — упование

киргизов, таков: "Главная причина, по которой Манас передавался от поколения к поколению как эпический образ, стал объектом преклонения киргизских тюрков, это его отважность, величавость, мужественность, патриотизм, бесконечная любовь и благоволение по отношению к своим сородичам. Манас, собравший воедино кочевых киргизские племена, являвшихся извечными обитателями безводной пустыни, диких полей, создавший реальную среду для перехода от кочевого образа жизни к оседлому, "наводивший мосты" от племенной, родовой разрозненности к народному единству, становится бессмертным, как литературно-историческая личность...".

В том же духе представлены десятки героев эпоса — Бакай, Алмамбет, 40 идейных сподвижников Манаса в целом, образы, являющиеся его сильными помощниками, подвергаются анализу. Им по мере возможности дается оценка.

Анализ образа жены Манаса Каныкей, направлявшей события после смерти Манаса — героя второй, третьей частей трилогии, и раскрытие ее характера можно считать достойным одобрения.

Основываясь на анализ автора и приведенные из эпоса доводы, можно сказать, что эта тюркская женщина отличается своеобразием и неподражаемостью. Вывод самого автора об этом таков: "дастанчи (сказители), подходя к идеализированной ими Каныкей с различных аспектов, на самом деле, создали образ общенациональной женщины, обладающей красочными чертами. И несмотря на то, что этот образ исполнен в различных версиях, различными красками, его обет, надежность и верность, ум и сообразительность остаются неизменными".

В эпосе Каныкей продолжает путь Манаса, несмотря на все трудности, воспитывает, растит его детей в духе

Манаса; Семетей и Сейтек становятся героями второй и третьей частей трилогии; все события происходят перед глазами Каныкея. Большего счастья для Каныкея, проявления верности Манасу представить нельзя. Это качество, это моральное преимущество свидетельствует об отличии Каныкея, как тюркской женщины, от своих предшественников, о ее исключительности. Это также является показателем того, что эпос возвысился на вершины традиций жанра.

III раздел, называющийся "*Общие мотивы тюркского эпоса и "Манас"*", изложен на уровне предыдущего; прослеживает взаимосвязанное развитие исходящих друг из друга мотивов тюркского эпоса. Автор, исходя из заключений и теоретических соображений таких выдающихся тюркологов, как Л.Гумилев, Б.Огель, З.Гёкальп, относительно проблемы общих мотивов тюркского эпоса, исследует эти заключения и соображения в эпосе "Манас", высказывает свое мнение, вносит дополнения. К слову делает сопоставления между героями тюркского мира во главе с Манасом и героями эпоса, проводит параллели. Напр., живая вода, цветы вечной жизни, связанные с чаяниями бессмертия, вечного существования, издревле были из болезненных мотивов тюркских литератур. Эти мотив наблюдаются в эпосах "Гильгамеш", "Деде Коркуд", "Кероглы", "Урал Батыр". Они своеобразно проявляется и в эпосе "Манас".

Автор пишет:

"Поиск вечной жизни, бессмертия, живого родника, глубоко засевшего в нашем эпическом мышлении, отражается в некоторых наших эпосах мотивом "воскрешения", одним из которых является "Манас". В некоторых вариантах эпоса "Манас" описывается воскрешение Манаса после смерти. Это происходит трижды. Два раза Манас умирает от отравления...".

Автор выражает свое отношение к этой постановке вопроса, то есть "смерти Манаса от отравления" таким образом:

"Видимо, создатели эпоса не могут простить смерти такого великого героя, как Манас, ставшего жертвой измены".

Мы одобляем это мнение.

"Самым трагательным из эпизодов смерти Манаса — это день свадьбы с Каныкей. В тот день предатель Мендибай отравляет Манаса. Манас умирает. Свадьба превращается в траур. Люди расходятся... Далее в эпосе, после воскрешения Манас вместе со своими чоро приходит к Каныкей, восхваляемой свекром, чтобы обрадовать ее. Каныкей оказав Манасу, чоро почести, одаряет их...".

Мнение о том, что "Мотив смерти-воскрешения" в тюркской устной литературе представляется как бессмертие героя, и несокрушимость воли народа" автор подтверждает эпосом "Чора Батыр" из тюркско-татарской литературы и высказываниями о нем; он пишет: "эта эпическая традиция, характерная для общетюркского эпоса, также привлекает внимание в одном из ценных примеров тюркско-татарского фольклора — эпосе "Чора Батыр. В варианте эпоса "Чора Батыр", распространенном среди живущих в Турции крымских тюрков, в конце Чора Батыр канул в море вместе со своим конем, русские воины не веряще в его смерть, сорок дней и ночей ждут его там, и эпос заканчивается верой в его воскрешение. Крымские тюрки верят, что Чора Батыр воскреснет, чтобы спасти их от русского гнета".

Далее, автор, погружаясь в старину, рассматривает постановку и развитие этого мотива в шаманизме, утверждает об их тесной связи, и справедливо отмечает, что ввиду тесной связи мотива "воскрешения" с шаманиз-

мом, в эпосе "Манас" невозможно не видеть следы шаманистского мировоззрения. Издревле некоторые признаки необычного образа жизни шаманов, проживающих в Алтае, Тюристане и Якутии, волей-неволей просочились в образцы народного творчества, "рожденные" в этой среде, в том числе в "Манас" и т.д.

Автор отмечает продолжение и развитие этих же мотивов в таких тюркских эпосах, как "Алпамыш", "Барсынхылу", "Урал-Батыр", "Агбозат", "Гара Юрга", "Акхак Кола". Сравнения также проводятся с событиями, мотивами эпоса "Деде Коркут" и т.д.

Проводя эти сравнения, параллели, автор также обращается к мнениям многочисленных исследователей, еще раз обосновывает свои утверждения. Конечно же, все это увеличивает научную ценность монографии, дополняет ее.

В исследовательской работе уделяется особое внимание, отводится место параллелям "Манас" и "Деде Коркут".

Данный раздел начинается таким теоретическим высказыванием: "Духовная близость, сюжетное родство, сходство поэтического изложения огузского эпоса "Деде Коркут", ставшего духовным памятником тюркских народов с момента возникновения, со временем оценивающееся в качестве предшественника героических эпосов, и киргизским эпосом "Манас" более чем естественно. Эти памятники, принадлежащие огузской и киргизской ветвям тюркского народа, слившимся воедино мировоззрением, традициями, семейно-бытовыми законами, национально-духовными, этнопсихологическими чертами, раскрывают явные параллели между нашими культурами".

Например, чаяния Байборы в "Деде Коркуте" и Джасакына в "Манасе" (будущего отца Манаса) о сыне — желание

и жажды наследника, подвержение Джакып бая и Дирса хана упрекам из-за отсутствия детей, усмотрение ими выхода в молении у Бога милости, сыграв "великую свадьбу", насытив бедных и неимущих, проявление в обоих эпосах к людям, обращающимся с добрыми намерениями, милосердия, добросердечности, почета, а тем, кто позарился на их земли, пытаясь разграбить их богатства, жестокости и беспощадности, схожие характеры Газан хана и Манаса, соответствие в обоих эпосах образов Хыдыр Ильяса и пророка Хызыра и т.д. свидетельствует, что эти эпосы являются единым умозрением идеи тюркизма, тюркского духа, тюркского народа.

Невозможно перечислить все эти ценности в исследовании.

И наконец, необходимо сказать несколько слов о выводе, сделанном из монографии. Заключение полностью соответствует содержанию и цели труда. Оно лаконично раскрывает, проясняет основную идеиную линию исследования.

"Заключение" труда, я сказал бы, на уровне ныне прослеживаемой программы изысканий и исследований тюркизма, единых корней, первозданности и самопознания.

Монография написана на высшем уровне, я желаю Адилю Джамилю успехов!

Эльмаддин АЛИБЕКЗАДЕ
доктор филологических наук,
профессор

ВСТУПЛЕНИЕ

Как известно, общественно-политические события, происходившие в различные периоды истории человечества, формируясь в художественном мышлении народа, перекочевали на его фольклорную память. Этот процесс, стартовав с ранних эпох, со временем первобытных представлений, продолжился до наших дней. То есть, за период развития с первобытных представлений до высшего мышления, с простейшего сознания до цивильного мировоззрения, событие обогатив фольклорную память народа еще больше, воздвигли "памятник" существованию устной литературы.

"В археологии существует понятие "культурный слой". Ученые, специалисты в этой области так именуют слой земли, хранящий в себе следы человеческого творчества" [83. 7]. Одним из ценнейших находок в "культурном слое" моральной археологии тюркских народов является памятник-эпос, хранящий в памяти исторические события. Данный моральный памятник, свидетельствующий о реальных событиях истории, конечно же, является плодом общенациональной "архитектуры".

Среди эпических жанров фольклора эпос имеет особое значение с точки зрения изучения наших корней, традиций и быта, исследования нашей героической истории. Несмотря на то, что тюркский эпос, будучи разделенным на доисламский и постисламский этапы, был привлечен к исследованию и объективно оценен выдающимися тюркологами, фольклористами различной национальности, в этом направлении еще многое предстоит сделать...

В исследование эпоса "Манас" большой вклад внесли Ч. Валиханов, В. Радлов, В. Жирмунский, А. Инан, Н. Йылдыз, А. Гюрсой, В. Юнусалиев, С. Мусаев. Но, наз-

ванные исследователи не подошли к эпосу "Манас" с точки зрения проблемы литературно-исторической преемственности в общетюркском контексте, общие мотивы тюркского эпоса, в том числе параллели "Манас" и "Деде Коркут", "Манас" и "Кероглы" не подвергнуты конкретному анализу. Поэтому, считаем важным рассмотрение отмеченных направлений в современной прозе, осветив схожие черты нашей общей культуры. Эпос "Манас" и другие тюркские эпосы выступают главным объектом исследования в монографии, где вносится определенная ясность в систему эпических традиций, даются научные суждения об общей культуре тюркских народов. В качестве теоретического источника делается ссылка на исследования В.Жирмунского, Л.Гумилева, В.Бартольда, С.Абрамзона, А.Бернштама, а также других исследователей тюркского фольклора Ч.Валиханова, А.Инана, Б.Юнусалиева, С.Мусаева, Р.Кадырбековой, Н.Йылдыза, А.Гюрсоя, О.Сулайменова, Э.Алибекзаде и других, в которых содержится научно-аналитический подход к тюркской истории, этногенезу и этнопсихологии данной народности, эпосному творчеству, а также эпосу "Манас".

Целью исследовательской работы является научно-теоретический анализ эпоса "Манас", считающегося одной из вершин общетюркской литературно-исторической преемственности, его оценка на фоне общих мотивов тюркского эпоса. С этой точки зрения возникает необходимость в подходе к эпосу "Манас" в нескольких ракурсах:

- а) научный анализ места эпоса "Манас" в тюркском фольклоре, свойственных тюркскому эпосу героических мотивов, ощущений патриотизма и непобедимости;
- б) сопоставительный анализ эпоса "Манас" с другими

турецкими эпосами: исследование параллелей "Деде Коркут" — "Манас", "Манас" — "Кероглы", общих моральных ценностей киргизов и огузов в общетюркском контексте.

В монографии также выдвигаются научные суждения относительно того, что позаимствовал эпос "Манас" у предшествующих ему тюркских эпосов, и что дал последующему общетюркскому эпосному творчеству.

В исследовательской работе целесообразным считается достижение решения следующих задач:

- дать информацию о великих манасчи и выдающихся манасоведах, коснуться проблем исследования и издания эпоса "Манас";

- раскрыть идеально-художественные особенности эпоса "Манас", несмотря на эпическую традицию, привлекать образ Манаса к широкому анализу;

- рассмотреть историю героизма тюркских племен, проходящую через многочисленные битвы, через призму эпического мышления;

- раскрытие характер героя — женщин и мужчин, образов друзей и врагов в эпосе "Манас";

- сравнивать киргизский эпос "Манас" с другими нашими эпосами, в том числе с "Деде Коркут" и "Кероглы" огузских тюрков, исследовав их как образцов родственных культур с общими корнями, существующие в них параллели, общие и схожие моменты.

В исследовательской работе впервые в нашем фольклороведении параллелизмы между эпосами "Китаби-Деде Коркут", "Кероглы" и эпосом "Манас" привлекаются к анализу в контексте общетюркского эпического мышления. Аналог лирических песен и фольклорных персонажей азербайджанского народа "коса", "кечел", возникших в ранние эпохи, в киргизской устной лите-

туре, исследуются и выявляются впервые. Эпос "Манас" рассматривается не только с художественно-эстетической, но и исторической точки зрения, открываются новые страницы тюркского эпического и этнического мышления. Помимо всего этого, впервые выводится на плоскость параллелизма соответствие этнотопонимов в эпосе "Манас" с названиями гор, равнин, перевалов, рек, родников, скал, местностей, сел, дорог горного Азербайджана, в частности Кяльбаджарского региона.

Монография имеет значение с точки зрения освещения идейно-художественных направлений эпоса "Манас" на фоне традиций тюркского эпоса. Научные соображения и выводы, содержащиеся в книге, могут быть полезными в научных изысканиях, проводимых относительно тюркского эпоса. В разделе эпосного анализа обобщенных исследований, посвященных теоретическим проблемам жанра, можно пользоваться данной монографией. Исследовательская работа также может быть полезной для студентов на курсе фольклора филологических факультетов высших учебных заведений в качестве научного пособия.

Научные вопросы, содержащие основные положения исследования, опубликованы в различных печатных органах.

I РАЗДЕЛ

"МАНАС" - ВЕРШИНА ОБЩЕТЮРКСКОГО ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО НАСЛЕДИЯ, МАНАСЧИ, МАНАСОВЕДЫ

Одним из величественных памятников, отличающихся в истории художественного мышления тюркских народов своей емкостью и содержательностью, является трилогия "Манас". Данный общечеловеческий и вечный памятник киргизско-кыпчакской "ветви" Большого и Великого тюркского "древа" является живой энциклопедией, содержащей историческую информацию о наших корнях. "Живой" потому, что этот эпос, сложенный из более полумиллиона строк, и сегодня продолжая свою жизнь в первозданном виде, охотно и с любовью исполняется манасчи. Меняющийся к месту такт музыки, "выкроенной" на весь эпос, создает естественное представление о событиях в отдельных сюжетах, и обеспечивает красочность, бесподобность этих событий. Исполняющее "Манас" лицо называется манасчи. Манасчи в народе считаются самыми талантливыми людьми. Так как такие люди, в первую очередь, должны обладать феноменальной памятью, способностью импровизировать, актерским талантом. Манасчи должен уметь передавать весь дух эпоса: различные сцены битвы, победы и поражения, горечь и радость, свет и тьму, добро и зло, друга и врага, одним словом, духовные ощущения пути от рождения к смерти, слушателю мелодией голоса, движениями. С этой точки зрения манасчи создает театр одного актера. "В исполне-

нии эпоса используется более двадцати мелодий. Сказитель сопровождает исполнение поэмы бесподобными жестами и богатой мимикой" [73. 385].

Это очевидная реальность, что первоисточником для современной киргизской культуры является эпopeя "Манас". Так как народ получил возможность соприкоснуться со своим историческим прошлым, ощутить его дух через этот эпос, любовь к "Манасу" жил и будет жить во все времена. Невозможно найти такого киргиза, который не знал бы наизусть одну главу, один сюжет, или хотя бы один эпизод из "Манаса". Именно поэтому, академик Чингиз Айтматов считает "Манас" "синонимом киргизского народа". Основываясь на этом мнении, можно сказать что, "этот эпос является произведением не одного человека, а всех киргизских тюрков" [50. 12].

К слову напомним, что Ч.Айтматов мастерски употребляет в своих произведениях народные сказания из этой великой трилогии. Вышеотмеченный момент не ускользает от взгляда и нашего любимого народного поэта Бахтияра Вахабзаде, написавшего "Предисловие" к известному роману писателя "И дольше века длится день". Бахтияр Вахабзаде, привлекая ведущие образы романа к анализу, пишет: "Эдигей и Сабитджан противопоставленные образы. Эдигей не имеет даже среднего образования. Его речь так же проста, как и он сам. Но в этой простой речи есть мудрость, исходящая от эпоса киргизского народа "Манаса" и глубокий жизненный опыт" [4. 4].

"Манас" по своему объему превосходит знаменитые эпосы, считающиеся редчайшими и монументальными образами мировой литературы, — "Илиаду" и "Одиссею" в двадцать, а "Махабхарату" в три раза. Это превосходство не только в объеме, но и в смысле, содержании. В настоящее время существует 65 вариантов "Манаса". И

поиски в этом направлении продолжаются, так как существует предположение о наличии еще неизвестных науке вариантов.

Нельзя так же отрицать такую истину, что "народные таланты различных поколений время от времени редактировали, отшлифовали "Манас", и таким образом, эпос, приобретая высокий художественный уровень, стал для киргизов образцом классической поэтики" [95. 16]. Именно поэтому киргиз, днями слушая манасчи, не только не устает, но и получает эстетическое удовольствие от сочного языка, поучительного содержания, философского замысла, колоритной поэтики сюжетов этого эпоса, "просачивающихся" из народного духа. Так как "Манас" "выкроенный" на киргизов, рассчитанный на их вкус, "первое художественное произведение этого народа, перенесенное на бумагу, издданное в полиграфическом виде, переведенное на другие языки" [95. 17], заставляет говорить об эпосе то же самое, что и о словесном творчестве одной нации в целом.

С.М.Абрамзон, проводивший важные исследования относительно истории и этнографии киргизов, считает эпос "Манас" "синтезом и вершиной всех поэтических богатств" этого народа [73. 361]. С этим мнением можно соглашаться потому, что у киргизского народа есть и другие эпосы, сказки, а также другие образцы фольклора, кроме "Манаса". Но так как сравнение этих образцов с "Манасом" напоминает сравнение капли с морем, отдельные пословицы, поговорки, сказки, предания и анекдоты, созданные народом, вынуждены присоединиться к реке "Манас", как маленькие роднички. И таким образом, "Манас" вбирает в себя чуть ли не всю устную литературу народа.

a) От соплеменного мышления до литературно-исторического наследия

Стоит отметить, что проведение исследований о "близких родственных" связях наших эпосов соплеменного мышления, имеющих одни и те же корни, это освещение ценных страниц достойной истории Великого Тюрка с древних времен до наших дней. Возвращение к этнической первобытности, национальному самосознанию, древним духовно-культурным ценностям в эту пору века — это возвращение к самому тюркизму. История осталась в памяти словами, а слова временем. Наши великие ценности, получившие право на вечную жизнь, пройдя через времена, на пути от "Гильгамеша" к "Авесте", от "Авесты" к "Орхону-Енисею", от "Орхона-Енисея" к "Деде-Коркуту", от "Деде-Коркута" к "Урал-Батыру", "Алпамышу", "Манасу", смогли сохранить за собой также право на литературно-историческое наследие.

Исследуя историю общетюркских эпосов, также находим конкретные ответы русским и европейским шовинистским летописцам, исследователям-историкам, написавшим (либо истолковавшим) богатую и многостороннюю "книгу жизни" Большого и Великого тюрка по своему хотению. "Европейская политика централизации в желании держать в своих руках гегемонию над миром, старалась обосновать якобы "просветительскую" роль Европы в мировой истории, подавляла общечеловеческие богатства, созданные восточными народами, основавшими современную цивилизацию, для предотвращения возрождения Востока, и тем самым намного обеднила наш современный мир с духовной точки зрения" [45. 3]. Наши великие ценности, охраняемые как око глаза и

перешедшие через века, от поколения к поколению, — "Гильгамеш", "Авеста", "Деде Коркут"... "Манас", сохранившие в себе художественные и жизненные реальности, вынуждают наших современных историков к признаниям. Несмотря на то, что временами неопровергимая история Великого Тюрка была запеленена черными, туманными завесами, "закрыть рот" нашей устной литературе, напоминающей ключевую воду, не смогли. Великая история тюрка сохранилась и отразилась в ясном и ярком зеркале словесного искусства, как есть. А к какой эпохе и к какому народу региона принадлежит эта названная нами "Великая история"?.. "Эта история — история единой власти с меньшими или большими промежутками, соединяющей территории от рек Тигр и Евфрат, Великой Китайской стены и Орхоно-Енисейских долин, Монголии до Каспия и Понта Эвксинского (Черного моря), оттуда до берегов реки Урмия, которая охватывает период примерно в пять-шесть тысяч лет" [19. 164].

Выдающийся исследователь тюркской истории Л.Н.Гумилев в своих исследованиях, столкнувшись с общечеловеческими истинами, покрытыми "темной завесой", не скрывая чувство сожаления, пишет: "В истории человечества тюркам принадлежат очень большие заслуги, но история этого народа до сих пор не написана" [84. 4]. Предполагаем, что наши литературные источники, образцы письменного и устного словесного искусства, древние эпитафии и книги; такие великие наши ценности, жемчужины как "Гильгамеш", "Авеста", "Орхон-Енисей", "Деде Коркут", "Алпамыш", "Урал-Батыр", "Эр-Таштюк" "Манас"... могут стать истинными помощниками в правильном написании этой истории. Исследовать следы этой истории не в фальсифицированных летописях, а в литературно-художественных примерах,

сохранивших в себе свою первозданность и невинность, означает приблизиться к истине.

Созданные народом памятники искусства не могут обойти стороной реальностей среды. В подтверждение моего мнения обратим внимание на конкретную схему маршрута Шелкового пути в разделе "Шелковый и караванный путь" труда Л.Н.Гумилева "Древние тюрки", посвященном среднеазиатским направлениям Шелкового пути: "Караванный путь начинается с Гаочана (территория Китая). Одна его ветвь длится с южного хребта Тянь-Шань — пройдя через Карапшехр, Кучер и Аксуу до Иссык-Кула, долины Чу, а оттуда к долинам Талас и Искандар" [84. 42]. В эпосе "Манас" читаем:

"Сын Ногоя Джакып
Жил на Арале,
Близко к Алтаю,
К реке с названием Аксуу.
Из города Кучер порой
Приходили гостиные.
Стада его обитали
На пастбищах Карапшехр" [69. 67].

Названные в эпосе топонимы еще раз подтверждают южные направления Тянь-Шань Шелкового и Караванного путей. И употребленный здесь аргумент "Гостинец из Кучера" волей неволей привлекает наше внимание. Страны, по которым проходил Шелковый путь, взимали с китайских торговцев установленную таможенную плату, вернее, въездную пошлину в определенном размере. И "гостинец", получаемый Джакып баем из Кучера указывает именно на это. Как видно, соответствие исторической и художественной истины вносит определенную

ясность в саму эпоху, среду, привлеченную к исследованию.

Так же неотрицаема особая роль Великого Шелкового пути, простирающегося от Востока к Западу, в прогрессе евразийской культуры. Разнообразный этнический состав проходивших по этому пути караванов, фольклорные образцы, хранимые у них в устах, создали благотворную среду для литературно-художественной интеграции с кочевыми и полукочевыми народами. Устная литература отдельных народов, этнических групп, племен, попользовавшихся этой "интеграцией", внесли в цивилизацию человечества свою ценную лепту. Считаем, что "Манас" также является продуктом цивильного сознания, явившегося результатом этой эпохи духовного созревания, литературно-художественной интеграции.

Обычно время формирования "Манаса" относят к IX-X векам. Такова приемлемая дата. Среда эпоса составляет полное соответствие со средой IX-X веков. Изучая общественно-политическую обстановку, духовную атмосферу предшествующего "Манасу" периода, мы сможем узнать, при каких исторических условиях возник, сформировался эпос. С этой точки зрения, мы не имеем права обойти стороной историю кыргызского каганата, существовавшего на Енисее. Факт, что в VII-VIII веках на берегах Енисея образовался кыргызский каганат. Это было объединением нескольких племен во главе с каганом. Эти племена внесли свой вклад в общетюркскую и уйгурсую культуру" [97. 10].

Но так как законы перестановки сильных и слабых крутят колесо истории в различных направлениях, мы были свидетелями поражения победителей и победы побежденных... После распада тюркского каганата (VII век) уйгуры, которые в течение 50 лет были вассалами

этого каганата, пришли к власти, подчинив себе и киргизов. Но киргизы, не желающие подчиняться власти уйгуров, вели последовательную и организованную борьбу против этого каганата. И наконец, "в 840 году эпидемия, голод, дворцовые перевороты крайне ослабевают уйгурский каганат. Глава киргизов Ажо, провозгласив себя ханом, заявляет уйгурскому хану: "Тебе пришел конец" [97. 11]. Ажо, считающийся историческим прототипом литературного образа Манаса, погиб в 847 году...

Как следует, эпический герой Манас был конкретной личностью. Есть также исследователи, связывающие этот эпос с мифом, легендой, небылицей. Но, нельзя забывать, что наличие в литературно-художественных произведениях, сотворенных народом, мифических элементов, естественно. А это не должно позволять рассматривать наши памятники искусства, освещдающие жизненные истины, исторические реальности, как "продукт мифического мышления". Манас становится легендарным образом героя своим мужеством, доблестью и непреклонностью, но он не герой легенды. Именно в этом моменте я против рассмотрения легендарного героя и героя легенды через одну и ту же призму.

Тенденция "поиска мифа", которую мы считаем одной из идеологических болезней советской науки, на самом деле, изолировав 72 нации, "объединенные" под единым флагом, от своих реальных корней, связывала их прошлое с мифом, легендой, скажем так, не истиной, а выдумкой. Это было долгом идеологов "единого народа", "единой семьи", и первостепенной внутренней политикой организации "советского союза". Но вихрь времени, буря века разгромила этот строй, старавшийся отдалить народы от своей первозданности, этнического существа, языка, алфавита, материально-духовных ценностей. И этот

"разгром" стал толчком для процесса "национально-духовного строительства" отдельных наций и народов. Если в сегодняшних независимых исследованиях изучается не "мифический герой", а образ исторической личности, не это ли явное выражение национального возрождения?!

Ложные информации, поступающие из фальшивых летописей шовинистских (или недобросовестных) исследователей, покрывавших в течение семидесяти лет цивильное прошлое Великого Тюрка темными завесами, хоть и временно, но сделали свое дело. Документы об империи Турк Великого Тюрка, государстве Дешт-и-Кыпчак, одним словом, истории около семидесяти наших правлений были брошены в архивы-темницы за семьдесятю замками. Но время сделало свое. По мере раскрытия архивов, обнаружения древних эпиграфий и рукописей, выявления курганов, являющихся источником материальных доводов, позирование славян перед Великой Историей тюркских народов стало казаться смешным и неуклюжим.

Рассмотрение исследователей "лакеев", являющихся носителями антитюркской морали Гильгамеша, Деде Коркута, Манаса не в качестве литературно-исторической личности, а мифического субъекта, исходило именно из вышеотмеченной нами традиционной формулы. Но объективные исследования доказывают, что названные эпические герои являются историческими личностями, проживавшими в конкретную эпоху. В подтверждение нашего утверждения хотелось бы затронуть некоторые моменты со ссылкой на сами эпосы. Эпос "Манас" начинается так:

"Слово наших предков: после Каракана и Огузкана из рода Аланчакана вышли Байгур и Уйгур. Потомком

Байгура был Тюбей, от Тюбея родился Кёгёй, у Кёгёя было три сына — Ногой, Шыгай, и Чийыр. Богатства этих трех братьев были подобны наполненному до краев озеру. У Ногоя родились четыре сына: Орозду, Усен, Бай и Джакып..." [69. 33].

Манас сын Джакыпа. Сама эта родословная, представленная как историческая истина, доказывает, что Манас был конкретной личностью.

Или же, обратим внимание на первое предложение эпоса "Деде Коркут": Близко к времени посланника (божьего), из племени Баят вышел человек по имени Коркут-Ата" [27. 31].

Значит, сам эпос свидетельствует, что Коркут-Ата жил во времена нашего Пророка Мухаммеда, был его современником. "А это приходится на конец VI века и VII век, если же Коркут жил более 100 лет, самое большее, на начало VIII века..." [20. 9]. А не на XI-XII века, как пытаются доказать некоторые "ученые".

Перед тем, как перейти к научным доводам в поисках ответа на вопрос, является ли "Манас" продуктом художественного воображения, или исторической истины, важно знать мнение самого народа, веками несшего этот эпос в себе. "Сами киргизы рассматривают эпос и его героев не как художественное произведение и художественные образы, а как факт и реальные исторические личности" [95. 15].

Если "Деде Коркут" является художественно-литературной летописью Огузов, то "Манас" — это памятник киргизов. Если "Деде Коркут" освещает исторические этапы, пройденные огузами, то "Манас" отражает национальное прошлое киргизов. Параллелизмы "Деде Коркут" и "Манас" еще раз дают основание для исследования генеалогических и типологических свойств этих эпосов,

имеющих одни и те же корни, в объективном порядке, с критерием истины. А исследования доказывают, что в фольклоре народов с общим этническим происхождением имеется множество близких и схожих моментов. Соответственно, близость и схожесть сюжетов может быть последствием исторического родства народов. Иными словами, может быть связано с идентичным фольклорным наследием предков древних племен этих народов. Конечно же, здесь определенную роль играет и языковое родство [16. 22]. Считаем, что давно пришло время передать фальшивые исследования, направленные на отчуждение этого "родства", на осуждение исторической действительности...

Еще одним доказательством того, что Манас, как конкретная личность, связан с конкретным временем и пространством, является свод в области Талас, являющейся краем ценных исторических памятников киргизов древности и средневековья. Свод возведен на древней могиле. Киргизы считают этот свод своим священным местом поклонения. К слову, также напомним, что выдающийся ученый А.Н.Бернштам, основательно занимавшийся историей, этнографией и археологией Средней Азии, считает Талас центром древней культуры: "Тщательные исследования на Тянь-Шане дают основание утверждать, что центром развития культуры VI века в действительности был не Тянь-Шань, а долины Талас и Чуй" [81. 125].

Образцы материальной культуры, надгробные надписи, эпитафии, обнаруженные в долинах Талас и Чуй, фактически оправдывают слова Бернштама. По мере продвижения конкретных исследований в древние слои, становимся свидетелями все новых и новых находок, связанных с древней историей киргизских тюрков. "Состяза-

ния" педантских, или наемных ученых за "уничтожение тюркских корней" кажутся очень убогими перед лицом исторических реальностей — живых надписей судьбы, прошедших через эпохи в памяти камней...

Напомним, что в китайских источниках дается богатая информация об истории киргизских тюрок. Корни достоверных информации об этнической сущности киргизов уходят в периоды до Рождества Христова. В этих источниках подтверждается полное соответствие киргизского языка и письма с уйгурским. К слову, также отметим, что сказания и предания уйгуров об Огуз-кагане по событиям сюжета очень схожи с "Манасом"...

Манасовед Чинибек Турсунбеков, осветивший древнюю и неспокойную историю киргизских тюроков посредством научных доводов, так раскрывает реальные корни "соответствия" киргизов-уйгуров: "После ослабления гёктюрков, киргизские тюрки, объединившись с уйгурскими тюрками, свергли это государство, сформировав уйгурскую династию, подчинились ей. А между 820-840 гг., рассорившись с уйгурами, построили киргизское государство, владевшее Сибирскими и Тюрикстанскими землями" [64. 65].

К сожалению, это государство, неспособное противостоять напряженным историческим событиям, мировым войнам, распалось, киргизы в десятом столетии подверглись оккупации китайцев, а в тринадцатом столетии монголов. Киргизы, которые не могли избавиться от рабства чужеземных захватчиков до XVIII века, наконец, руководствуясь принципом присоединения к ханствам, создаваемым в Тюрикстане, вступили на путь возвращения к корням, исконной культуре. Но это "возвращение" длилось недолго, Тюрикстанские земли подверглись оккупации царской России. А дальнейшая исто-

рия связана с "победой" Октябрьской революции. На родину, земли этого народа, именуемого до революции "черные киргизы", было поставлено клеймо "Советская Киргизия", и его идеология была "отравлена" синдромом "единой семьи", объединенной под единым флагом. Киргизские тюрки, очистившие свою кровную память от этого "ядя" спустя семьдесят лет, построив независимое государство, стали вновь возвращаться в себя, к своим корням, первозданности.

Наши эпосы, получившие право жить в устных источниках словесного искусства, стали бессмертными потому, что эти произведения смогли отразить историческую действительность определенного периода. То есть, на самом деле, тюркские героические эпосы являются художественной формой тюркского героизма. Как и эпос "Манас"... Так же неопровергимый факт, что наличие литературно-культурной среды является первичным условием для возникновения этих эпосов.

К X веку, когда возник "Манас", тюрки уже имели за плечами цивилизованное прошлое. Еще в IV-V веках государство "Дешт-и-Кыпчак" тюрка-кыпчака Аттилы бросало вызов всему миру своей культурой, духовностью, мощью, величием, несокрушимостью.

Гумуг оглы Мурад Аджи в своем произведении "Полынь половецкого поля" (перевел проф. Т. Гаджиев) дает вновь известные тюркологии ценные исследования о тюркских племенных союзах, великим кочевые народов, могущественном государстве "Дешт-и-Кыпчак", протяженность которого составлял 8 месяцев дороги на коне, и легендарном правителе этого государства, сыне тюроков Аттиле.

М. Аджи напоминает европейским и русским шовинистам, исказившим исторические события до неузнавае-

мости, что в IV-V веках существовали Римская империя, Византия — великие европейские державы, но был и Дешт-и-Кипчак, которому обе эти великие державы платили дань.

Автор со ссылкой на пропавшие полностью и к счастью, не уничтоженные рукописи, архивные документы, одним словом, достоверные источники, пишет: "Земли Дешт-и-Кипчак оказали свое влияние на каждого. Перед ним владения Римской империи казались жалкой, заброшенной провинцией, а Византия — захолустным уездом. На западе Дешт-и-Кипчак начинался с Альп, у истоков гигантской реки Дуная (до их прихода реку называли Истр), и тянулся на тысячи километров далеко на восток — за озеро Байкал: восемь месяцев пути занимал путь с востока на запад Дешт-и-Кипчака. Кажется, Европа забыла про эту гигантскую страну степей" [36. 53].

Рассказывая о могущественном государстве, существование которого скрылось не в тени истории, а в искусственной тени "историков" — Дешт-и-Кипчаке, мы приближаемся к цивилизации неопровергимой кыпчакской государственности. И эпос "Манас", возникший именно на кыпчакском тюркском, питается этой цивилизацией.

"Киргизы — один из древних тюркских народов, возникших от слияния кыпчакских, и частично огузских племен" [44. 9]. Наследственно-генетические атрибуты древних кыпчаков явно ощущаются в антропологии современных киргизов, равно как проявляются в их обычаде, семейно-бытовых традициях. Как же мастерски сохранили свою первозданность, древность киргизские юрты (шатры — А.Дж.) на прекрасных долинах, покрытых альпийскими лугами, вдоль хребта Тянь-Шань, швы в красочных орнаментах этих юрт! Пройдясь по киргизским отселкам, удивляешься этому чуду...

С.М.Абрамзон в своем произведении "Этногенетические связи киргизов с Алтайскими народами" пишет, что язык киргизов больше всего близок к языку алтайцев (имеется в виду горный Алтай — А.Дж.), что вместе представляет киргизско-кыпчакскую группу, принадлежащую восточной ветви тюркского языка [74. 2]. С таким же мнением сталкиваемся в произведении Н.Мамедова и А.Ахундова "Введение в языковедение": "Древний и современный киргизский язык, вместе с алтайским языком, составляя киргизско-кыпчакскую группу, входит в восточную ветвь тюркских языков" [35. 243].

Тюркологи, этнографы, историки, пришедшие к такому заключению, родовую близость ищут, в основном, в этногенезе, кровной памяти родственных народов. И естественно, дошедшая до наших дней фольклорная линия освещает глубокие слои, пройдя через эту память. Великая история проясняется именно в этом свете. С.М.Абрамзон в своих ценных исследованиях считает важным коснуться этих моментов: "Несмотря на то, что фольклор киргизов значительно отличается от алтайского фольклора, в них остались многие сюжеты и образы древнего киргизско-алтайского единства. Анализируя киргизский героический эпос "Манас", я стал свидетелем некоторых параллелей в киргизско-алтайском фольклоре" [74. 9].

Конечно, до эпосов возникли небольшие образцы, укладываемые в относительно маленькие жанры устного словесного творчества. Сначала погребальные, колыбельные, причитания, хвалебные, овцеводческие песни, поговорки, чуть позже легенды, мифы, предания, еще позднее сказки и эпосы... В отличие от легенд, мифов и сказов, эпическое творчество опирается на конкретное время, место и жизненную действительность. То есть

эпосы возникли не на пустом месте. "Чтобы иметь эпосы, народу необходимо иметь древнее прошлое и такие события, занимающие жизнь и память народа поколениями, как незабываемые стихийные явления, большие битвы, кочевья, захваты и поселение в новых местах" [15. 64].

Знамя победы, славное прошлое великой тюркской истории, полной кровавыми войнами, не случайно нашло себе место в эпическом мышлении народа. Еще до возникновения письменной литературы (алфавита) тюркские народы, сочиняя стихи, вернее стишки, выражавшие их радость и боль, отраду и волнение, одним слов, свое настроение, исполняли их под аккомпанементом гопузу. "Проведенные в этом направлении изыскания привели к такому выводу, что во дворцах древних тюркских государств, а также армиях таких каганов-полководцев, народных героев, как Алп Эр Тонга, Аттила (в "Манасе" Джайсан Ирчы — А.Дж.) действовали озаны-поэты и музыканты" [5. 6].

Переход от устной литературы к письменной проявлялся в эпитафиях, запечатленных на камнях. Тюркские судьбы-письмена на этих "каменных памятях", равных памяти времени, были и будут написаны собственным почерком тюрка — Орхонским и гёктюркским алфавитом. Как логический итог всего этого можем сказать, что письменная литература тюрка начинается с эпитафий, написанных в честь Тор-Апа Ичраки, Гюль-Тики, Тонюкука, Могильи. Самой древней из этих эпитафий являются Енисейские надписи, относящиеся к V веку. "Енисейские надписи относятся к киргизским и огузским тюркам, проживавшим в те века вблизи реки Енисей" [15.81].

Енисейские надписи были первым литературным языком всех тюркских племен, объединенных в тюркском каганате, подчинявшихся этой власти. Этот язык более

широкое воздействие возымел на киргизов. Отмеченный факт также подтверждают надгробные надписи, обнаруженные в области Талас.

Арабский историк X века Абу-Дулеф пишет, что киргизы имеют свою молельню, свое письмо [76. 43]. Это действительно было так. Киргизы, привыкшие к кочевому и полукочевому образу жизни, не проявляли особую склонность к религии, богослужению. Так как до XVIII века Ислам не был распространен, не смог распространиться в этом крае, киргизов называли "язычниками".

Мадина Богданова, анализировавшая историю киргизской литературы, с сожалением говорит о том, что "кочевой киргизский" народ, который не мог избавиться от исторических пререканий, кровавых войн, не смог создать свою письменную литературы по известным причинам: "...киргизский народ веками не смог создать свою письменную литературу. Все его мастерство и поэтический дар проявилось в устной поэзии, именованной академиком Н.Я.Марром "литературой бесписьменных народов" [82. 14]. Да, в устной поэзии! Эта поэзия подарила общетюркскому фольклору ценные образцы искусства, и эти образцы, как жемчуга, нанизанные на нить, составили сущность такой огромной энциклопедической эпопеи как "Манас".

Грусть, радость народа, его светлые, темные дни жизни нашли свое выражение в легендах, сказках, преданиях и героических поэмах киргизов. В киргизской литературе как лирические, так и эпические образцы фольклора объединяются под одним названием: Жомок. Прозаические формы называют Жоо-Жомок, а поэтические ыр-жомок. Жоо означает читатель, а ыр — песня. А исполняющих их сказителей, акынов (озанов) называют жомокчу, жоо-жомокчу, ырчи. А точнее всего, "Большинство ска-

зителей называют жомокчу. Они исполняют некоторые части "Манаса" и другие небольшие героические поэмы" [82. 16]. Но тех, кто исполняет "Манас" полностью, называют не жомокчу, а манасчи.

"Манас" - трилогия. Первая часть посвящена Манасу, вторая его сыну Семетею, а третья внуку Сейтеку. Исполнителей первой части называют манасчи, второй — семетайчи, а третей — сейтекчи. Эти названия исполнителям дал сам народ.

Первобытными образцами киргизского фольклора являются песни, исполняемые под определенный напев. Первые это пастушки песни "Бекбекей" и "Шырылдан". Аналога этих песен мы можем найти при исследовании устной литературы азербайджанских (или огузских — А.Дж.) тюрков среди наших пастушьих песен:

"Синие облака на небе
Одеяло пастуха.
Плоские пригорки
Подушка пастуха...
Круглые скалы
Кулаки пастуха.
Дубина в руках
Щит пастуха.
Серый пес у ног
Товарищ пастуха.
Черномордый волк
Враг пастуха" [24. 100].

Ученый-фольклорист А.Ахундов напоминает, что эта пастушья мелодия и песня поется пастухами и исполняется на свирели. Эта очень древняя песня [6. 247].

Особое место пастуха в фольклорном мышлении

турецких народов (Караджа Чобан в "Деде Коркуте", Ошпур в "Манасе" и т.д.) опирается на реальную среду и жизненную действительность. "Все узлы тайных клубков в наших эпосах развязываются именно благодаря мудрости, дальновидности этих пастухов" [25. 11].

Как мы отметили выше, древний и лирический пласт киргизского фольклора составляют песни. Среди этих песен, "рожденных" от любви, жалобы, разлуки, встречи, шуток, определенное место занимают колыбельные, притчания. Но первое место в числе всех этих образцов, в целом признанных как бытовые песни, занимает любовная лирика. Песни "Секетбай" и "Куйкет" являются живым примером этому.

Дальнейшее развитие этих первобытных песен, уложенных в определенную мелодию, музыку, ритм, мы видим в эпических жанрах, в частности, поэмах и эпосах. Эпос "Манас", являющийся величественным памятником киргизского народа, а также всего тюркского мира, сопровождаясь музыкой от начала до конца, напоминает большой музыкальный букет. Скорее всего, эта музыка, выкроенная на его песни, сыграла реально большую роль в передаче "Манаса" от поколения к поколению. Манасчи, хранящий в памяти огромный эпос, нередко прибегал к помощи этих ритмов...

К слову, отметим, что мелодическая гармония поэтического образа выражения также характерна для разделов "Деде Коркута". "В языке этого эпоса как внешняя, так и внутренняя аллитерация выступают слитно. Внутренняя аллитерация использована как стилистическое средство для повышения музыкальности полустиший" [46. 81].

В эпическом фольклоре особое место занимают также доэпические виды — легенды, сказки, мифы, басни и поэ-

мы. В "Уч (три) архар" (архар — горный козел), "Алты (шесть) архар", "Едди (семь) архар", "Дочь Уржера — красавица Улпулдек" и других мифах нашли свое отражение первобытные представления, поэтические взгляды на мир, а также древние традиции и верования этого народа. А такие сказки, как "Золотая птица", "Сын хана и дочь Владыки демона" составляют специфическую ветвь общетюркского сказочного творчества, своюственную киргизам.

Схожие элементы в мировоззрении тюркских народов как в мифах, легендах, так и сказках, поэмах и эпосах, родство мифического мышления, реальные жизненные параллели свидетельствуют о единых корнях, роде одной нации, разделенной на пятьдесят частей. Несмотря на то, что словесное искусство тюркского народа, переселявшегося (не просто кочевавшего — А.Дж.) с Востока на Запад, с Севера на Юг, рассеиваясь во все уголки мира, относительно разнилось в различных условиях различных географических регионов, оно не отчуждалось благодаря единому духу. Соответствие и схожесть образцов искусства, обнаруженных в общетюркской сокровищнице фольклора, подтверждает сказанное мной. Определенная общность, естественно, должна была проявляться и в образцах фольклора тюрков с единственным языком, единственными традициями, единственным мышлением, но с различным говором, от Фергане до Парфии. Научный анализ этой общности и схожести, опирающийся на конкретные аргументы, в более широкой форме представим в последующих разделах. А пока раскроем представление о месте фольклорного образа "коса" у киргизов и огузов...

Как известно, коса является фольклорным персонажем, выступающим в народных драмах огузских тюрков во время обрядов новруз, запомнившимся своими шут-

ливо-острыми выражениями. Образ кечел (лысый) также является участником этого представления наряду с коса. И его шутовство оставило долговечные следы в традиции новруза, и они продолжают жить до наших дней. И в более широком смысле образ "кечел" мы встречаем в наших сказках. "Кечел", отличающийся своим умом, сообразительностью, является одним из ведущих образов нашего сказочного творчества. Но "коса" в киргизском фольклоре больше соответствует не тому "коса", который является персонажем наших обрядовых представлений, а тому, который встречается в наших сказках. "В качестве героя в киргизском фольклоре чаще всего выступает лысый коса, ведя борьбу против своих врагов — беков, манапов, богатых своей хитростью, умом, сообразительностью" [82-46]. А что касается смысла слов коса и кечел, надо сказать, что на самом деле эти слова являются синонимами. Образы коса и кечел, являющиеся атрибутом плешилого человека, по содержанию имеют одинаковый смысл. Параллели в общетюркском фольклорном мышлении еще раз подтверждают это. Можно прийти к такому заключению, что "кечел", являющийся одним из ведущих образов азербайджанских народных сказов, выступает как "коса" в киргизском фольклоре. Как видно, вечная память тюркских народов — фольклор является достоверным ценным источником для изучения истории нашего общего словесного творчества. "Аналитический анализ этих источников, проводимый в любом направлении, очень важен с точки зрения изучения первозданности, корней, и выявления глубоких, скрытых пластов. Так как центр тяжести этногенеза и этнопсихологии, как правило, всегда сосредотачивается в фольклоре народа" [22. 3].

Отметим, что главными образцами киргизского

фольклора являются героические поэмы. "Табылды-батыр", "Курман-бай", "Джаныш и Байыш", "Эр Тошдюк" и др. героические поэмы являются художественным отражением героической истории этого народа. Но эпопея "Манас", отделившаяся от этого общего течения народного творчества, и составившая независимую и величественную ветвь, не только является шедевром киргизских героических поэм, вершиной киргизской устной литературы, а также монументальным памятником общетурецкого фольклора. "...точно как в древней Греции вся молодежь воспитывалась по произведениям Гомера "Илиада" и "Одиссея", так и киргизский народ вырос на традициях величавого эпоса, повествовавшего о героизме храброго Манаса и его сорока воинов" [82. 76]. Этот эпос, некогда состоящий из десяти тысяч полустиший, в настоящее время насчитывает пятьсот тысяч полустиший. Видимо, "большинство сказителей были не только исполнителями эпоса, а также поэтами-импровизаторами, создавшими его новые варианты" [74. 385].

Обнаружение более шестидесяти вариантов эпоса "Манас" связано именно с талантом отмеченных "поэтов-импровизаторов". Эти таланты, известные в народе под названием манасчи, став учителями юношей, обладающих редкой памятью, высоким художественным мышлением и фантазией, для передачи хранящегося у них в устах "Манаса" от поколения к поколению, выполнили возложенную на них своего рода литературно-историческую миссию.

Традиция "учитель-ученик", часто встречаемый нами в ашугской литературе азербайджанского фольклора, также характерна для распространения и существования эпоса "Манас". Опытные мастера-манасчи не разрешали принятым ими в ученики юношам выступать среди нар-

ода, пока они не будут сформированы полностью. Такая серьезность, с одной стороны, была выражением мастера к своему искусству, а с другой, свидетельством сохранении национальных ценностей, и передаче их от поколения к поколению, через века. Манасчи в киргизском литературоведении делятся на четыре ступени с точки зрения творческих способностей, уровня таланта:

Первая ступень — манасчи-ученик (урончин манасчи)

Вторая ступень — начинающий манасчи (чала манасчи)

Третья ступень — искусный манасчи (чыныгы манасчи)

Четвертая ступень — старший манасчи (чон манасчи)

В первой ступени приступляющий к изучению юноша, или молодой манасчи становился учеником одного из опытных, достаточно знаменитых среди народа маститых мастеров-манасчи. Ученик изучает тайны эпоса, правила исполнения, поэтическую суть отдельных эпизодов. Пропущенный первый этап ученик-манасчи не пытается выучить наизусть весь эпос в полном объеме сразу, он только учит и исполняет некоторые разделы, тем самым выполнив начальную задачу. Ученик-манасчи начинает формироваться, постепенно выходя в народ и демонстрируя то, чему научился у мастера-манасчи.

Во второй ступени сказитель, именуемый начинающим манасчи, исполняя наизусть знаменитые среди народа песни, отдельные эпизоды эпоса, привлекает внимание. Эти сказители, в основном, относятся к исполняемым им эпизодам с точностью, не вносят никаких дополнений. Но среди них находятся и такие, кто благодаря врожденному таланту не только сказывает "Манас" наизусть, но и частично делает свои дополнения. Именно благодаря таланту таких манасчи возникли новые ва-

рианты этого эпоса.

Названную нами вторую ступень проходят все манасчи от мала до велика [95. 37].

Третья ступень охватывает наиболее зрелый период набравшего опыта манасчи. В этой ступени в отличие от предыдущих искусственный манасчи (чыныгы манасчы), выходя на арену, сказывает эпос наизусть от начала и до конца, вместе с тем, подходя к нему творчески. Такая форма подхода приводит к возникновению новых вариантов эпоса.

Четвертая ступень является вершиной, высшей ступенью исполнительства, либо сказания "Манас". В этой ступени принимает участие выдающийся манасчи, имеющий большим авторитетом среди народа. Такой сказитель (чон манасчы) встречается в народе с большой любовью, оставляет после себя долговечный след в истории фольклора. Своебразное исполнительское искусство, талант сказительства мастера-манасчи, наряду с новыми дополнениями в эпос с его стороны привели к созданию знаменитых вариантов "Манаса". Из таких мастеров-манасчи, поднявшихся до вершины бессмертия в истории киргизского фольклора, особо стоит отметить имена Кельдыбека, Тыныбека, Балыга, Чоюка, Джаныбека, Саягбека, Сагымбека, Шапака, Мамбета. Киргизский народ смотрел на этих манасчи как на носителей божественного откровения, всегда почитал и почитает их имена. Именно сказители на уровне названных манасчи получали специальные приглашения со стороны состоятельных людей и сказывали эпос наизусть от начала и до конца. Так как "Манас" по объему велик, для его исполнения требовались недели, и даже месяцы. Естественно, послушать целый вариант "Манаса" доводилось только состоятельному слою народа, в частности, манапам, бе-

кам, приглашающим к себе манасчи на длительное время" [75. 56].

Как мы отметили, искусные мастера-манасчи "четвертой ступени" создали новые варианты эпоса за счет своего врожденного таланта, поэтических способностей. Число этих вариантов, известных науке, пока что составляет шестьдесят пять. И это правда, что вариант эпоса "Манаса" от Сагымбека Орозбекова и Саягбека Караплаева отличается целостностью и высокой художественностью. Их обычно называют классическими вариантами" [91. 443].

Манасчи делились как на четыре ступени с точки зрения исполнительского таланта и творческой способности, так и на четыре направления в пространственном смысле:

1. Манасчи Чуй;
2. Манасчи Иссык-Куля;
3. Манасчи Тянь-Шаня;
4. Манасчи южной группы.

Конечно же, региональный дележ внес в различные варианты "Манаса" характерные мотивы, поэтическую красочность. Еще одним интересным моментом является то, что признанный народом манасчи, которому народ верил и слушал, должен был быть "человеком божественного откровения", одаренным во сне. Поэтому, знаменитые манасчи, прежде чем сказывать эпос, рассказывали свой сон, пытаясь убедить зрительскую массу, что они якобы во сне встретились и беседовали с духом Манаса, его воинов. Также добавляли, что "сказывают эпос не по своей воле, а под давлением, угрозами и по приказу сившихся им духов" [54. 65].

Манасчи прибегали к "выдумке о сне", чтобы оказать на слушателей двойное воздействие. Убедить их, что это

не простое повествование, а проявление невидимой силы. Но были также такие выдающиеся манасчи, которые смогли завоевать славу среди народа, не прибегая к "выдумке о сне". Неслучайно, мы становимся свидетелями прославления автора одного из первичных вариантов эпоса "Манас" Тоголока Молдо в народе как выдающиеся манасчи, хотя в его биографии, исследованиях относительно его творчества не встречаем такого верования как сон. Отсюда можно сделать вывод, что "сны манасчи" на самом деле носят формальный характер. Сказатели, завоевавшие доверие и веру народа, не пользуясь методом "сна", прославившиеся в народе как "истинные манасчи", обладают другими средствами воздействия. Они смогли завоевать авторитет, полностью переняв сказительство манасчи-предшественников, сказывая эпос полностью и с творческими дополнениями, заявляя о своих мастерах, людях, у которых они учились.

Наблюдая необычное представление эпоса "Манас" — "Театр одного актера", восхищаешься музыкальными элементами, ритмами и мелодиями, живыми позами и жестами, богатой мимикой, баритоном и оттенками нежного голоса, аллитерациями, художественными интонациями, корни которых идут в очень древние времена. Эти моменты напрямую связаны с шаманизмом. Когда смотришь представление, манасчи как-будто становится шаманом перед глазами. Отмечу, что с точки зрения сохранения древнего облика тюрка Средняя Азия напоминает очень богатый и живой музей. Современные внуки наших предков-шаманов, оставшихся в далеких далеко за тысячелетиях, и по сей день продолжают жить в зеленых долинах Алтая, Тянь-Шаня, сохраняя свои первозданные лад, голос, речь...

Чтобы не отдалиться от темы, считаем целесообраз-

ным дать информацию о жизни и деятельности великих манасчи — народных мастерах, которые увековечили "Манас".

б) Манасчи

О первых манасчи — Джайсане Ырчы, Ирамандыне Ырчы оглы, Токтокуле Ырчы, Нооруз, Музооке Ырчы существуют только мифы и предположения. От сказанного ими "Манаса" не остались какие-либо следы. По А.Ауззову предполагается, что человеком, создавшим первые стихотворения об эпическом герое Манасе, был Джайсан Ырчы. В варианте С.Орозбекова Джайсан Ырчы представляется озан из числа сорока чоро (воинов — А.Дж.) Манаса. Другой старый манасчи Ирамандын Ырчы оглы был одним из чоро Манаса. "После смерти Манаса появились озаны, повествовавшие о его подвигах в стихах. Один из сорока чоро Манаса Ырамандын Ырчы оглы, собрав эти стихи, придал им форму большого произведения" [54. 67].

Так как современной науке известно очень мало о древних манасчи, исследователи киргизского фольклора, а также тюркологи-манасоведы затруднялись высказывать точное мнение об этих личностях. Одним из древнейших манасчи, о которых имеется достоверная информация, является Кельдыбек Барыбоз оглы.

Кельдыбек Барыбоз оглы (1800-1880)

Кельдыбек родился в 1800 года в селе Чол-Арыг Чуйской области, умер в возрасте 80 лет в поселке Баткак Ат-Башы.

Кельдыбек был искусственным сказителем, сказывающим трилогию "Манас" наизусть полностью. Его врожденный талант оказал сильное влияние на последующих манасчи, и в действительности Кельдыбек стал примером для формирования нового поколения манасчи. По преданию, "когда Кельдыбек начинал сказывать эпос Манас, земля тряслась, гремел гром, стадо само возвращалось из пастбища в село" [54. 68]. Манасчи Кельдыбек также завоевал в народе авторитет как лекарь, сказывая "Манас" облегчал боль больных, одаривал бесплодных женщин ребенком.

Кельдыбек относился к манасчи, которые "видели сон". Он дважды встречался в своих снах с Манасом. Первая встреча приходилась на времена, когда юный Кельдыбек жил в Чуйской области. Манас и его воины сняться ему. Воины Манаса говорят: "Кельдыбек, мы по пути переночевали у вас. После тебя идет Сагымбек — у них пообедаем. Мимоходом встретимся с Таныбеком. Ты проводи нас с почетом, нам еще предстоит навестить Кожомгелди из черика (название племени — А.Дж.), но его жизнь будет коротка" [88. 111].

Во втором сне Кельдыбек видит на Агауле храброго Манаса с черной бородой, большими глазами, который своей величественной осанкой приводил человека в содрогание. Он говорит: "Меня зовут Манас". Алмамбет и Бакай из его друзей тоже были здесь. Они предупреждают Кельдыбека, что если он каждый год принесет жертву во имя духа своих предков, у тебя будет сын, но если хоть один раз забудешь об этом обряде, тебе ничто не поможет, и останешься бездетным. У тебя будет всего лишь одна дочь.

И действительно, у Кельдыбека не было сына...

Балыг (Бекмурат Кумар оглы)

(1799-1887)

Манасчи по прозвищу Балыг, был современником Кельдыбека. Предполагается, что он родился и рос в Таласской области, а умер в Чуйской области. Балыг прожил жизнь, полную противоречиями и страданиями. Бекмурат, оставшись сиротой и лишившись родительской заботы с малых лет, привык к рабскому труду с подросткового возраста, предпочел жить без одолжения с чьей-либо стороны за счет честного труда. В то время существовало Коконское ханство киргизов. Знать ханства, собирая с окрестных областей налоги, сильно мучила народ. Тогда "киргизские старейшины в Таласе, посоветовавшись между собой, решили отдать Балыга беку в качестве подарка для службы. Балыг завоевал уважение бека своей старательностью. Его назначили главным пастухом. Балыг, ведя стадо в Наманган, читал эпос "Манас" и очень понравился здешнему старшему беку" [54. 69].

Несмотря на то, что беки, увидев способности Балыга, стали уважать его как мастера, и проявлять к нему заботу, манасчи, который всегда был среди народа, не смог примириться с этими беками, давившими народ. Даже в результате руководимого им народного восстания был убит жестокий бек Коконского ханства в Пишпеке.

Балыг был личностью, обладавшей поэтическим даром, врожденным талантом. Этот народный мастер, сказывающий эпос "Манас" с юных лет, также обладал способностью сказывать на память другие образцы киргизского фольклора в лирическом и эпическом жанрах. Балыг также был из манасчи, "увидевших сон". По преданию, киргизские беки отправляют Балыга в Наманган с

тремя товарищами. Чтобы скрыться от дождя, им приходится переночевать в куполе Манаса. Балыг, засыпая, слышит топот лошадиных копыт. Сразу выходит из купола и осматривается. В степи видит сорок-пятьдесят всадников. Балыг здоровается с ними. "Они спрашивают: — Знаешь ли ты нас? Балыг отвечает, что не видел вас, но кажется знаю. Всадники говорят: — Тогда мы те люди, которых ты знаешь. Ты появился в куполе, где мы живем. И Токтолук, и Толубай повествовали о нас, сказывали в нашу честь эпос..." [88. 112, 113]

Всадники, внимательно осмотрев Бекмурата, дают юноше, у которого глаза и рот напоминали рыбу, прозвище Балыг (Рыба). Затем знакомят Балыга с Манасом и его сорока чоро.

После этого происшествия Балыг впервые в присутствии хана Намангана начинает сказывать "Манас" полностью и непрерывно...

Тыныбек Джапы оглы (1846-1902)

Из сведений, полученных о манасчи, узнаем, что Тыныбек родился в 1846 году в селе Гайнар Иссык-Кульской области, умер в 1902 году в поселке Туюк Нарынской области.

Так как семья Тыныбека была очень бедной, он с малых лет был вынужден вполнять сельскую работу, чтобы помочь отцу. Тыныбек, с детства запечатлевший в память просачивающиеся в сердца рассказы, забавные предания, одним словом, загадочные фольклорные образцы народа, постепенно осмелился сказывать эпос "Манас". То есть, как и другие манасчи, он прошел очень скучный путь сказителя. А в 24-25 лет Тыныбек смог прославить-

ся среди киргизов как знаменитый манасчи...

Тыныбек, как сам в свое время получал уроки у таких мастеров-манасчи, как Чонбаш, Кельдыбек, Балыг, Назар, так и сам учил манасчи-учеников, таких как Сагымбек, Тоголок Молдо, Бекбахыш, Ходжаверди... Джакып. Тыныбек, имевший особые заслуги в воспитании большого поколения манасчи, также желал увидеть среди этих мастеров кого-то из родных. Его сын Соронбай и родственник Бекбахыш, которые одновременно получали у него уроки, хотели прославиться как манасчи. Но не сын Тыныбека, а родственник Бекбахыш добился больших успехов в этом поприще, и смог встать в ряд манасчи. Еще один продолжатель рода Тыныбека Актан Тыныбеков был из знаменитых озанов киргизских тюроков.

Когда Тыныбека спросили, как ты научился сказывать эпос "Манас", он ответил: "Я выучил Манас, расспрашивая многих людей и слушая великих сказателей. Но, сказывая его, и себя ощущаю в круговороте этих событий. Некоторые места как лента проходят перед моими глазами" [54. 71].

Кроме того, не исключается, что и Тыныбек видел сон, связанный с Манасом. Имеются сведения, что он тоже, как и некоторые манасчи, начал сказывать эпос наизусть после того, как Манас приснился ему. По преданию, когда Тыныбек вместе со своим отцом отправляется в Иссык-Кульское кочевье, перед одним из юрт (шатров) он засыпает. Во сне видит, что между гор идет какое-то войско. Среди этих воинов, несущихся на конях как молния, его внимание больше всего привлекает один смельчак. Это был Манас. Манас вызывает к себе Тыныбека, знакомится и далее говорит: "Тыныбек, завтра на том месте, где ты остановился, порежут черную овцу. Подари его духу храброго Манаса. И тем, кто будет ре-

зать овцу, напомни о Манасе. Если ты не напомнишь о подвигах Манаса, никогда не получишь помощи от духов" [54. 72].

Говорят, Манас и в дальнейшем снится Тыныбеку. И после этих снов, он, выполнив данное обещание, сказывает эпос от начала до конца.

Тыныбек в 1898 году по просьбе бека Нарынской области переносит на бумаги часть трилогии "Манас" — "Семетей". "Глава из Семетея", изданная в 1925 году в Москве на киргизском языке арабским алфавитом, основана именно на рукописи Тыныбека. Как следует, Тыныбек не только нес трилогии "Манас" у себя в памяти, воспитал династию манасчи, преподавая его самым талантливым молодым людям киргизского народа, но и оставил в истории литературы почетный след, записав часть этого эпоса. Именно поэтому киргизы всегда почтят память Тыныбека с большим уважением.

**Чоюк Омур оглы
(1880-1925)**

По имеющимся данным, Чоюк родился в селе Тюркон Иссык-Кульской области. Родные Чоюка, вышедшего из бедной семьи, были слугами богатых людей. Он некоторое время жил у Хасанбека, запечатлев в детской памяти места с прекрасной природой, такие как Атбашы, Нарын. Этот юноша с поэтической природой, читал наизусть многие древние фольклорные образцы киргизских тюрков, в том числе эпосы "Эр-Тошдюк", "Джаныш-Байыш". Чоюк неоднократно принимал участие на "Соревнованиях Манас", ставших традицией в те времена, и получал призы как победитель. Манасчи, желающий ближе соприкоснуться с духом Манаса, поехав в Талас, увидел

купол героя, и некоторое время оставался там — в Таласе. Чоюк, проживший в Таласе примерно 5-6 лет, более глубоко изучив многие тонкости эпоса "Манас", стал одним из очень авторитетных манасчи среди народа. По словам его брата Азиза, "эпос "Манас", который сказывал Чоюк, был записан, но о том, где он хранился, ничего не было известно" [54. 75].

Из преданий, воспоминаний, дошедших до наших дней в памяти народа, следует, что Чоюк так же был из тех манасчи, которым Манас приснился. Сам Чоюк рассказывает о своем сне так:

"Летом, когда возвращался домой с работы, решил спать, отпустив лошадь. Только уснул, как вдруг в перевале Гызыл Гая мне встретился старик, и отвел меня в какую-то юрту. Там я увидел лежащего воина. Рядом с ним был кумыс. Я поздоровался, он промолчал. Старик напоил меня этим кумысом. Затем сказал, что этот воин Манас, и повел меня в сорок юрт, познакомив с разными воинами, напоил кумысом в этих юртах. Когда я проснулся, был вечер... С тех пор сказываю этот эпос наизусть" [88. 113].

**Тоголок Молдо
(Байымбет Абдырахманов)
(1860-1942)**

Тоголок Молдо (Байымбет Абдырахманов) родился в 1860 году в местности, именуемой Куртка Ак-Ташынского района Нарынской области. В том, что Байымбет, выросший в среде стихов, искусства, вознесся до литературных высот, сыграли роль с одной стороны его отец Абдырахман, а с другой дедушка Музооке. Абдырахман, известный в народе своими красивыми стихами, песня-

ми, также хорошо знал киргизский фольклор, и в церемониях, собраниях наизусть читал не только свои стихи, но и образцы фольклора. "Байымбет с юных лет внимательно слушал и учил стихи отца, и читал их наизусть" [59. 21]. Но из-за внезапной смерти Абдырахмана 6 детей остались на попечении их матери Джыгатай. Музооке, увидев, что семья осталась без главы, взял их под свое покровительство, дал детям, в частности Байымбету воспитание и образование. Прекрасный знаток народного творчества и искусный мастер голуга Музооке, обучая Байымбета — своего талантливого внука знаниям, исходящим из древних источников, сыграл неповторимую роль в его становлении как манасчи.

Байымбет, получивший начальное образование у девушки Музооке, затем учится в мусульманской школе, изучив некоторые науки. Поэтому и получил прозвище Тоголок Молдо (всесторонний мулла — А.Дж.). Но знакомство с выдающимся манасчи Тыныбеком, когда ему было 18 лет, раскрыло в его мировоззрении и искусстве исполнения манаса новые горизонты. Рассказывают, что "однажды в село Байымбета приходит великий манасчи Тыныбек. День и ночь он сказывает эпос "Манас". Маленький Байымбет, не отводя глаз, день и ночь слушает Тыныбека. Байымбет, внимательно слушавший эпос, уже не хочет расставаться с Тыныбеком. Тыныбек берет его с собой. Год (Байымбет) живет у них. Учит сказанное им" [54. 75].

Тоголок Молдо многие секреты Манаса также учит у Сагымбека Орозбекова. Полностью "вооруженный" в этом направлении манасчи обладал способностью сказывать все три раздела эпоса ("Манас", "Семетей", "Сейтек") наизусть. Он сам перенес на бумагу сказанный им вариант, и данный вариант по сей день хранится в Фон-

де Рукописей Академии Наук Киргизстана.

Шапак Ырысмендиев (1863-1956)

Шапак родился в селе Шемши Кочкорского района Нарынской области. Шапак, родившийся в бедной крестьянской семье, с детства занимался вместе с отцом земледельческими работами, привык зарабатывать на хлеб тяжелым трудом.

Шапак, с малых лет запечатлевавший красочные "нити" киргизского фольклора в память, в 13 лет начал учить эпос "Манас". Но это получилось не сразу. "Долгие годы он жил у Балыга, Найманбека, Акылбека и Сагынбека. Еще ребенком около трех лет жил у Балыга, учил все эпизоды от Чон Казана (великого похода) до смерти Манаса у него" [54. 88].

Как видно, эти талантливые люди, передававшие эпос "Манас" из поколения к поколению, от племени к племени, через годы и века, встав на страже духовной сокровищницы своего народа, составили армию великих манасчи. Передавая эпос друг другу добились того, что "Манас", являющийся одним из шедевров мирового фольклора, полностью был занесен на бумагу. Шапак имеет большие заслуги, тяжелый труд в полном занесении трилогии "Манас" на бумагу полностью. "Кроме трилогии "Манас", из числа других небольших эпосов "Мендирман" и "Джаныбек" также были занесены на бумагу с его слов в полном объеме" [91. 475].

Напомним, что Шапак также входит в число манасчи, "увидевших сон". По преданию, когда он возвращался из Андижана, на перевале Сон-Гюль спустился с коня отдохнуть, и увидел сон. Во сне он встречает одного ста-

рца. Затем слышит топот копыт. Старец приказывает ему рассказать эпос, а он отвечает, что знает очень мало. А старец говорит ему, что много знаешь, расскажи, и он начинает сказывать от начала до конца. И каждый раз ему слышится топот копыт" [88. 116].

Как и другие мастера-манасчи, имя и слава Шапака Ырысмендиева увековечилась в истории литературы киргизских тюрков.

**Сагымбек Орозбеков
(1867-1930)**

Сагымбек родился в селе (зимовье — А.Дж.) Кабырга Иссык-Кульской области. Его отец Орозбек относился к племени саяг, был талантливым народным мастером — зурначи. "С.Орозбеков в молодые и зрелые годы жил в Кочкорском районе Нарынской области. Будущий профессиональный сказитель обезжал киргизские края, и содержал семью за счет заработка, собранного за исполнение "Манаса" [91. 444].

Как и своего современники-сородичи, Сагымбек получил образование в мусульманской школе. Но это образование не дало ему ничего, кроме изучения арабского алфавита. Сагымбек сформировался в среде своих родственников, которые хорошо знали фольклор, народную литературу. А что касается сказания "Манас", на него большое влияние оказали мастера-манасчи Чонбаш, Кельдыбек, Балыг, Тыныбек, жившие в одно время с ним. "Когда семья Орозбека жила на востоке Иссык-Куля, в их село приезжает манасчи Чонбаш, сказанный им эпос сильно действует на Сагымбека. Хочет уехать вместе с ним. Желает сказывать, изучить Манас" [59. 23]. А по другим данным, Сагымбек еще подростком сильно забо-

левает вместе с членами семьи. Это происходит, когда Сагымбек вместе с братом Алиширом переезжает с Иссык-Куля в Кочкор. Юноша, обессиленный от жара, видит странные сны. "Видит, что в степи Кочкор есть юрты величиной в гору. Удивляется. Входит в одну из них. Люди показывают ему, где садиться. Один из них рассказывает какую-то шутливую историю, все смеются. Это был друг Манаса Аджыбек. Один из них говорит:

— Этот юноша расскажет эпос!

Сагымбек просят начать сказывать эпос. Сагымбек отвечает, что не знает эпоса. В это время в юрту входит воин в халате из верблюжьей шерсти, и угрожает Сагымбека: — Или зарежьте его, или расскажет.

Аджыбек говорит:

— Сынок, ты еще молод, пожалей себя, не возражай, скажи что знаешь, или он уничтожит тебя.

Сагымбек был вынужден сказать, что знает эпос. Затем сказывает эпос частями. Ближе к утру люди расходятся. Сагымбек вскрикнув, просыпается, и спрашивает, видели ли они выходящих из юрты людей?

А угрожающий ему был Семетей" [88. 115].

Вариант эпоса "Манас" от Сагымбека Орозбекова считается классической версией с точки зрения высокого художественного уровня, поэтической формы, полноты сюжетов, мастерства описания и воспевания. Сагымбек перенес на бумагу первую часть трилогии, связанную с Манасом, своим почерком (арабским алфавитом — А.Дж.). Но неожиданная болезнь не дала Сагымбеку записать разделы эпоса, связанные с Семетеем и Сейтеком. Эти разделы были перенесены на бумагу его последователями-манасчи, слушавшими, учившимися у него. Сагымбек, подходя к "Манасу" творчески, создал свой вариант, как "поэт-импровизатор". Этот вариант, затмевая

другие своей полнотой и художественным содержанием, занял одно из ценнейших мест в глазах исследователей-тюркологов, манасоведов.

Киргизские тюрки, высоко ценившие магическое исполнение Сагымбека, говорили о нем так: "Сагымбек — главный среди манасчи. В месте, где Сагымбек исполнял Манас, люди, животные забывали о боли, бездетные одариваются ребенком" [54. 81]. Этот великий манасчи с той же охотой и вожделением сказывал и эпос Семетей. Но, как отметили выше, он лишился возможности занести на бумагу "Семетей" своим почерком.

Знание Сагымбеком киргизской истории, этнографии и фольклора заметно проявлялось в сказываемых им эпосах. Он наизусть сказывал не только "Манас", "Семетей", а также "Алтын-кокул", "Эр-Тоштук", "Алтунсаг-гал Айгоджа" и др. эпосы киргизских тюрков. Его своеобразные стихи также встречались народом с любовью. Так как в этих стихах слышались биение сердца простого, мученического, кочевого народа.

Идея манасчи, являющаяся его судьбой, долей, сделал Сагымбека Орозбекова орлом, вечно парящим на горизонтах киргизской литературы. Вершина Манас, упирающаяся в недосягаемые горизонты, имеет орла, как Сагымбек...

Джаныбек Коджеков (1869-1942)

Джаныбек родился в Джумгалском районе. Впоследствии переехал в Токдогульский район, и в 1942 году умер здесь.

По устным и письменным источникам, Джаныбек "учился исполнению Манаса у своего отца Коджека" [91.

486]. Но также говорят, что Коджек тоже перенял это мастерство от своего отца. В целом, в роду Джаныбека до него было шесть манасчи. Значит, это мастерство имело для Джаныбека своего рода наследственный характер. А его сын Метай, говорят, сказывал "Семетей" в прозе.

Так как Джаныбек Коджеков сказывал в основном разделы трилогии о Семете и Сейтеке, в народе был известен как "семетайчи". Джаныбек не имел никакого образования. Но его встречи с манасчи своего времени, в частности общение с С.Орозбековым и чтение "Манаса" вместе с ним помогли ему глубоко ознакомиться со многими тонкостями этого эпоса.

Киргизским фольклористам удалось в 1936-1940 гг. записать вторую часть трилогии — "Семетей" от слов Джаныбека.

Как и другие манасчи, Джаныбек также видел сон. Из его слов: "Однажды я заснул на пути в Кочкор. Во сне увидел трех всадников. Конечности их копей сверкали огнем. Один из них ударил меня копьем. Пронзившее мое тело копье все еще светилось огнем. Всадники сказали, что это наказание мне дается потому, что я не продолжаю дело наших предков... Затем всадники приготовили еду. Один из них сказал: — Я Семетей, а это Гульчоро и Канчоро. Мне тоже дали поесть. Когда я открыл глаза дома, увидел, что болен. После этого некоторое время лежал больным. Выздоровев, поднялся на горы и начал сказывать "Манас". Затем сказывал его перед народом, и таким образом стал манасчи" [88. 114].

Джаныбек Коджеков пользовался в народе большим авторитетом, исполняя не только трилогию "Манас", а также эпосы "Эр-Табылды" и "Эр-Тоштук", являющиеся ценными образцами сокровищницы киргизского

фольклора.

Джакшылыг Сарыков (1880-1934)

Джакшылыг Сарыков, известный по прозвищу Черный воспеватель [59. 24], родился в Иссык-Кульской области. Родом он из рода Такабек племени Бугу.

Джакшылыг, вышедший из богатой семьи, в ранние возрасты — с 9-10 лет проявлял большой интерес к стихам, народной литературе. Уже в 12-13 лет "Черный воспеватель" был известен среди народа как поэт-песенник. Когда он начал сказывать "Семетей", ему было 25-26 лет.

Поверхностные сведения, полученные о Джакшылыге, к сожалению, не позволяют распространяться на счет биографии этого сказителя. Исследователи киргизского фольклора смогли прослушать и занести на бумагу раздел "Семетей" "Манаса" из его слов, когда ему было 49 лет. А позже был записан повествуемый им раздел "Сайтек". Он также связывал свой талант сказителя со сновидением.

Рукопись повествуемого Джакшылыгом Сарыковым "Семетея" и "Сайтека" состоит из 12 книг. По словам выдающегося манасчи С.Каралаева, Дж.Сарыков умер в 1934 году.

Молдобасан Мусулманкулов (1884-1961)

М.Мусулманкулов родился в местности под названием Куртка Агталинского района Нарынской области. С очень ранних лет начал писать стихи. На написанные стихи сочинял песни и пел среди народа [59. 24, 25].

Молдобасан до сказительства "Манас" прошел лите-

ратурный путь, начинающийся от фольклора. Он запечатлев в памяти народные сказания, древние традиции киргизского народа, музыкальные отрывки, исполненные народным духом, волшебные мелодии, озвучиваемые на голузе, зурне. М.Мусулманкулов, выросший и сформировавшийся в этой среде, обладал способностью исполнять все три части эпоса "Манас". Но его творчество не ограничивается только сказанием "Манаса". Молдобасан, как хороший фольклорист, был прекрасным сказителем и других киргизских эпосов — "Кадейкана", "Джаныш-Байыша", "Курман бая", "Джаныл Мирзы", и не пожалел труда в занесении этих произведений на бумагу.

М.Мусулманкулов начал сказывать трилогию "Манас" в 25 лет [91. 471]. Он учил эпос у Тоголока Молдо. Кроме того, многие моменты, связанные с "Манас", выучил у классического манасчи Сагымбека Орозбекова.

Молдобасан, долгое время работавший артистом в Государственной Филармонии Киргизстана, также завоевал большой авторитет среди народа как музыкант, исполнитель фольклора, сказитель и главное, манасчи. Мастер, оцененный на государственном уровне, удостоился почетного звания "народный артист", награжден орденами и медалями. М.Мусулманкулов умер в 1961 году в городе Бишкек.

Акмат Рысмендиев (1891-1966)

По имеющимся у нас данным, Акмат Рысмендиев "родился в 1981 году в Чуйском районе. Был известен как семетейчи. Полный текст эпоса "Семетей" в его исполнении занесен на бумагу в 30-40-х годах, из "Манаса" ис-

полнял только отдельные эпизоды. А.Рысмендиев умер в 1966 году в селе Шамши Чуйского района" [91. 486].

Из других сведений о биографии, жизненном пути Акмата узнаем, что он в три года потерял отца и мать, оставшись сиротой. Акмат, с младенческих лет живший у чужих людей, подростком работал слугой, а затем пастухом, худо-бедно устроив свою материальную жизнь.

"А.Рысмендиев сказывал "Семетей" с 20 лет. Он считается учеником великого манасчи С.Орозбекова. По имеющимся у нас данным, выучил "Семетей" и мастерству его исполнения у Сагымбека" [59. 25]. Акмат впервые перед народом выступил исполнителем не всего эпоса, а отдельных его эпизодов, воодушевился, увидев, что принимается людьми хорошо, и прославился, полностью исполнив II раздел "Манаса" "Семетей". Если учесть, что манасчи были людьми, наделенными особым даром, творческим мышлением, то можно утверждать о поэтическом таланте Акмата...

Саягбек Карадаев (1894-1971)

Великий манасчи Саягбек Карадаев родился в 1894 году в жилом пункте, именуемом Семиз-Бел Иссык-Кульской области. Трилогия "Манас", сказанная выдающимся народным мастером из племени Бугу, затмила все другие варианты этого эпоса по объему. Вариант С.Карадаева, состоящий из более полумиллионов полустиший, оценен манасчи как самый объемный "Манас". Киргизские тюрки, высоко чтившие имя выдающегося манасчи, еще при жизни назвали его "Гомером века".

Детские и юношеские годы С.Карадаева были полны тяжкими страданиями и лишениями. Этот великий на-

родный мастер, вышедший из бедной семьи, выучил образцы фольклора — песни, сказки, эпосы, автором которых является народ, у своей бабушки, которая знала все это наизусть.

"Саягбек в 1916 году присоединился к движению против царского режима вместе с бедной частью населения. В 1918 году добровольно вступив в ряды Красной Армии, до 1922 года воевал в Средней Азии с белогвардейцами и басмачами. После возвращения из армии около шести лет работал на должности председателя совета одного из сел вблизи Пржевальска" [91. 457].

По имеющимся данным, С.Карадаев за время работы на должности председателя совета, начал еще больше изучать эпос "Манас". А причиной тому стал знаменитый манасчи Чоюк Омуроглы. Саягбек, изучивший многие секреты "Манаса" у Чоюка, несомненно, впоследствии внес в эпос свои дополнения. По другим сведениями, он "в эти годы познакомился с великим манасчы Акылбеком, и учит у него тонкости мастерства сказания Манаса" [59. 25].

Свидетели неповторимого таланта Саягбека, проявив к нему внимание, в 1930 году приглашают в город Бишкек. С.Карадаев, прославившийся в столице своим исполнительством, поднялся до вершины народного артиста, был награжден орденами и медалями.

Саягбек Карадаев, умерший в 1971 году в Бишкеке, продолжает жить в памяти киргизского народа, завоевав бессмертие.

Мамбет Чокморов (1896-1973)

Мамбет Чокморов родился в зимовье Корунду Тонс-

кого района Иссык-Кульской области [91. 483]. М.Чокморов, получивший начальное образование, умел читать и писать арабским алфавитом. Со стороны отца у него не было родственников, способных сказывать эпос "Манас". А манасчи Данузбек Эшимбеков, родственник по линии матери, приходился Мамбету родным дядей. М.Чокморов, с детства занесенный в память сказание своим дядей "Манаса", достигнув 20 лет, начал повествовать отдельные эпизоды этого эпоса, а вследствии сказывал эпос наизусть от начала до конца. Он тоже связывал эту свою способность со сновидением:

— Мне приснились люди. Один из этих людей, появившихся непонятно откуда, спросил, знаю ли я их? Я ответил: — Нет! Кто-то сказал, убейте его! Другой сказал, не бойся, это Манас, ты сказывай о Манасе.

— Расскажет, расскажет — кто-то сказал.

— Он не станет сказывать, лучше наложите на его грудь печать — сказал другой...

Человек в белой чалме, белом халате, на сером коне подошел ко мне и наложил на мою грудь печать... И все. Теперь ровно 20 лет будет манасчи — сказали и исчезли [88. 116, 117]

Считался одним из талантливых манасчи, полностью сказывавших трилогию "Манас" ("Манас", "Семетей", "Сейтек") после Мамбета Чокмирова, С.Каралаева и Ш.Ырысмендиева и завоевал большое уважение среди народа. Объем трилогии "Манас", записанной киргизскими фольклористами в 1959-1972 гг. со слов М.Чокмирова, составляет 48557 полустиший. Выдающийся манасчи умер в 1973 г. в районном центре Бакумбаев Киргизстана.

Ибрагим Абдырахманов

(1888-1960)

По данным [91. 480] Ибрагим Абдырахманов родился в зимовье Чыраг Джети-Огузского района (Семь Огузов) Иссык-Кульской области. Ибрагиму, получившему начальное образование у сельского муллы, дали прозвище "ак молла" (белый мулла). Некоторое время преподавал в Джети-Огузском районе. Затем, переехав в Тянь-Шаньскую область, продолжил здесь преподавательскую деятельность. Но Ибрагим, глубоко чувствовавший, любящий киргизский фольклор, собирая и заносящий его на бумагу, посвятил оставшуюся жизнь научной работе в этом направлении. В 1960 году умер в Атбашинском районе.

Ибрагим Абдырахманов хоть и знал трилогию "Манас" наизусть, не очень то стремился сказывать этот эпос перед народом. Он всю силу направил на записывание трилогии "Манас". И.Абдырахманов в 1922-26 гг. записал эпос "Манас" со слов Сагымбека Орозбекова (объем: 188666 полустиший), в 1936 году "Семетей" со слов Саягбека Карадаева (объем: 63550 полустишия). Он был интеллигентом, обладавшим особым опытом в записывании этих эпосов, а также других образцов фольклора киргизских тюрков. Поэтому, "такие знаменитые манасчи, как Шапак Ырысмендиев, Джаныбек Косеков, Бахыш Сазанов, Акмат Рысмендиев, Молдобасан Мусулманкулов, предпочли, чтобы сказанные ими эпосы были записаны Ибрагимом Абдырахмановым" [54. 89].

И.Абдырахманов знал многие тайны этого эпоса, так как с детских лет внимательно слушал манасчи, живущих в Иссык-Кульской области. В изучении эпоса "Манас" во всех тонкостях большое влияние оказал знаменитый ма-

насчи Акылбек. Исследователь фольклора и манасчи И.Абырахманов, обладавший богатыми знаниями, не забыл о трудах мастеров-манасчи, которых годами слушал и работы которых стали для него школой.

В Фонде рукописей Академии Наук Киргизстана хранится большой архив И.Абырахманова. В этот архив входят не только трилогия "Манас", но и другие образцы киргизского фольклора. А имеющаяся в архиве трилогия "Манас" является его собственным вариантом, занесенным на бумагу в 1952 году собственным почерком И.Абырахманова.

Бахыш Сазанов
(1878-1958)

Бахыш Сазанов родился в местности, именуемой Гара Су Джумгалского района Нарынской области [91. 477]. Бахыш, не получивший никакого образования, занимался кузнечным делом. По некоторым предположениям, он учился сказительству "Манаса" у выдающегося манасчи Сагымбека Орозбекова. Но достоверная информация такова, что он "овладел искусством сказания через своего близкого родственника Бекбахыша Джакыпова, который перенял сказительство "Манаса" у Тыныбека Джапыева" [91. 477].

Б.Сазанов был озаном, знаяшим трилогию "Манас" наизусть, и обладавшим талантом сказывать ее перед народом. Раздел "Семетей" трилогии был записан с его слов полностью, а раздел "Сейтек" вкратце. В варианте "Манаса" Б.Сазанова имеется часть под названием "Детство Джакыпа" (отец Манаса). Эта часть, получившая место в начале эпоса, отсутствует в других вариантах "Манаса" за исключением варианта М.Чокморова. А в

варианте М.Чокморова этот момент исполнен немного иначе. Здесь говорится не только о Джакыпе, но и о предках Манаса и дается родословная Манаса.

Актан Тыныбеков
(1887-1951)

Сын знаменитого манасчи Тыныбека Джапыева Актан Тыныбеков родился в Тянь-Шаньском районе Нарынской области. Умер в 1951 году [91. 487].

Актан учился сказительству Манаса у своего отца. Этот юноша, сначала сказывавший "Манас" перед небольшими массами своего народа, впоследствии набрался опыта и за время работы в Государственной филармонии Киргизстана, не ограничиваясь сказанием "Манаса", представляя к вниманию своих соотечественников самые ценные фольклорные образцы, исходящие из глубоких слоев киргизского народа, внушающие патриотизм, любовь к родине, народу. Известный эпос киргизов "Эр-Табылды" в исполнении Акмата был очень красивым и интересными, не выходил из репертуара филармонии.

Джусуп Мамай
(1918)

Джусуп Мамай самый старший среди более восьмидесяти манасчи, живущих в Китае. Он родился в 1918 году в селе Гара-Булаг Ак-Чийского региона Восточного Тюркистана.

Дж.Мамай, получивший в детстве прекрасное образование в мусульманской школе, обладал всесторонними знаниями и много читал. Он полностью записал сказываемый им эпос "Манас" собственным почерком. Эпос

"Манас", известный нам в трех частях, Дж.Мамай разделил на восемь разделов — "Манас", "Семетей", "Сейтек", "Кененим", "Сейит", "Асылбаджа-Бекбаджа", "Сонбилик", "Джыгатай". Эти восемь эпосов из 18 томов собраны и записаны Дж.Мамаем [59. 27].

Продолжающий жить манасчи Дж.Мамай по сей день продолжает свою деятельность, связанную с "Манасом".

Другие манасчи, о которых имеются краткие сведения

1. Тёро Мамитов
 2. Алмабек Тойчубеков
 3. Акун Ташов
 4. Бёрубай Султанов
 5. Мурат Калбаев
 6. Мамбетали Ашимбаев
 7. Абдырахман Дуней
 8. Шаабай Азизов
 9. Каба Атабеков
 10. Уркапш Маметалиев
 11. Иса Джумабеков
 12. Лапаз Кёйкозов
 13. Акын Шадықанов
 14. Насир Искендеров
 15. Джолборс Турдалиев
 16. Эркеш Ташымбетов
 17. Сулейман Акун
 18. Сарындыкы Косомвердиев
 19. Душеналы Джанаев
 20. Орозбай Урмамбетов
 21. Давудали Гасымбеков
 22. Абдыкерим Бекиев
- с) Манасоведы

Чокан Чингизович Валиханов (1835-1865)

Первый казахский ученый, просветитель-демократ, историк, этнограф, фольклорист и художник Ч.Валиханов провел детские годы в местностях, именуемых Кушмурун, а затем Сырымбет Казахстана. Этот регион Северного Казахстана, полный историческими легендами, оставил в детской памяти Чокана глубокие следы. "Предки Чокана Чингизовича Валиханова принадлежали к древней султанской династии, его прадедом был знаменитый Аблай хан.

Дед Ч.Валиханова Вали, чье имя он принял в качестве своей фамилии, был последним ханом Средней Азии" [94. 16].

По биографическим данным, получивший военное образование Чокан был назначен офицером в полк Сибирских казаков, затем работал на военных должностях, как адъютант генерала Гасфорта и т.д. Но ни одна из этих должностей не принесла Чокану духовного удовлетворения. Желание заниматься исследованием своей родины Азии всегда занимало его.

В 1856 году Ч.Валиханов совершает служебную поездку в Киргизстан. На эту поездку он отправляется по поручению генерала Гасфорта. Цель состояла в упорядочении Кашкарского движения, ожидаемого в Западном Китае — на южной границе киргизов. "Именно во время этой поездки молодой Чокан впервые обращает внимание на знаменитую поэму киргизского народа "Манас", впервые записывает его в научном виде, и переводит некоторые части на русский язык. Он впервые дает литературно-исторический анализ к поэме. Рассказывает о ле-

гендарном Манасе и других персонажах" [94. 40].

Чокан Чингизович занимает одно из важных мест в истории киргизской литературы, как первый манасовед. "Он написал произведения об истории, культуре народов Средней Азии, Казахстана и Западного Китая (в основном на русском языке): "Очерки Джунгарии", "Аблай", "Киргизы", "Запад Китайской империи и город Гюльджа" и т.д." [8. 395]

Выдающемуся казахскому ученому Ч.Валиханову, обладавшему многосторонним научно-художественным творчеством, воздвигнут памятник в городе Алматы. А его живое изваяние навеки будет жить в сердцах не только казахов, но и киргизов.

**Радлов Василий Васильевич
(Фридрих Вильгельм)
(1837-1918)**

Выдающийся русский востоковед, тюрколог, археолог Радлов является ученым, имеющим незаменимые услуги в изучении Средней и Восточной Азии. Он "в 1860-70 годах участвовал в экспедициях в Алтай, Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию, собрал материалы относительно языка, фольклора, этнографии и археологии тюркских народов" [9. 74].

Язык, история, этнография, традиции, фольклорные образцы, эпитафии тюркских народов тщательно изучены Радловым, и эти знания собраны в книгах академика, изданных в различные годы и сохранивших свое значение в тюркологии по сей день. Его монументальные труды, такие как "Сравнительная грамматика северных тюркских языков", "Древнетюркские надписи Монголии", "Образцы народной литературы тюркских племен",

"Словарь тюркских языков" стали одним из богатых и достоверных источников тюркского мира. Не стоит забывать, что текст Орхено-Енисейских памятников также впервые прочел Радлов.

В числе ценнейших исследований великого ученого особое внимание заслуживает его "находка" "Манас". "Первым, кто записал эпизоды трех разделов "Манаса" полностью и дал научные комментарии к эпосу, был русский ученый, выдающийся тюрколог, академик В.В.Радлов" [95. 20]. В отличие от немного поверхности деятельности Ч.Валиханова, считающегося одним из первых манасоведов в этом направлении, Радлов в 60 годы XIX века неоднократно совершал поездки на киргизскую землю, и решил записать "Манас" в полном объеме и представить его народам мира. Он издал записанный им "Манас" в 1885 году в Санкт-Петербурге на киргизском языке с русской транскрипцией. В тот же год Радлов издал переведенный им на немецкий язык эпос "Манас" в Лейпциге. Оба издания, будучи плодом большого труда академика, вызвали широкий отклик не только среди тюркских народов, но и любителей эпосов других народов.

Как видно, историческая роль Радлова в прославлении эпоса "Манас" на начальном этапе — в его сборе, переводе, издании, исследовании с научной точки зрения, несравненна.

* * *

После Ч.Валиханова и В.Радлова, впервые собравших, записавших, изучивших эпос "Манас", многие ученые потрудились над исследованием этого эпоса, его анализом и оценкой с научного, художественного, исторического аспектов. Вклад, новшества, внесенные в ма-

насоведение академиком В.Жирмунским, М.Аузовым, Б.Юнусалиевым, профессором А.Н.Бернштамом, П.Н.Берковым, С.М.Абрамзоном, выдающимися исследователями фольклора К.Рахматуллиным, М.Богдановой, Р.Кадырбаевой, С.Мусаевым и другими неупомянутыми мной учеными, а также одним из корифеев мировой литературы — великим сыном киргизского народа, писателем, академиком Ч.Айтматовым, будут жить вечно.

Эпос "Манас" также не ускользнул от внимания научных мира. Ценные высказывания известного венгерского просветителя Г.Алмашина, английских просветителей Дж.Томсона, С.Боура, а также профессора Лондонского университета А.Хаттона, связанные с эпосом, нашли свое выражение в их различных научных статьях и монографиях.

В братской Турецкой Республике первыми исследователями эпоса "Манас" являются Фуад Копрулу, Зеки Велиди Тоган и Абдулкадир Ибан. А.Ибан издал этот эпос в форме прозы. В последние годы, верховной организацией культуры, языка и истории Ататюрк изданы очень ценные бумаги, связанные с "Манасом". В частности, книги, составленные и подготовленные к печати доктором Наджия Йылдыз, профессором доктором Аминой Гюрсой Наскал, являются новым событием в манасоведении в последние годы.

Как видно, исследования, связанные с величественным памятником тюркского мира "Манасом", продолжаются и сегодня. Естественно, исследования обогащают историю тюркского эпоса новыми находками.

П РАЗДЕЛ

ОЩУЩЕНИЯ НЕПОБЕДИМОСТИ И ПАТРИОТИЗМА В ЭПОСЕ "МАНАС", СВОЙСТВЕННЫЕ ДРЕВНИМ ТЮРКАМ

Одной из главных причин, по которой эпос "Манас" живет веками и передается от поколения к поколению, являются ощущения героизма и патриотизма, пронизавшие это произведение. Героические эпосы и эпитафии древних тюрков, запечатленные на глине ("Гильгамеш"), камне ("Орхон-Енисей", "Гюльтекин"), коже "Деде Коркут", на следующем этапе меняют средство существования. Тюрк, словно не очень доверяя памяти глины, камня, кожи, предпочитает свою физиологическую память для увековечения своих творений. Произведения, записанные на "листок" памяти народа, не увядая, шагают через века как и "Манас"... В этом смысле "Манас" изумителен не только как героический эпос, но и как продукт феноменальной памяти киргизских тюрков.

Известно, что устная литература, фольклор являются первобытным литературным источником, свойственным всем народам мира. Люди, запечатлевшие в свою память образцы устной народной литературы, до возникновения письменной литературы, выполнили общенародную миссию перед историей. Но в память ни одного народа в мире не могло быть записано такое объемное сочинение, как эпос "Манас". Это могущество человеческой памяти принадлежит только тюрку, создавшему и хранившему "Манас"!..

Династия манасчи, с которыми вы ознакомились в предыдущем разделе, являются реальными обладателями этой могучей памяти.

Перед тем, как перейти к анализу сюжетных событий "Манаса", а также идейно-художественных особенностей произведения, различных образов, стоит раскрыть эти-мологию слова Манас. По современному киргизскому ученому К.Дыйканову, Манас образовался от словосочетания "мангас", означает "непобедимый человек", "храбрый человек" [66. 111]. Морфема храбрый, отважный, непобедимый — "ман" и по сей день является одним из широко употребляемых слов на языке чувашских тюрков. А вторая часть словосочетания — ас (гас, гус, гуз), предположительно, связана с названием племен "гуз". Значит, Манас означает "храбрый гуз" или "храбрый огуз". Если учитывать, что "слова, а значит этнонимы огуз и гуз (куз) тождественны" [23. 17], то также становится очевидным, что эпос "Манас" опирается на огузские корни...". И если не забывать, что "киргизы происходят от соединения кыпчакских и частично огузских племен" [44. 9], это предположение представляет определенную реальность.

Если сослаться на некоторые аргументы, известные нам из исторических источников о втором компоненте словосочетания "Манас" — "ас", станем свидетелями интересной картины: согласно одному из неутомимых исследователей истории Азербайджана, известному ученому Махмуду Исмаилу, "Асы — это древний, очень древний род, язык которого является корнем нашего языка. Исследователи считают их — асов одним из древнейших предков тюркоязычных племен" [31. 3]. Также добавим, что существуют предположения, связывающие названия континента Азия и Азербайджана с названием рода "ас"... Если подойти к этнониму Манас с этой точки зре-

ния, можно сказать так: Ман — храбрый человек, ас — название рода, племени. Значит: "храбрый ас", "непобедимый ас" (Аз// — Ас — Аз+ер+бай+джан основа слова [хан]...).

"Алпамыш", являющийся одним из древних эпосов азиатских тюрков, опирается на одни и те же корни, что и "Манас", как с точки зрения содержания, так и по эти-мологии (Алпамыш, Алп-Манаш, Алп-Манас). Топонимы, содержащие название Манас, выходя за пределы Средней Азии, Казахстана, распространены и в других странах: Китае, Индии море Манас, в Дагестане село Манас и т.д. Но название Манас несомненно более близок, дорог казахским, киргизским тюркам, хранящим такие древние топонимы, как Манкышлаг, Манкыстав, Манкужур, Мангышой.

В сегодняшнем Киргизстане нет такого региона, провинции, области, города, села, где не присутствовало бы имя Эр Манаса. Первое "знакомство" с Манасом на этой земле начинается с Бишкекского аэропорта, несущего имя народного героя. Далее село Манас, величественный памятник Манасу в Бишкеке, Мавзолей Манаса в Таласе, а также другие памятные комплексы, улицы, аллеи..., увековечившие его имя, привлекают внимание как явное выражение общенародной любви.

a) Сюжетные события "Манаса" [91. 446]

В биографических сведениях о манасчи мы писали, что варианты С.Каралаева и С.Орозбекова эпоса "Манас", насчитывающего 65 вариантов, считаются классическими версиями по своему объему, художественному содержанию, сюжетной последовательности. Мы считаем целесообразным основываться на версии С.Орозбе-

кова при анализе сюжетных событий, образного ряда, идейно-художественных особенностей эпоса.

В версии С.Орозбекова, мастерски раскрывшего эпическую биографию Эр Манаса, сюжетные события можно разделить на следующие циклы или поэтапную последовательность:

I. Рождение и детство Манаса. Первые столкновения юноши Манаса с врагами. Избрание Манаса ханом.

II. Битва Манаса и богатыря Кошоя против врагов.

III. Поход Манаса на Ала-Тоо для освобождения земель своих предков.

IV. Перекочевка киргизов во главе с Манасом с Алтая на Ала-Тоо. Победа над Алооке-ханом, битва и победа над Шоорук ханом.

V. История Алмамбета — сподвижника Манаса.

VI. Женитьба Манаса на Каныкей.

VII. Заговор родственников Манаса — Кёзкамана.

VIII. Поминки по Кёкётёю — одному из старших соратников Манаса.

IX. Большой поход Манаса на Бейджин.

X. Малый поход Манаса против Конурбая. Смерть Манаса.

Так как сюжетные события в варианте эпоса "Манас" от С.Орозбекова развиваются в логической последовательности и эта последовательность создает реальное, убедительное представление, читая произведение, мы слышим возглас Эр Манаса и его отважных соратников, ржание их жеребцов, видим блеск их мечей, сверкающих как молния. Сцены сражения отважного тюркского сына даются в интересных эпизодах красочными художественными описаниями. Думаем, что информация о сюжетных событиях в "Манасе", которую мы представим в периодической, поэтапной последовательности, сыграет

определенную роль в создании представления об этом эпосе.

I. Рождение и детство Манаса. Первые столкновения юноши Манаса с врагами. Избрание Манаса ханом. [69].

В этом цикле рассказывается как отец Манаса Джакып и мать Чыйырды страдают от отсутствия детей до рождения Манаса. Джакып и Чыйырды видят сон. Во сне стариk дает Чыйырды яблоко. А Джакып снится, что у него родился сын от Чыйырды. И, наконец, Чыйырды готовится стать матерью. В это время ему хочется вкусить сердце тигра и добивается этого желания. После тяжелых родов на свет появляется Манас. В честь рождения сына Джакып, режет лошадей, верблюдов, овец, и играет свадьбу (это должно пониматься не как свадьба в современном смысле, а как церемония в смысле торжества, празднства, пира, именин — А.Дж). Престарелый дервиш нарекает ребенка Манасом. Манас, обладавший необычными манерами и силой, с детских лет воспитывается у пастуха Ошпура. В этот период Манас встречается с Хызыром (Хыдыром). Хызыр обещает оказывать ему помощь впредь. Юный Манас впервые сражается с калмыками и их главой Кортуком, напавшими на табун его отца Джакыпа и побеждает их. Затем сражается с людьми китайского правителя Эсенкана, переодевшимися в торговцев, также одержав победу. Родственные племена сообщают Манасу о желании примкнуть к киргизам. Сплотившись вокруг Манаса, создают племенной союз против их общего врага Эсенкана. Очередной подвиг Манас совершает во время охоты: убивает дракона. Затем убивает 11 лазутчиков, напавших на его отца. Убив посланника Эсенкана на берегу реки Оркун, Манас

снова одерживает победу. Главы киргизских племен, увидев его отважность, избирают 15-летнего Манаса ханом. Этим завершается первый этап сюжетных событий эпоса.

II. Битва Манаса и богатыря Кошоя против врагов [70].

В этом цикле даются интересные эпизоды сражений, сцены героизма в борьбе отважного Манаса и богатыря Кошоя против врагов. Отважный Манас нападает на нагруженный чаем караван, принадлежащий калмыку Джоло. Кошой с целью освобождения сына Джахангир-Ходжа Билерика выступает против Кырмус-шаха. Благодаря его храбости Билерик освобождается из темницы. Вместо убитого Кошоем Кырмус-шаха избирается Дагалака-хан. Затем Кошой сражается с другими врагами — Найза-ханом, воительницей Кубангер, и побеждает их. Победив Кубангер, Кошой жениться на ней. Победу над Кырмус-шахом Кошой одерживает не один, а с помощью Манаса. Когда воины Кошоя и Манаса окружили город Дагалак, Кошой настаивает, чтобы Кырмус-шах и его народ признали победителя Манаса. После принятия этого предложения между сторонами заключается мир. Манас далее вступает в битву с калмыцким ханом Дюбюром. Победив его, захватывает его земли. Параллельно, даются эпизоды битвы Кошоя с богатырем калмыков Бозкертиком и девой-воином Оронго. Победившие Кошой и Манас объединяют свои войска. Силой объединенной армии они, напав на калмыцкую землю Дангу, побеждают калмыцкого воина Декена и Кайып-дангу, захватив город Дангу. Манас после победы на поединке с дочерью взятого в плен Кайып-данга воительницей Карабёрк, жениться на ней. Между киргизами

и калмыками заключается мир. Манас с Карабёрк возвращается в Алтай — на родину отца.

III. Поход Манаса на Ала-Тоо для освобождения земель своих предков [70].

Этот цикл полностью посвящен походам и битвам Манаса и его соратников с вражескими богатырями и их многочисленными воинами.

Для освобождения земель своих предков от врагов по совету старейшин, Манас, полагаясь на отвагу своего войска и близких соратников, бросается в кровавые битвы. Сначала одерживает победу над калмыцким ханом Текесом. Вместо убитого Текеса избирается Тейиш хан. В это время ему приходится сражаться с воительницей Гыз-Сайкал один на один. Затем сталкивается с калмыцким войском под предводительством Орго в направлении Иссык-Куля, и пришедшем к ним на помощь войском Ахунбешима, победив их. В этих сражениях Манас освобождает киргизские земли от врагов. Из его друзей - полководцев Кыргыл, проявив особую отвагу, помогает Манасу. Они захватывают город Дангу, уничтожив присланного Ахунбешимом Боонгу калмыцкого хана Илеби. Объединенное вокруг Манаса войско, совершив бесподобные подвиги, разгромили войска Ахунбешима на берегах реки Чуй, а самого убивают, и захватывают город Булагасын. Группы воинов из китайцев и калмыков разбегаются в разных направлениях. После этих сражений Манас отводит свои войска в сторону Андижана. Манас, узнав о плане ташкентского правителя Панус-хана уничтожить местных киргизов, объединенным войском наносит Панус-хану поражение. В последующих событиях Манас выступает в других боевых сценах: В этот

раз его могущественное войско сражается с войском Алооке хана, захватывает город Арагента. Правитель города преподносит войску Манаса в дар сорок девушек. Манас женит сорок воинов на сорока девушках. Далее, Манас возвращается со своим войском на Алтай.

IV. Перекочевка киргизов во главе с Манасом с Алтая на Ала-Тоо. Победа над Алооке-ханом, битва и победа над Шооруком [70].

В этом цикле киргизские старейшины советуются о перекочевке на земли предков, освобожденные от врага. Отдельные племена, роды начинают кочевать на заранее определенные места. Возвращение киргизов на Ала-Тоо вызывает недовольство Кашгарского хана Алакуна. Войска хана Алакуна, игнорировавшего призыв Манаса к миру, разносятся в пух и прах, победивший Манас вступает в Кашгар. Затем вечный враг Алооке хан хочет подчинить киргизов своей власти. После кровавых сражений Манас также побеждает Алооке-хана. Алооке-хан преподносит войску своего племянника Манаса в дар. Затем Манас сражается с Шоорук-ханом, пытающимся вытеснить киргизов с Алая. Дочь Шоорук-хана Акылай выражает желание выйти замуж за победившего его отца Манаса. Манас женится на Акылай и возвращается на родину. Киргизы начинают жить на освобожденных от врагов землях предков вместе с другими народами в спокойствии и добрососедстве.

V. История Алмамбета — сподвижника Манаса [70].

В этом цикле события происходят в основном вокруг сына китайского правителя Алмамбета. Алмамбет своим

рождением освобождает родителей от горя бездетности. Хызыр нарякает его Алмамбетом. Когда ребенок рождается, он не берет грудь матери, питается молоком другой женщины-мусульманки. Выросший Алмамбет, в совершенстве овладев боевыми приемами, мечом, стрельбой из лука, ездой на лошади, охотой, был умным и справедливым воином. Его отец Соорундук назначает его полководцем своих войсковых частей. Алмамбет за воевывает авторитет своей отважностью и справедливостью. Однажды, выйдя на охоту, встречается с людьми Алооке-хана, которые спасались от гнета Манаса бегством. Принимает решение сразиться с Манасом. Во время очередной охоты Алмамбет встречается с казахским богатырем Кёкчё. Кёкчё советует Алмамбету принять ислам. Алмамбет принимает мусульманскую религию и сообщает об этом своим родителям. Они возражают против этого. Соорундук приказывает убить своего сына Алмамбета. Алмамбет убегает из дома. Получив ранение на сражении с людьми своего отца, с трудом убегает и приходит в аул, где живет Кёкчё. Но не может остановиться здесь... Манасу приснилось, что к нему приближается человек, который станет ему другом. Во время охоты Алмамбет и Манас встречаются. Манас встречает Алмамбета с большим уважением. Между ними устанавливаются крепкие дружеские отношения. Манас хочет женить Алмамбета. А Алмамбет просит и советует, чтобы его друг Манас женился первым. Манасу подыскивают достойную ему девушку. Джакып бай идет свататься к дочери таджикского хана Атемира (Кара-хана) Санирабийго (Каныкей).

VI. Женитьба Манаса на Каныкей [70].

В этом цикле речь идет о том, как Манас сватается к Каныкей и женится на ней.

Джакып бай для осуществления мечты Манаса едет в город Кейип и просит руки дочери таджикского хана Атемира Каныкей для своего сына. Атемир требует у Джакыпа большой башлык, чтобы заставить его передумать. Джакып возвращается на родину и рассказывает о беседе между ним с Атемиром. Главы киргизских племен и родов решили помочь Манасу уплатить этот башлык. Манас и Алмамбет вместе с сорока воинами едут в город Кейип, взяв с собой требуемый башлык. Атемир принимает их. Манас, который приходит к Санирабийго без разрешения, случайно получает ранение от ее кинжала. Манас и его сорок воинов разгневались, что во дворце хана их не пакормили, и хотят выступить против Каражана. Санирабийго, принявшая всю вину на себя, дает согласие выйти замуж за Манаса, и устанавливается мир. Играют свадьбу. Манас женится на Санирабийго (Каныкей), Алмамбет на Арууке, а сорок воинов каждый на одной из девушек. Манас вместе со своей женой возвращается на родину.

VII. Заговор родственника Манаса — Кёзкамана [70].

В этом цикле события еще больше осложняются. Между Манасом и сыном его родного дяди Усёна Кёзкаманом возникает конфликт. Кёзкаман хочет устранить Манаса любым путем и захватить власть. Несмотря на то, что Манас и Каныкей встречают Кёзкамана и его сына Кёкджёёза, долгое время живших среди калмыков, с большим почетом, Кёзкамана это не удовлетворяет.

Кёзкаман был недоволен, что его встретили не по калмыцкому, а киргизскому обычаю. Кёзкаман этими отговорками хотел убить Манаса, и захватить власть, присвоить освобожденные от врага киргизские земли. Для осуществления этой мечты, сын другого дяди Манаса Шыгая Джапак также объединяется с Кёзкаманом. Джапак и его брат внезапно нападают на Манаса, приехавшего на свадьбу в их зимовье. Воины Манаса приходят на помощь, и они спасаются из этой ловушки. Затем очередная ловушка организовывается Кёзкаманом: Кёзкаман приглашает Манаса в свою юрту в гости. Он хочет отравить Манаса и сорок воинов. Манас и сорок воинов, почувствовавшие себя отравленными, спасаются с помощью Боз-уула. Но Манас получает ранение от руки сына Кёзкамана Кёкчёёза. Кёкчёёз провозглашает себя ханом и требует, чтобы Каныкей стала его женой. Каныкей просит у него отсрочку 7 месяцев. Кёзкамана убивают, когда он вступает в неуместный и несправедливый спор. Тем самым, план заговора враждебных родственников Манаса расстраивается...

VIII. Поминки по Кёкётёю — одному из старших соратников Манаса [71].

Этот цикл посвящен поминкам по старшему соратнику, близкому другу Кёкётёю. Сын Кёкётёя Бокмурун, соблюдая завещание своего отца, приглашает киргизских соплеменников, Манаса и его сорока воинов на церемонию поминок. На этой церемонии упоминается отвага и храбрость Кёкётёя. В то же время, проводятся состязания всадников, мечников, стрельцов, борцов. Для победителей турнира предусматриваются призы. Киргизы и китайцы испытывают свою силу на турнире. Кошой в

единоборстве побеждает Джоло, а Манас Конурбая. Китайцы терпят поражение. Так как это поражение расстраивает китайцев, они готовят заговор против Манаса. Так получается, что Манас сам совершают поход на Бейджин (Пекин). Об этом походе в следующем цикле.

IX. Большой поход Манаса на Бейджин [72].

Этот цикл считается кульминацией эпоса.

Семь ханов из киргизских племен и родов хотят совершить покушение на Манаса. Причиной становится недовольство тем, что Манас один руководил поминками по Кёкётёю. Кошой советует этим ханам не пререкаться с Манасом. Семь ханов Манас принимает на высшем уровне, с особым гостеприимством. Советует им объединить силы и выступить против врага сообща. Согласившиеся с этим ханы присоединяют свои воинственные дружины к войскам Манаса. Манас готовится к походу на Бейджин. По его предложению Бакай избирается ханом, а Алмамбет полководцем объединенных войск. Перед походом по предложению Алмамбета идут к Каныкею и получают ее благословение и наконец, направляются в Бейджин. Манас, Алмамбет, Сыргак и Чубак идут на разведку, и видят на границе Китая Жалгызгёза (одноглазого великана). Макели, которого Эсен-хан призвал на помощь для борьбы с Манасом, убивает одноглазого великана, выбив ему глаз. Затем начинаются кровавые битвы. Алмамбет, Сыргак, Манас и Чубак вместе сражаются с китайскими воинами и побеждают их. Конурбай получает ранение. Конурбай в безвыходном положении, сообщает Эсен-хану о поражении китайского войска, и просит дать разрешение заключить с Манасом мир. Заключается мир, киргизы возвращаются на родину с триумфом.

X. Малый поход Манаса против Конурбая.

Смерть Манаса [72].

В этом цикле, освещающем последние события эпоса, описываются последние битвы и смерть Манаса.

Шестидесятилетний Манас был бездетным, поэтому желает поехать в Мекку просить у Аллаха наследника. Манас временно откладывает поездку в Мекку. У него рождается сын от Каныкея. Дервиш по имени Айгодж нарекает ребенка Семетей. Спустя 3 года Манас устраивает большой пир в честь Семетея. Затем вместе с Алмамбетом, Сыргаком и Токтоем совершает паломничество в Мекку. Конурбай и Джолой, узнав, что Манас в поездке, готовятся к сражению с киргизами. Так как киргизы остаются без главы перед вражескими силами, начинают отступать от границ с Китаем. Манас возвращается на родину, и обратившись к киргизским ханам, создает большое войско и с ним наступает на Конурбая. В кровавых боях погибают храбрые соратники Манаса — Алмамбет, Сыргак, Чубак, а также его конь Акгула. Конурбай ранил Манаса, а Манас Конурбая. Бои утихают. Тяжелораненый Манас возвращается на родину и умирает в родном крае. Киргизский народ прощается с Манасом. Каныкея причитая, льет слезы. Манаса хоронят в степи Баянды. На его могиле возводят свод.

* * *

Как видно из сюжетных событий, эпос "Манас" включает в себя события не одного, а нескольких эпох. Таким образом, было бы необъективным рассматривать эпос в контексте какого — либо одного периода времени, либо одной эпохи. С этой точки зрения в манасоведении обоз-

начены разные позиции. Например, согласно мнениям ученых М.Ауззова и А.Бернштама, события, описанные в "Манасе", отражают период установления взаимоотношений между киргизами и уйгурами. Другой исследователь Б. Юнусалиев, анализируя тему эпоса, содержащиеся в этой теме исторические факты, события, топонимы и этнонимы, приходит к такому мнению, что эпос "Манас" отражает события, относящиеся к периоду борьбы и войны между уйгурами и китайцами в 9 — 11 веках.

И если даже выдающийся исследователь тюркских героических эпосов В.М.Жирмунский в некоторых случаях адресует в своих научных трудах историю событий в "Манасе" к 15-18 векам, тем не менее, подтверждает причастность эпоса к 9-10 векам: "У нас есть все основания утверждать, что жизнь киргизских воинов, живших в героическую эпоху 9-10 веков и создавших свою государственность в постоянных сражениях с китайцами, уйгурами и другими тюркскими племенами, нашла свое отражение в киргизской эпопее, слившейся с "океаном поэзии", объединявшей различные эпические песенные направления. (87. 71.). Что касается мнения выдающегося тюрколога о названии эпоса "Манас" "поэзией океанов", то необходимо отметить, что в эпоху формирования киргизов как нации, создаваемые коренными народами и племенами фольклорные произведения со временем слились и вошли в "океан Манаса". Как из племенных и родовых союзов возникли государства и государственность, так же и из мифов, песен, сказаний, легенд, стихотворений и поэм образовался "Манас".

Из сюжетных событий эпоса "Манас" чувствуется, что это произведение своими корнями уходит в глубокую древность. Элементы мифических повествований, возникшие задолго до эпического мышления — такие персо-

нажи, как дракон, одноглазый великан, свидетельствующие о богатом прошлом тюрков, их верования — поклонение воде, небу, земле, огню, а также образ благородного Хызыра (Хыдыра), пришедшего на помощь людям и спасший их в трудный момент еще раз подтверждают древнее происхождение "Манаса".

Кроме того, использованные при создании образа самого "Манаса" многочисленные мифические герои и элементы (необычное рождение, стойкость и др.) еще раз говорят о древнем происхождении эпоса [80. 12].

В эпосе мы отчетливо видим и элементы шаманизма, (даже если и эпизодически) в том числе, и самого шамана. Родившая Манаса женщина по имени Чыйырды, испытывает большие мучения. Так как ребенок (Манас), который никак не может появиться на свет, изнуряет бедную женщину, родственники, обращаясь к людям, на кого можно надеяться, в юрту в качестве спасителя приводят шамана:

"Не осталось в байбике сил и надежды,
Позвали всех и привели шамана
Испугались ее все, кто увидел
Оробели мужественные" [32 — 28].

Известно, что шаманизм, "явившийся ранней религией среди некоторых народов в первобытнообщинный строй" [10. 457], также считается "первой религией древних тюркоязычных племен" [37. 12]. Если это так, то не делают ли еще более древней историю создания этого произведения элементы шаманизма, которые мы видим в эпосе?

В связи с этим возникает и другой вопрос: Если в начальных эпизодах эпоса так отчетливо видны элементы

шаманизма, то, как можно объяснить появление мусульманства или ислама в ходе развития последующих событий? Часто используемая в эпосе "Манас" фраза "Лучше быть слугой мусульман, нежели ханом у неверных", и в частности, паломничество в Мекку, доказывает, что в эпосе достаточно сильны элементы ислама. Значит можно прийти к такому выводу, что события, происходящие в эпосе, действительно охватывают не одну, а несколько эпох. Конечно, физической жизни героев не хватит на период, охватывающий несколько столетий, однако, народ, идеализируя их, передавал их из одной эпохи в другую, пронеся через века.

Одной из причин, по которым сюжетные события эпоса "Манас" сохранили свою свежесть и привлекательность, не дающих эпосу устареть спустя века, является пронизавший этот эпос древний тюркский дух. Этот неувядающий тюркизм проявляется во всех эпизодах эпоса. Жизнь наших великих предков, их быт, традиции и обычай, семейные отношения, духовно — нравственные взгляды, верования, богатырские и мужественные качества, миролюбие и стремление к свободе предстают в эпосе "Манас" в образах и поэтических текстах. Уважение к старшим, любовь к родине и земле, почитание соседей, ненависть к врагу предстают перед нами в правдивых и убедительных тонах. В различных эпизодах мы становимся свидетелями почитания старших, аксакалов. И в это уважение входит не только отношение к своим отцам или дедам, но и в целом к семи поколениям своего рода. Это родословное из семи поколений должен был знать каждый ребенок. Встречающаяся сегодня часто в народном лексиконе фраза "семь поколений предков" свидетельствует именно об этих традициях. А в эпосе "Манас" об этом говорится уже в самом начале повество-

вания. Упоминаемые в начале эпоса имена Аланча, Байгур, Бабир, Тубой, Кекой и Джакыб являются родными предками, объединяющими семь поколений Манаса.

Весьма интересным является и тот факт, что в эпосе "упоминается свыше сотни родов и наций. Это в основном названия тюркских родов и наций, проживающих в Туркестане, Южной Сибири, на Алтае, Южном Урале, Северном Кавказе и в Крыму, связанных с киргизскими тюрками с самых древних времен до конца двадцатого века в этническом, культурном, историческом смысле (64. 74.). В связи этим, мы можем подчеркнуть, что эпос "Манас" является ярким примером и фундаментальным произведением для изучения истории, географии и этнического происхождения тюркских народов.

б) Герои эпоса "Манас"

В эпосе "Манас" созданы свыше ста крупных и мелких образов. Литературно-историческое значение всех этих образов неотрицаемо, так как каждый из них внес свой вклад в отдельности в дополнение образа Манаса. И если все события происходят вокруг главного героя Манаса, то и образы каждого из участников (независимо от возраста) напрямую или косвенно связаны с Манасом. И на протяжении всего эпоса знакомые нам образы служат сохранению непреклонности, гордости и непобедимости Манаса. Первые создатели эпоса, используя этот литературный прием, смогли добиться формирования в эпосе образа мужественного во всех смыслах Манаса.

Кто же он, главный герой эпоса Манас? Знакомство с его эпической биографией показывает, что Манас является сверхчеловеком, рожденным из желания киргизских тюрков, вернувшим захваченные земли предков

своего народа, родину, своей легендарной отвагой получив от пророка Хызыра бессмертие и непреклонность, собравшим вокруг себя раздробленную родню по племени и роду, приобщивший их к этнической принадлежности под названием "киргизский народ", бросавшимся в кровавые бои во имя независимости, благополучия своего народа, земли, одним словом, выполнившим свой долг перед историей.

Как правило, "эпические герои проводят свою жизнь на коне" [90. 56]. Это качество характерно и для Манаса. Регулярно звучащая в эпосе фраза "Хочешь мира, готовься к войне" свидетельствует о предопределении эпического героя, проведшего всю жизнь на коне.

Для того чтобы наглядно увидеть на почве чего формировался Манас как эпический герой, вспомним начальные мотивы эпоса. Сорокавосьмилетний Джакып бай томится от того, что у него нет сына. Почему именно сына? Потому, что хозяином и владельцем накопленного им непомерным трудолюбием богатства, стада, табуна может стать только сын, к тому же, храбрый и отважный сын. Все это богатство сможет сохранить и передать будущему поколению этот храбрый и отважный сын:

Потому, что алтайские слуги
Присвоят все, что принадлежит мне —
Это государство, это богатство,
Этих коней и этот шелк
Потеряю и золото и серебро
То, что собрал по крупицам
Для кого я собрал все это богатство
Своим трудом и для чего?
Все горит во мне огнем

Нет у меня наследника
Не останется после меня следа.
Отдал жизнь за народ
А богатство остается недругам.
Пусть пропадет это наследство,
Если нет у меня сына
Кто меня заменил бы.
Отец Ногай был ханом
Руководителем рода.
А я кто? Кем являюсь я?
Кто мог бы положиться на меня?
Все имею я — и богатство, и собственность, и землю
Неисчислимые стада.
Серые мои кони стоят и я даже о них не вспоминаю.
Хозяин коня лишь тот, кто его оседляет.
Нет у меня и седла, и как одна ветка я — нет ничего у меня.
Плачу лишь о сыне я и не знаю, залечу ли я свои раны?

(2.198)

Такие чувства переживал Джакып бай. В этом эпосе также имеется "мотив о желаемом сыне", который мы часто встречаем в общетюркском фольклоре. Обычно эпические герои рождаются в бездетных семьях, уже с младых ногтей отличаются силой, умом, умелостью и с возрастом становятся нужными своему народу, родине мужами. Эти образы, а точнее эпические герои, выходя за рамки своих семей, становятся опорой, надеждой целого народа, целой страны. Такими, как Гильгамеш, Алп Эр Тонга, Эр-Тоштук, Урал-Батыр, Манас, Алпамыш... Кероглу.

На самом деле желание Джакыб бая иметь сына, о чем говорится в начале эпоса "Манас", это томление целого

народа — киргизских тюрок, потерявших свои земли и кров, рассеянных по чужим землям. И родившийся от этого томления Манас является идеалом народа. Почва для идеализации Манаса готовится еще до его появления на свет. Видение во сне Джакып баем сына, получение его жены Чыйырды яблока от пожилой женщины являются мифическими элементами, свойственными обще-туркскому фольклору. Самым же трогательным, а также убедительным эпизодом в эпосе является вкушение Чыйырды сердца тигра:

"Когда Манас был в утробе матери всего три
Месяца, его матери не захотелось кушать.
Она рассказала о том, что у нее изменился аппетит.
Отказалась она от меда и сахара.
И появилось у нее желание скушать сердце тигра .
Но это очень нелегко. Ведь очень сложно найти его.
И задумалась Байбике: Может это и судьба..." [33 — 38].

Одним из других элементов, предвещающих появление на свет такого мужа, как Манас, являются прогнозы китайских знатоков. Китайский правитель Эсенкан заранее узнает, что среди киргизов появится богатырь по имени Манас. А предвещают ему об этом ясновидящие дворцовые звездочеты. Когда появление Манаса на свет подтверждает верность данного прогноза, Эсенкан, залюбившись, хочет устраниТЬ будущего героя еще младенцем. С этой целью отправляет своих людей, переодетых в торговцев, убить маленького Манаса. Но им не удается устраниТЬ маленького Манаса. 9-летний ребенок изувечивает напавших на него людей. Когда Эсенкан узнает об этом, он еще больше тревожась, начинает воен-

ную подготовку на ближайшее будущее. Тем самым становится вечным врагом Манаса.

Героические качества Манаса, атрибуты мужества начинают проявляться очень рано — еще в детские годы. Желая видеть сына храбрым, мужественным, смелым, непобедимым воином отец Манаса Джакып отдает его чабану Ошпуру. Просит пастуха вырастить его храбрым человеком, быть очень строгим с ним. Чабан Ошпур обещает заняться воспитанием 9-летнего Манаса.

Занимаясь выпасом овец со своими сверстниками, Манас впервые проявляет свою доблесть. На глазах у детей на стадо нападает волк и начинает пожирать одного из барашков. Увидев эту сцену, дети убегают в сторону своих юрт. Но Манас несколько мгновений посмотрев на терзавшего овцу волка, бросается на него, не выдержав такой несправедливости. Вынужденный бросить свою добычу волк скрывается среди скал... Эта сцена привлекает внимание тем, что носит символический характер. Дастанчи показывают вселенную несправедливость на примере волка и овцы, изображая кровожадного волка и противопоставляя ему образ простого, мирного и трудолюбивого народа. Эта сцена, заставившая Манаса задуматься, затем вписывается в его биографию. Эр Манас всю свою жизнь посвящает борьбе с кровожадными угнетателями его народа, захватчиками его родины. И будучи правым, побеждает в этой борьбе.

Манас, воспитываясь у пастуха Ошпура, прославляется совершением еще одного подвига: подросток вместе со своими сверстниками разбивает костер, чтобы сделать шашлыки, и просит у проезжающего там всадника — пожилого калмыка огня. Калмык отказывается, Манас хватает его за пояс, спускает с коня. Отнимает у него прикрепленные к поясу нож и кремень (камень для высекания

огня — А.Дж.), и желает ему "доброго пути". В этой сцене делается намек на отношение Манаса к калмыкам. А кто же калмыки, получившие в эпосе место как образ врага, по этнической принадлежности? По академику В.В.Бартольду, "народ, именуемый тюрками калмыками, название которых на самом деле ойраты, является одним из монгольских народов" [77. 538].

Своим неординарным поведением, силой и доблестью Манас удивляет пастуха Ошпуря. Ошпур в тревоге приходит к Джакып баю, сообщает ему, что его сын непокладист, озорной, неукротимый, совершает уму не постижимые поступки, и умоляет забрать ребенка назад, если не хочет его смерти...

Вернувшись к отцу Манас, совершив еще один подвиг, удивляет и своего отца. Собирая вместе с отцом налоги, они встречают сопротивление со стороны калмыцких всадников. Калмыки начинают бить Джакыпа по голове кнутом. И пытаются схватить Манаса. Юный богатырь не только не сдается, но и как настоящий мужчина бьется с калмыками, ранив одного и убив другого. Увидев это, калмыки бросаются бежать к своему аулу. Преследующий их Манас возвращается назад по настоянию и мольбам отца, и выражает протест упрекающему его отцу:

Вспомни дорогой отец,
Кто первым напал на тебя —
Не калмыки ли?
Я люблю свою Отчизну
И не отдам им денег.
У тебя же есть имя и тысяч сорок боевых коней.
И добавил:
"Калмык умер, ну и что, заплатим за него товаром".

Эти слова стали символом
И вышел я на дорогу
Чтобы установить справедливость
Возвратив меня ты же увидел
Каким я стал сильным.
Чем жить, постоянно прячась,
Что если вовсе не жить мне?
Я готов испытать все, что придется.
Не буду умножать богатство
Среди таких нажимов".

Приведенный нами пример является предвестником того, что свойственное маленькому ребенку бесстрашие придаст мощный импульс его будущему героизму. Манас ставит мужественную смерть выше трусости. Еще будучи подростком он хорошо знает о горестях и трудной жизни своего народа, спустя годы горе народа становится его личным горем. И он дает клятву, что приложит все силы для возвращения родных земель и объединения страдающих соотечественников. Но он также осознает, что один в поле не воин, и для достижения этой высшей цели необходимо сплочение всего народа, и победить можно только силой избранных сыновей:

Не убежишь от смерти — такова жизнь
Чего грустить. Собрав свой народ я верну
И расширю отчизну, собрав соседей и родню,
Я почту память погибших жертвоприношением,
Почту память духов предков. (69. 134).

Этим чаяниям Манаса, желающим собрать свой народ и расширить свои земли, противодействует сопротивление калмыков и китайцы. Эр Манас, рожденный от муче-

ний родного народа, в будущем сломит это сопротивление и вернется на Родину с великими победами.

Когда Манас только начал познавать себя, он попросил отца Джакыпа рассказать о своих предках и родословной. Этот эпизод является одним из самых интересных в повествовании. Ответ Джакыпа играет решающую роль в определении идейной линии и лейтмотивов эпоса. Внимательно прочитаем исторический диалог Манаса с отцом Джакып баем:

"Расскажи мне, из какого рода и племени ты?
Расскажи мне о прадедах моих, чтобы и я
Знал о роде и племени своем.
Джакып отвечает сыну: послушай сынок: правильно
Делаешь, что спрашиваешь о роде и племени своем.
Ты дан мне свыше, ты киргизский тюрок" [69.134, 135].

Именно в этом диалоге — ответе Джакыпа Манасу проясняются многие истины, которые позже становятся прописными. Джакып рассказывает юному Манасу о своих предках, родословной, родне с болью сердца. Он говорит: твоим дедом был Ногай хан; и области от Кашгардана до Карапехра, от Желтого озера до горы Опол, от Данг — Дунгдана (горная местность, где проживают китайцы) до Алтая подчинялись его власти. Далее Джакып бай добавляет, что во времена Ногай хана калмыки не могли так "распускаться" как ныне. Однако после того, как стотысячная армия китайского правителя Эсенкана наносит поражение Ногай хану, и разгоняет киргизов, все мы начали жить кто где попало, вдали друг от друга... В ответ на вопрос Манаса "кто я?" Джакып бай также заявляет, что после разрушения китайцами нашей династии, многие из нашей родни отправи-

лись в Багдад. У тебя (то есть, Манаса — А.Дж.) есть дяди по имени Бай, Орозду, Усён. Нам ничего не известно об их судьбе.

Из эпоса также известно, киргизские тюрки, родной край которых был разделен на части китайцами, подвергаются перед историей тяжелым экзаменам и испытаниям. Соотечественники, и даже родные братья вынужденно теряют друг друга в этом беспощадном урагане истории. Джакып, потерявший своих братьев, поселившийся в чужом крае, остается один со своими мучениями. На языке эпоса эта историческая правдадается так:

"Десять сыновей Ороздо
Увидевшие кровь и смерть,
Увидевшие гнет китайца
Не найдя никакого пути
Остаются на горе Опол —
Враги справа и слева
Не выдержав этот гнет
Джакып не возвращается домой...
Два дитя бая
Становятся его горем, болью.
Затем думает о них:
Как же сейчас Джакып?
Жив ли Кёзкаман?
Нет никакой вести, боже
Сыновья стали чужими.
Моя участь стала боль.
Степи Манчжурии
Стали домом моего сына.
Нет ни вести, ни слуха
Разлука не может быть так долгая...
В правой стороне Тибета

На снежных вершинах
В чужом краю, родине
На китайской земле
Бай Джакып остался один
Надежда только на Бога..." [2. 201]

Это одиночество Джакып бая продолжается до рождения Манаса. Продолжатель рода Манас появляется с величием богатыря, способного справиться с бедой не только своего отца, но и всех киргизских тюрков. Создатели эпоса, не ограничиваясь идеализацией этого образа, также обожествляют его. Манас, появившийся на свет от волшебного, магического рождения, получивший имя от четырех пророков, обладающий божественной, сверхсилой, опираясь на Хызыра, обещавшего ему бессмертие, возвышается сказителями до уровня полубога.

Отметим, что платонические, демонические черты являются традиционными атрибутами, свойственными общетюркскому эпосу. Например: "Отец Гильгамеша — Урукский правитель Лугалбанда, отец Огузского кагана — тюркский правитель Каракан. Оба названных героя представляются как полубоги. Они крайне сильны, непобедимы, являются справедливыми исполнителями указов бога, очень мудры и прозорливы" [38. 65]. Сын бога Манас также, решая историческую судьбу целого народа, выходит за рамки земного человека, возвышается до уровня необычного человека, ангела.

Манас описывается как широкоплечий, высокий, светлолицый богатырь с глубокими глазами и толстыми губами. Желтизна его лица является намеком на принадлежность Манаса к роду Сары Ногая.

Ногаи, стоящие у корней киргизских тюрков, по внешним признакам делились на две части — Кара-Ногаи и

Сары-Ногаи. "Манас относится к роду Сары-Ногай. Этот род не очень велик, но начал редеть в боях из-за чрезвычайной воинственности. Среди родственных киргизских родов Манасувековечен не из-за своего рода, а потому, что был народным героем" [51. 33].

Главная причина, по которой Манас передавался от поколения к поколению как эпический образ, стал объектом преклонения киргизских тюрков, это его отважность, величавость, мужественность, патриотизм, бесконечная любовь и благоволение по отношению к своим сородичам. "Бессмертные похождения Манаса, его отвага продолжают жить, перейдя от отца к сыну, из уст в уста, из сердца к сердцу, через века" [65. 3]. Манас, собравший воедино кочевые киргизские племена, являвшиеся извечными обитателями безводной пустыни, диких полей, создавший реальную среду для перехода от кочевого образа жизни к оседлому, "наводивший мосты" от племенной, родовой разрозненности к народному единству, становится бессмертным, как литературно-историческая личность. Манасовед С.Мусаев, анализируя портретные черты, характерные особенности Манаса, приходит к такому выводу, что "он не просто богатырь, он полководец и предводитель, сыгравший решающую роль в объединении прошедшего через муки киргизского народа, изгнанного из своих земель сильным врагом" [95. 65].

В разделах эпоса мы становимся свидетелями этой истины. Даже если народ избирает Манаса ханом, он отличается от ханов, которые просиживают во дворце, управляя и охраняя свое ханство умом визиров и силой полководцев. Манас в первую очередь, является великим богатырем, умным полководцем, и лишь потом ханом. То есть, на самом деле Манас воин, а "хан" — это присвоенный ему народом титул. Когда представители племен,

родов, собравшись, избирают Эр Манаса ханом, богатырь, считавший для себя позорным дремать в тени этого звания, говорит так:

"Ну и что ж, что я "ханом" прозван,
Цель и желание мое иное" [91. 192].

Получивший титул хана Манас, после торжественного пира в его честь, снова уходит вместе со своими воинами в горы, пускается в путь, продолжая свою борьбу против вечных врагов. То есть, вся жизнь эпического героя проходит в этих кровавых боях. Желание Манаса состоит в очищении земель предков от чужеземных захватчиков, возвращении права своих соотечественников на жизнь на своих исторических землях. Эр Манас, бросившийся на арену с этой целью, всего себя посвящает выполнению возложенной на него исторической миссии. И наконец, благодаря силе, мощи, легендарной отваге своих сорока чоро и руководимого ими объединенного войска, и с благословения своего народа освобождает родные земли от агрессора. Киргизские тюрки во главе с Манасом начинают перекочевывать с Алтая в Ала-Тоо — на исконные земли предков. В эпосе этот эпизод дается в тонких и впечатляющих тонах:

"Мой родной край Андикан,
За тебя я жизнь отдаю.
Сдастся Алооке —
Свершиться месть,
Совершит подвиг Манас,
Победит воин Манас" [70. 147].

Употребленный здесь топоним Андикан является наз-

ванием города, расположенного на Ферганской долине, отличающегося древней и кустарной культурой. Сам эпос доказывает, что город Андикан также входит в земли предков Манаса. А упомянутый Алооке-хан — один из вечных врагов Манаса. Перекочевывая с Алтая в Ала-Тоо, в своих родных землях, освобожденных от калмыков, киргизы встречают другое сопротивление. Когда Манас, победивший в боях до кочевки сначала калмыцкого хана Текеза, Той Теша, Ахунбешима и калмыцкого полководца Орго, приводя своих соотечественников в родные земли, встречает сопротивление местных ханов — Алооке и Шоорук-хана. Но, как могущественный богатырь, побеждает и этих ханов, не склоняясь перед их властью, и обеспечивает независимое существование киргизского народа.

Исследователь киргизского фольклора, манасовед Самир Мусаев раскрывает характер главного героя эпоса Манаса так: "Умение Манаса вести народ за собой, в первую очередь, обуславливается его глубокой верой в свое правое дело, и интересами народа, опиравшегося на эту веру. Каждый шаг Манаса, все героические сцены связаны с принципом заботы о своем народе. За всю свою деятельность он не ждет от кого-либо похвалы, награждений, поощрений, не желает об особых привилегиях. Он считает свои героические поступки своим долгом перед народом" [95. 66].

Сказители нарисовали портрет Манаса очень естественными "словесными красками". Этот необычный человек с "горящими глазами", "извергающими огонь устами", как будто возник от "лучей солнца", "света луны", "волны моря", "прохлады облака". Эти эпитеты, а также описание его одежды, оружия и коня Акгулы, чертят внешний портрет Манаса. А его богатый внутренний мир

раскрывается запоминающимися средствами художественного изложения в отдельных разделах, эпизодах. То есть, эпическое воображение представляет нам совершенный образ, раскрывая не только внешность, физическую силу, героические качества Эр Манаса, но и его внутренний мир, духовную суть.

Манас становится любимым сыном своего народа своей чистотой и простотой, дружественным отношением к своим соотечественникам, и другими духовными качествами. "Только благодушное отношение ко всем, умение простить ошибки и хвалить успехи, благородие и великодушие позволяют ему объединить разрушенное племя, сплотить народ воедино и поднять на борьбу с внешними врагами" [95. 68].

Отметим, что единство внутреннего и внешнего мира эпического героя в общетюркском эпическом мышлении, взаимодополнение его духовной и физической силы нераздельны. Эти особенности выраженно проявляются в "Гильгамеш", "Альп Эр Тонга", "Китаби-Деде-Коркут", "Огуз Каган", "Алпамыш" и других наших эпосах, исходящих из древних источников тюрка, в том числе, как отмечали выше, в "Манасе". Пока мы не считаем необходимым останавливаться на этих параллелях, так как в следующем разделе дадим широкое место анализу схожих и одинаковых мотивов тюркского эпического мышления.

Исследования еще раз доказывают, что "эпос является видом творчества, соответствующим литературному порядку тюркских народов. Это творчество является древним и родным продолжением единой духовной струны, нашедшим отражение в героических традициях и высоких духовных качествах" [38. 65].

Также известно, что особенностями, делающими образ Манаса целостным, живым, являются не только ду-

ховые атрибуты, но и внешние элементы. Одежда Манаса, используемые виды оружия, его конь дают полную картину этого образа.

В эпическом творчестве тюркских народов конь представляется как друг, товарищ, соратник героя, воина. Это свойственно всем тюркским народам, имеющим одни и те же корни, в том числе огузским тюркам. В таких наших эпосах, как "Деде Коркут", "Кероглы", "Гачаг Наби" и т.д. выражение "конь украшение воина" принимаем как жизненную правду. А Махмуд Кашгарлы оценивает это единство еще более точно: "Крылатая птица напоминает воина на коне".

В эпосе "Манас" конь Манаса Акгула имеет одинаковые черты с героем. То же самое можно увидеть в Байчибаре Алпамыша, Гырате Кероглы, Тайбурулу Кобланды. Тип Акгула и Манас нераздельны. Акгула велик настолько, насколько великим героем является Манас" [61. 184]. Во всех вариантах эпоса Акгула представляется как обладатель необыкновенной отваги дающий Манасу силу, поддержку. Создатели эпоса — манасчи, подходя к воину и его коню, а конкретнее, к Манасу и Акгула с одинаковой любовью, не перестают воспевать их.

В эпосе убедительным образом проявляется еще один мотив, исходящий из древних корней общетюркского фольклора: Манас и Акгула молочные братья. То есть, мать Манаса Чыйырды кормила грудью этих двух существ. Байбике Чыйырды, которая доила одну свою грудь, и смешав с едой, отдавала маленькому Гюлатаю (впоследствии Акгула — А.Дж.), другую грудь оставляла своему сыну Манасу. Этот эпизод еще раз подтверждает, насколько большую роль играет конь в исторической судьбе тюркских народов, и насколько близким, родным, верным людям животным является это животное. Скази-

тели представляют коня, как и героя, необычным описанием. "Сравнивают глаза коня с огнем, звездой, светильником, драгоценным камнем, золотой рыбкой и т.д." [90. 233].

У огузских народов, если мальчик, едва достигнув пятнадцати лет, совершил подвиг, завоевал славу, скакал на кону и бряцал мечом, он считался зрелым воином. То есть само умение езды на коне считалось признаком воинственности. То же самое и в эпосе "Манас". Герой эпоса очень рано демонстрирует умение скакать на коне, бряцать мечом, стрелять из лука. Этот мотив является центральным в общетюркском эпическом творчестве. Материальные, духовные доводы, освещдающие нашу великую историю, доказывают, что "из всех животных тюрки больше всего предпочитали коня. Даже из могил видно, что обожествляли его. Для тюрка на свете нет более чистого существа, чем конь, нет ничего превыше его. Один его запах был для тюрка-кыпчака ценнее, чем живая вода. На тюркском посчитано сорок определений для указания масти коня" [36. 101].

Манас добился всех своих побед с помощью Акгула, Алтамыш Байчибара, Кероглы Гырата. Это неопровергимо. Конная армия в железном одеянии, созданная большим сыном тюркского народа, великим кыпчакским полководцем Аттилой, потрясла всю Европу. Европейцы переполошились, впервые встретив воина на коне... Неустанный исследователь тюркской истории М.Аджи описывает эту реальность так: "О такой армии, как у кипчаков, в Европе не мечтали. Степняки (имеется в виду тюрки-кыпчаки — А.Дж.) дрались железными шашками и длинными пиками, имели железные кольчуги, шлемы. Оружие и доспехи европейцев были, как правило, из бронзы. Степняки в бой шли на конях, в то време-

мя как европейские армии на поле брани сходились в пешем строю" [36. 54].

Одним из самых действенных, высокохудожественных, поэтических частей эпоса "Манас" является цикл, отражающий последние бои этого героя. Манас вступает в кровавый бой со своим вечным врагом Конурбаем. В этом бою погибают самые близкие друзья Манаса — Алмамбет, Сыргак и Чубак. Конурбай и Манас тяжело ранят друг друга в единоборстве. Любимый конь Манаса Акгула погибает от полученного удара. Манас возвращается на родную землю один. Народ держит траур по Манасу, навеки закрывшему глаза от полученной раны. Храброго Сайкала вызывают оплакивать Эр Манаса. В этих причитаниях имена Манаса и его коня Акгула звучат вместе...

Отметим, что причитавшие люди были наделены определенным врожденным талантом. Слагать в стихах горе, выражать его крылатыми словами, призывать и других разделить это горе было основным преимуществом причитателей. В эпосе "Манас" явно проявляется обычай древних тюрков плакать, причитать. Сын тюрка, способный воевать, побеждать в кровопролитных боях, готовый покончить с собой смеясь, чем сдаться врагу, также умеет плакать от души при потере родного. Эта традиция исходит из "Гильгамеша" (IV тысячелетия д.р.), причитаний по поводу смерти Алл Эр Тонга (VIII-VI века д.р.), и должна приниматься как нормальное человеческое качество.

Как и в других эпосах тюркских народов, в "Манасе" также золотые ремни, одежда из брони, различного рода оружия воинов воспеваются с любовью. Эта особенность создает определенное представление о военном искусстве, воинственности наших предков. Из упоминае-

мых в эпосе видов оружия можно особо отметить лук, стрелу, садак, дрот, меч, щит. Этими оружиями, используемыми в близких, дальних расстояниях, также пользовались соседствующие с киргизскими тюрками калмыки, монголы и китайцы.

Меч эпических героев привлекает внимание бесподобностью, как и их кони. В варианте эпоса "Манас" от Орозбекова меч героя представляется как ручная работа необычного мастера — кузнеца. "Мастер-египтянин своим умением и волшебным искусством изготавливает для Манаса меч, копье" [87. 59]. Этот штрих имеет общий характер для тюркского эпоса. Меч Кероглы Мисри также не является исключением из этого общего мотива.

На основе всего этого можно прийти к выводу, что воины смогли подняться на вершину славы с помощью своих коней и благодаря силе оружий. Поэтому, наши предки клали оружия хоронящегося воина в его могилу. Настоящий воин не оставался без оружия даже после смерти... Курганы, являющиеся источником материальных доводов, дают очень важную в этом смысле информацию.

Обнаруженный на Алтае курган Пазырык создает полноценное представление о церемониях похорон древних тюрков. Похороны трупа в гробу свидетельствует о традициях, уходящих далеко до ислама. Отметим, что Манаса также поручают похоронить в гробу. Этот эпизод четко отражен в эпосе. По первому собирателю и исследователю эпоса Чокану Валиханову, "Манаса омывают кумысом, чистят мечом". Сталкиваясь в эпосе с живым описанием церемонии похорон, процесс изготовления для Манаса гроба представляет больший интерес: "Изготовили плотный гроб из сосны. Украсили его внутрь золотом, наружу серебром" [53. 236]. В этом месте

считаем целесообразным вспомнить церемонию похорон великого тюркского сына, кыпчакского полководца Аттилы: "Глубоко за ночь предали тело земле. Положили тело Аттилы в три гроба (имеется в виду три слоя — А.Дж.). первый из золота, второй из серебра, а третий из крепкого железа. Что еще положили в гроб: трофеинное оружие, завоеванное в боях с врагами, ордена, украшения — в этом мире не носил их, но говорят в том пригодится... Затем убили всех, кто знал о месте хоронения, чтобы могилу не разграбили: это было обусловлено заранее, эти люди приняли свою смерть добровольно. Да еще и чувствовали себя спокойными, что идут к своему правителю" [36. 76].

Обнаруженные во время археологических раскопок гробы дают неопровергимые и точные сведения о великой истории, традициях тюрков, их философском мышлении на пути от рождения до смерти, эстетическом ощущении, вселенной победе, исторической прозорливости. "Исследователи — мстители", наемные "ученые", "аристократы" — лакеи, делающие все возможное для уничтожения великих, неизгладимых следов тюрков в истории человечества, сдались перед курганами, раскрывшимися как клубок тайн. И осознали одну истину, что стереть следы на земле можно, но под землей нет...

* * *

Наиболее запоминающиеся после Манаса образы Бакай и Каныкей занимают особое место в эпосе "Манас". Бакай и Каныкей духовно близкие друг к другу образы. Они оба прозорливы и умны. "Бакай родственник Манаса по отцовской линии, но в эпосе ему уделено место ни как родственнику героя, а как мудрому, умному советнику. В образе Бакая выражены ум и одаренность, добро-

желательность и рассудок киргизов". [95. 69]. По всему эпосу Бакай выступает как человек, указывающий Манасу путь, обдумывающий планы. К нему относятся как к мудрому, сообразительному и бесстрашному рыцарю, "в темноте видящему, в безнадежном положении выход находящему". Бакай в определенном смысле похож на Деде Коркут. Как и отец Коркут — дед огузских народов, Бакай силой своего ума и мудрыми изречениями старается привести киргизские народы к светлому будущему...

Манас перед сражением созывает на совещание вождей киргизских племен, влиятельных старейшин (аксакалов). Герой эпоса, внимательно выслушавший их, делающий выводы из их советов, всегда побеждает в сражениях. А иногда, когда бывает невозможным собрать этих старейшин вместе, Манасу приходится действовать по советам мудрого Бакая. То есть Бакай, как близкий сподвижник и советник Манаса, всегда бывает рядом с ним.

Сказители (манасчи) считают насущным единство сражающейся руки и соображающего мозга, силы и ума. Они доказывают, что только этим путем можно добиться успехов, завоевать победу. Джакып бай, еще с ранних лет заметивший в своем сыне Манасе ум и храбрость, и доверив его умному, дальновидному Бакаю, желает обеспечить благополучное будущее этого храбреца. Джакып бай хорошо знает, что только физической силой, копьем и кинжалом невозможно достигнуть больших побед. Если эту силу не объединить с умом, рассудком, жизненным опытом, дальновидностью, знамя победы героя будет развеваться не так высоко... Ровесник Джакыпа — Бакай — это богатырь, овладевший тактикой сражения, выдавший все в своей жизни, поражающий всех окружающих острым умом, чрезвычайной одаренностью. Именно из-за этих качеств Джакып поручает своего

сына-подростка Бакаю:

"Приготовь еду, зажги огонь
Для моего дитя Манаса
Будь его другом, Бакай!
Покажи ему, что он не видел, Бакай,
Бегай за ним, Бакай!
Научи тому, чего не знает, Бакай,
Вместе идите на врага, Бакай!
Будь другом Манаса до конца света, Бакай!" [60. 98]

В этом вольно переведенном отрывке трогательными выражениями переданы доверие Джакып бая к Бакаю и уверенность в нем, желание до конца света видеть Манаса плечом к плечу с ним. Вообще, в эпосе образ Бакая часто встречается и привлекает к себе внимание как символ ума, зрелости, мудрости.

Как мы отмечали ранее, только Каныкей духовно и особенностями своего характера близка к Бакаю. Каныкей является одним из основных образов трилогии "Манас". Только она запоминается как спутница, друг, соратница храбреца Манаса, она дает ему советы в трудные дни и молится за него.

Напомним, что до Каныкей Манас женился на Карабёрк и Акылай. Но эти браки далеки от официальности. И Карабёрк, и Акылай — "трофеи", захваченные Манасом в сражениях, в которых он одержал победу. Карабёрк — дочь калмыцкого полководца Кайып-дангана. В главе эпоса "Сражение Манаса и Кошоя с врагами" эти два полководца объединяют свои войска и захватывают калмыцкий город Дангу. В ходе битвы Манасу приходится сражаться один на один с Карабёрк — воинственной дочерью захваченного им в плен Кайып-дангана.

Несмотря на то, что Карабёрк сражается как непоколебимый, храбрый, непобедимый воин, Манас побеждает ее. После этого Манас женится на Карабёрк и возвращается вместе с ней на Родину — в Алтай.

Как видно, женитьба Манаса на Карабёрк связано с понятием "трофей", вытекающим из военных законов. А следующим "трофеем" является Акылай. А кто такая Акылай?!

В главе легенды "Победа в битве с Алооке ханом, с Шоорук ханом" Манас вступает в кровавую битву с Алооке ханом и с Шоорук ханом. В этом сражении побеждает богатырь Манас. Мечта Алооке хана подчинить себе киргизов не сбывается. Шоорук хан, желающий изгнать этот народ из Алтая, также не добивается своей цели. Оба хана терпят поражение. Дочь пораженного Шоорук хана Акылай изъявляет желание выйти замуж за победителя Манаса. Итак, Манас женится на Акылай и вместе с ней возвращается на отцовские земли...

А кто такая Каныкей?!

В главе "Женитьба Манаса на Каныкей" ее личность полностью раскрывается. Как известно из сюжетных событий, сын Китайского правителя Алмамбет, сбежав от преследований своего отца, обращается к Манасу и братается с ним. Манас считает Алмамбета родным братом и хочет женить его. А Алмамбет просит, чтобы сначала женился его друг Манас. Отец Манаса Джакып бай решает женить своего сына-богатыря, единственного наследника на девушке из прославленной, знатной, достойной семьи. Он выбирает дочь таджикского хана Атемира (Гура хана). Сватовство Джакып бая, который хочет женить сына Манаса на ханской дочери Санирабийгон (Каныкей), удается нелегко. Родители Каныкей выдвигают тяжелые условия перед родителями Манаса, требуют

большую приданую. Манас достойно преодолев все эти препятствия, женится на Санирабийгон. После женитьбы Санирабийгон называют Каныкей. Это свидетельствует о том, что она ханская дочь и ханская жена... Каныкей является одной из ведущих образов эпоса, потому что она — спутница Манаса. Все события происходят на ее глазах, даже после смерти Манаса Каныкей живет как основной образ второй и третьей частей трилогии. Это потому, что сын Манаса Семетей и внук Сейтек превращаются в эпических наследников Манаса, вследствие чего, Каныкей, как мать этих наследников, не теряет право жить.

Если Манас — это созданный народом идеальный образ богатыря, то Каныкей — идеальный женский образ. Бесконечная всенародная любовь к обоим образам и по сегодняшний день живет в сердцах киргизских тюрков. Основные черты, сделавшие Каныкей любимицей слушателей и читателей, являются ее заботливость, гостеприимство, доброжелательность, храбрость, неколебимость и ум. "Ее ум проявляется, прежде всего, в оценке ею какого-либо события, имеющего важную общественную значимость, в умении выходить из трудной ситуации, в правильном осознании важности чего-либо, в умении идти на маленькие компромиссы ради достижения высших целей" [95. 70]

Каныкей также любимая сестра сорока чоро (сподвижников), она дает им мудрые советы, заботится о них, молится за них перед сражениями. Эта женщина, как человек, обладающий высокими духовными качествами, иногда в эпосе поднимается на уровень выше Манаса. В образе Каныкей оценивается исключительная роль независимой тюркской женщины в обществе. Именно в отношении к этому образу выясняется отношение к женщине

в эпоху Манаса.

Прежде чем занять важное место в общественной жизни киргизских тюрков, Каныкей добивается любви, уважения, почтения мужа Манаса и свекра Джакыпа. Джакып бай любит Каныкей больше своих прежних снох. Обратим внимание на то, как Джакып воспевает Каныкей в эпосе "Манас" в варианте В.Радлова:

"Этот мой малыш
Может победить мужей,
Может победить людей,
Судьба его предопределена
Не удачлив ли он?"

А Манас так воспевает свою жену:

"Ханская дочь Каныкей,
Нельзя ли восхвалять тебя,
Говоря лучшая из женщин?
Ханская дочь Каныкей
Дала стрелы охотникам..." [60. 182]

В легенде Каныкей привлекает внимание не только как человек, обладающий острым умом, глубокой одаренностью, сильной волей, но и своим предчувствием, чуткостью. Эти черты делают ее символом святости. Ее предчувствия и сны сбываются. Об этих ее необычных способностях знают не только Манас, но и его сорок чоро (сподвижников). Поэтому, богатыри, выслушивающие перед сражением прогнозы Каныкеи, не забывают получить благословения этой женщины-ангела, которой они искренне доверяют.

Отметим еще ту особенность, что образ Каныкеи в различных вариантах эпоса "Манас" выглядит по-разно-

му. Например "Саякбай Карадаев привлекает наибольшее внимание к ее богатырским чертам. И поэтому воспевающими богатырей эпитетами, такими как "лев", "тигр, "каплан", удостаивает и Каныкей. А сказитель Сагымбай Орозбаев показывает Каныкей как умную, заботливую жену Манаса, а об ее героических чертах, можно сказать, не говорит" [91. 435]. Из этого следует, что сказители, идеализировав Каныкей, подойдя к ней с различных аспектов, создали общенациональный женский образ, обладающий яркими чертами. И, несмотря на различность этого образа в разных версиях, ее обет, слово, благонадежность и преданность, ум и рассудок остаются стабильными.

Беременную вдову Манаса Джакып бай хочет выдать замуж за одного из своих сыновей — Абеке или Кёбёша (в варианте В.Радлова — А.Дж.). Абеке и Кёбёш — не родные братья Манаса. Каныкей со слезами на глазах так отвечает на это ранящее и потрясающее предложение:

"Пусть ни Абеке, ни Кёбёш,
Не говорят таких запретных слов.
Вдова Манаса не заслуживает
Услышать такие слова!" [52. 236]

Отметим, что по древней традиции тюрков Средней Азии на вдове умершего брата должен жениться один из оставшихся в живых братьев, независимо от того, хочет он этого или нет, он должен вступить с ней в брак. Эта древняя традиция длительное время существовала не только у тюрков, но и у монголов, и существует по настоящее время. В чем заключается сущность этой традиции, которую называют левират? Постараемся внести

ясность:

Известно, что с древних времен, когда сватали девушку, от родственников жениха требовали различную приданую (в виде товара, денег и т.д.). А родители невесты, в свою очередь, после свадьбы, по мере возможности, давали ей приданое. Эта традиция помогала молодоженам благоустроить свой дом, укрепить семью. Но для того, чтобы дальнейшая судьба этого приданого не создавала каких-либо разногласий, оно получило в народе статус "неприкосновенности". Итак, традиция под названием левират, придуманная с тем, чтобы после смерти мужа это приданое не было утеряно, жена не осталась без главы семьи, а дети — сиротами, связана в большей степени с материальным интересом. Добавим, что "традицию левират считают приемлемой не во всех слоях общества, а только в высших" [52. 235]. Потому что, раздел собственности, имущества, богатства, интересовал более всего манапов, баев, одним словом, семьи аристократов.

А Каныкей — дочь Кара хана (Атемира), жена Манаса, сноха Джакып бая. Она со всех сторон окружена богатством. В таком случае, захочет ли Джакып бай упустить это богатство? А значит, он хочет женить на Каныкеи одного из своих сыновей. Если этот план задержится, то семья может разрушиться, а богатство разориться.

Беременная Каныкей, осознающая трудность завоевания своей независимости и противостояния традиции, решает, что (в варианте В.Радлова — А.Дж):

"Если я рожу дочь,
То брошу ее в огонь и сожгу,
Брошу в воду и утоплю.
А затем выйду замуж за кого-то.
Если рожу сына,
То замуж не выйду" [52-236, 237]

Почему Каныкей выбирает такой путь и принимает категорическое решение? Она считает, что если родится дочь, она не будет продолжателем рода, наследницей Манаса. Поэтому дитя, "которое зажмет свет в чужом доме" целесообразно "уничтожить еще в колыбели". И при такой ситуации не остается другого выхода, кроме как выйти замуж за одного из братьев Манаса. "А в случае, если родится сын, Каныкей не выйдет замуж за кого-либо. Потому что сын будет продолжать род Манаса, станет хозяином своей земли, и не допустит, чтоб мать нуждалась в ком-то" [52. 237].

Случается так, что Каныкей рожает сына. Рождение Семетея натягивает отношения в семье Джакып бая. Каныкей не хочет выйти замуж за кого-либо из деверей. Не верит, что кто-то сможет встать на место богатыря Манаса, заменить ей Манаса. И поэтому, она, возлагая большие надежды на сына Семетея, окончательно решает не выходить замуж.

Не получившие согласие Каныкей девери, начинают овладевать ее богатством, наследством, оставшимся от Манаса. Подвергающаяся шантажам, преследованиям и оскорблением Каныкей, берет младенца Семетея и убегает в свой отцовский дом — в город Кайып (Бухара). Брат Каныкей усыновляет Семетея. До определенного возраста Семетея полагает, что он брат Каныкей, а не сын. Это ему внушают с детства. Но в возрасте 12 лет от одного пастуха он узнает, что он — сын Манаса. Тайна Каныкей раскрывается. Семетея, узнав, что его мать — Каныкей, а отец — Манас, уходит в Талас. На родине отца, прежде всего, он встречается с умным и преданным Бакаем, который дает ему некоторые советы. Джакып бай не радуется приходу внука, порядок может быть на-

рушен, а "климат" измениться. Джакып бай, предусмотревший, что Семетей будет претендовать на наследство, внутри семьи возникнут конфликты, решил устраниТЬ Семетея. Но Семетей не попадает в эту западню. После этого Семетей возвращается в Бухару, и вместе с матерью Каныкей переселяется в Талас. Поселившись в Таласе — на родине Манаса, в отцовском доме Семетей, обьявляет народу, что он сын Манаса. Кто-то верит в это, а кто-то нет. Когда оставшиеся в живых из сорока чоро (сподвижников) Манаса, услышав призывы Семетея, отказались присоединиться к нему, Семетей начал уничтожать их.

В конце первой части трилогии, посвященной Манасу, главный герой эпоса — Манас, тяжело ранен в сражении с Конурбаем. Как известно, он ранил Конурбая, а Конурбай ранил Манаса. Манас возвращается на родину в Талас и погибает от полученных ран. Но Конурбай остается живым... Несмотря на это, сказители считают необходимым создание связанной с Семетеем второй части трилогии. Потому что, если не отомстить оставшемуся в живых врагу, то это будет означать поражение всего народа. Чувство мести, традиция кровь за кровь, ясно проявляется с появлением Семетея. Эта особенность проходит красной чертой в общетюркских легендах. Сын, который считается продолжателем рода, символом отечества, воюет против врагов, играет роль "генетического моста", который поколениями и временами обеспечивает право семьи на жизнь.

Семетей, раненый в сражении с сильным и коварным врагом своего отца Манаса — Конурбаем, не падает духом, готовится ко второму сражению и в этой битве убивает Конурбая. Весть о смерти злейшего врага тюрков — Конурбая — с большой радостью расходится по всему

Тюркистану. Каныкей больше всех радуется тому, что отомстили за Манаса. Но радость Каныкей в скором времени снова заменяют слезы. В семейных конфликтах Семетея убивают. Сын Семетея Сейтек, повзрослев, мстит за своего отца и убивает Кыяса и Канчора.

В третьей части трилогии, посвященной Сейтеку, события также происходят перед глазами Каныкей. По этой причине Каныкей живет как одна из главных героев трилогии. Образ Каныкей, ставшей живой свидетельницей времен и Манаса, и Семетея, и Сейтека,— это идеальный женский образ, воплотивший в себе ум,держанность, решительность, дальновидность, осмотрительность, отвагу, неколебимость и другие атрибуты. В киргизской литературе женские образы рождались под влиянием образа Каныкей.

Мы сочли нецелесообразным проводить отдельный анализ более трехсот образов, получивших место в легенде "Манас", и, остановившись на главных образах, хотим создать определенное представление о героях эпоса. С этой точки зрения, постараемся дать лаконичную классификацию характеров, имеющих в эпосе особую значимость.

Одним из образов, привлекающих внимание своими высокими моральными качествами, искренней привязанностью к киргизскому народу, чрезмерной преданностью Манасу, храбростью и смелостью, является Алмамбет. Алмамбет, китаец по национальности, вернее, сын одного из китайских правителей. Появившись на свет в бездетной семье — семье Соорондук хана, он сначала обрадовал своих родителей, но позднее разочаровал их. Еще новорожденный Алмамбет не берет грудь матери. Родители, боясь, что он может умереть с голода, бывают вынуждены кормить Алмамбета молоком другой жен-

чины. Эта женщина — кормилица Алмамбета (молочная мать) была мусульманкой. Выросши, Алмамбет принимает мусульманство, за что отец приговаривает его к смертной казни. В бою с людьми, которых отец Алмамбета направил с целью убить его, он был тяжело ранен и вынужден был бежать из родной страны. Он, прия в другую страну — к киргизам, встречается там с Кёкчо, благодаря которому Алмамбет принял мусульманство, и с приснившимся ему Богатырем Манасом. С того времени становится близким другом и сподвижником Манаса [70. 231].

Эта история прослеживается и в исламском облике другой легенды тюрков — "Легенда огузов": "У Гара хана рождается сын, красивее солнца и луны, три дня и три ночи он пьет молоко своей матери, и однажды он снится ей и говорит: "Прими религию Аллаха, или не буду пить твое молоко. Мать, не устояв, принимает религию Аллаха, но никому об этом не говорит..." [15. 70]. В "Огузname" Фазлуллаха Рашидаддина эта сцена изображена следующим образом: "Она, (подразумевается мать Огуза — А.Дж.), подняв руки вверх, молясь, произнесла: "Господи! Помоги мне несчастной, сделай сладким мое молоко для этого младенца!" И огуз сразу же стал сосать грудь матери" [96. 26].

В "Огузname" выясняется, что Огуз еще в колыбели заставляет свою неверующую мать принять религию единобожия — мусульманство. Но его же отец и дяди хотят убить его. Но в идейном бою со своими родными и близкими Огуз побеждает, и расширяет свою власть. А в эпосе "Манас" Алмамбет своими религиозными убеждениями противостоит отцу, но, не увидев поддержки, он обращается к Манасу. Манас высоко оценивает храбрость, отважность и преданность Алмамбета.

В легенде об Алмамбете дается еще один эпизод о том, что еще до встречи с Манасом, в одной груди матери Манаса — Байбике Чыйырд появляется молоко. Этот штрих предсказывает то, что кто-то идет побраться с Манасом. И Алмамбет действительно становится молочным братом Манаса.

Алмамбет, расставшись со своей родиной, землей, народом, очень скоро сливается с киргизами. Как один или скажем даже первый из сорока чоро Манаса, он отличается своей храбростью, человечностью и доблестью. Но он всегда кажется задумчивым и печальным. Кульминация этой печали проявляется в сцене, когда Алмамбет в одном из сражений на китайских землях, с тоской смотрит на родные края и чуть ли не плачет. Алмамбет, увидев дворец своего отца, говорит Сыргаку:

"Место, где прошло мое младенчество,
Которое переселилось в мое сердце.
Пожелтели мои кусты, Сыргак,
Увяли мои сады, Сыргак..." [72. 272]

Слезы на глазах храброго Алмамбета, со скорбью и беспокойством произносящего эти слова, естественны, ибо он разлучился со своей родной землей, краем, народом... "Эпос объясняет трагедию Алмамбета, его отчуждение от родины, принятием мусульманства. Такие сюжеты широко распространены у большинства из народов Средней Азии. [95. 72].

Каждый из сорока чоро Манаса в отдельности — это достойные человеческие образы, обладавшие особым весом, духовной зрелостью и физической силой. Когда мы вникаем в духовно-психологический мир Кошоя, Чубака, Сыргака и Аджыба — наиболее запомнившихся в

этом ряду образов людей, возвысившихся до уровня непобедимых героев, проявляются как идеиное направление эпоса, так и чрезвычайные атрибуты героизма народа.

В главе легенды "Сражение Манаса и Кошоя с врагами", богатой горячими событиями, полностью раскрывается внутренний мир воина Кошоя, достоинства богатыря, которыми он обладает. В начале этой главы, как усматривается из нашего отношения к сюжетным событиям "Манаса", Кошой своей храбростью, неколебимостью не отстает от Манаса. В главе "Сражение Манаса и Кошоя с врагами" Кошой, с целью освободить сына Ходжа Джакангира — Билерика из темницы, нападает на взявшего его в плен Кырмус шаха. Кошоя, убившего шаха и освободившего из темницы Билерика, избирают ханом государства под названием Дагалак. Все это осуществляется не в одиночку, а с помощью Манаса. Поэтому, хорошо знающий свое место Кошой, проявив благородство, настойчиво требует у своего народа признать Манаса. Народ с удовольствием воспринимает это предложение...

Одной из особенностей эпизодов легенды, привлекающих внимание, является то, что находящиеся вокруг Манаса герои, несмотря на то, что показывают мужество и завоевывают победу, никогда не желают возвысить себя над Богатырем Манасом. Как говорят, храбрецов может быть сто, а полководец всегда один. Сказители, придерживающиеся этой субординации, никогда не допускали других героев до уровня Манаса.

Одна из особенностей, за которую народ любит Кошоя — эта его преданность к своей родине и сородичам. Когда враги-захватчики начали вытеснять киргизов и выселять на чужие земли, Кошой, собрав вместе своих

сородичей, смог предотвратить эти нападения, и не допустил выселения киргизов из родных земель. До прихода киргизов из Алтая в Ала-Тоо во главе с Манасом, Кошой, можно сказать, в одиночку защищал свою родину и народ от непрерывного нападения врагов. Только после прихода Манаса руки этого грандиозного богатыря развязались еще больше и вражеские силы стали убегать от этих двух храбрецов.

Кошой, как своим умом, рассудком, так и физической силой, благонадежностью, превратился в избранного и любимого героя эпоса. Сказители в некоторых моментах ставят его выше "мудрого Бакая". По манасоведу Самару Мусаеву: "Кошой настолько умен, что народом это воспринимается как признак святости". [96. 74].

Портреты ближайших сподвижников Манаса — "не поддающегося львиным зубам" Сыргака, "сверкающего как звезда" Чубака, "знающего шестьдесят языков" Аджыбая, были расписаны сказителями в пестрых красках. Несмотря на то, что каждый из этих героев в отдельности обладает определенным характером, их объединяет единственная линия, единственное направление — это чувство патриотизма и любовь к народу.

Даже отрицательные герои эпоса — это интересные образы, привлекающие внимание своими естественными особенностями, поведением и взаимоотношением. Сказители представляют отрицательных героев не как слабых, бессильных, несообразительных, а как сильных, хитрых, ловких, смелых и умных людей. Богатырская сила Манаса и его сорока чоро все более возрастает, когда они побеждают таких сильных и умных врагов. Потому что устоять против сильного и победить его удается не каждому герою...

Одним из отрицательных образов, расписанных в эпо-

се живыми красками, является китайский богатырь Конурбай. "Во вражеском лагере эпоса только Конурбай может сравниться с героическими качествами Манаса и устоять перед ним. Краски, потраченные на описание внешнего портрета Конурбая, ничуть не отстают от манасовских". [95. 74]. Это вытекает из объективного отношения народа, вернее, фольклористов, к прошедшим историческим событиям и историческим личностям. Манасчи (сказители), не придавая жизненной действительности субъективную модель, создали далекую от всяческих искажений и подложности эпопею.

Конурбай, представляющий противную сторону — вражеский фронт, несмотря на свою силу, мощь и неколебимость, сам знает, какому идеалу он служит. Если желание освободить родину и свой народ придает силы и энергию Манасу и его храбрецам, Конурбай же далекий от этого святого чувства полководец. На кровавые битвы его толкает не священный идеал, а простая цель. А цель следующая: какой бы ценой ни было, не упускать из рук захваченные земли. Манас, поднявший в высь знамя истины и идущий от победы к победе, превращается в реальную опасность для Конурбая.

В главе "Большой поход Манаса в Бейджин", являющейся кульминацией эпоса, рассказывается о необычайных героических достоинствах победившего китайскую армию Манаса и его сорока чоро. Раненный, побежденный в этом бою Конурбай, вынужден заключить мир с Манасом. Но в главе "Малый поход Манаса на Конурбая. Гибель Манаса", которая является последним этапом эпоса, Конурбай выходит на поле боя более сильным и более подготовленным. Он вступает в союз с Джолой ханом. Объединившие силы союзники, начинают изгонять киргизов по всей границе Китая и убивать их.

Манас, вступивший в бой с обладающей сильным военным потенциалом вражеской армией, впервые в жизни терпит поражение. Он в этой борьбе теряет своих соратников. А самого его ранит Конурбай в бою один на один. Хотя и Манас ранит Конурбая, но тот не умирает от этой раны. Впервые вернувшись на родину побежденным, Манас погибает от раны, нанесенной Конурбаем...

Как видно, несмотря на то, что образ Конурбая — образ врага, но он доблестный человек, предусмотрительный, хитроумный полководец. Эпос не бросает тень на эту его черту, а наоборот, освещая его, убеждает читателей в жизненных реальностях, которые являются сутью художественных реалий.

Другой отрицательный образ — союзник Конурбая Джолой хан тоже физически сильный, неколебимый сын калмыков. Но и его духовная бедность бросает тень на физическую силу. Сказители сравнивают этого храбреца с киргизским богатырем Кошоем. Джолой самый сильный после Конурбая вражеский образ, получивший место в эпосе.

* * *

Эпос "Манас" — это совершенная с художественной точки зрения: обладающая плавным языком, богатыми средствами выражения, поэтической пестротой, влиятельной музыкой трилогия. Встречающиеся по всему эпосу приятные диалоги, монологи с декларативным текстом, мудрые изречения, ценные высказывания, бесподобные эпитеты, ташбехи, а также такриры, альтерации — это ценная жемчужина созданного народом "поэтического океана". "Несмотря на безграмотность, сказители эпоса с ловкостью использовали поэтическую технику и различные художественные приемы в предс-

тавлении горячих событий, определяющих сюжетную линию произведения. В конечном итоге большинство вариантов эпоса создают впечатление глубоко продуманного, тонко обработанного и только после этого написанного произведения" [95. 86].

Естественно, что прошедший тысячелетний путь и дождший до наших дней эпос "Манас", народом и заменяющими друг друга сказителями был периодически отшлифован и еще более обогащен новыми средствами художественного выражения. Именно в этом заключается основной секрет завершенности эпоса, вместительности с художественной точки зрения.

Внесем ясность в некоторые моменты, остановившись лишь на одном привлекающем внимание художественном приеме: Как известно, на всем свете нет легенды, большей, чем "Манас". Из этого вытекает невозможность выслушать эту легенду без передышки. Сказители, доведшие легенду до слушателей в главах, придали каждому эпизоду законченную сюжетную линию. Эта линия помогает запомнить эти эпизоды как самостоятельное сюжетное событие. В то же время, новый эпизод начинается следующими строками:

"А теперь послушайте,
Расскажу вам легенду,
Расскажу про Богатыря Манаса..." [33. 38]

Эти строки часто повторяются между эпизодами легенды с той целью, чтобы слушатели, прослушавшие эпос с определенными перерывами, не отдалялись от основной цели и сосредоточили свое внимание.

Можно весьма обширно говорить об особенностях мастерства, о раскладе слов, музыкальной гармонии эпо-

са "Манас". Можем сказать только то, что все ценное, вытекающее из научного, философского, литературно-художественного мышления одного народа — киргизских тюрков — скопилось в огромном "поэтическом океане". То есть "Манас" не просто легенда одного народа, но и поэтическое воплощение существования его, как нации.

III РАЗДЕЛ

ОБЩИЕ МОТИВЫ ТЮРКСКОГО ЭПИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА И "МАНАС"

Как было отмечено ранее, не каждая нация, не каждый народ может иметь легенду. Для этого нация должна иметь прошедшее через войны великое прошлое, богатую и разноликую историю, полную героизма. Эпическое творчество народа служит именно освещению этих событий.

История тюркских народов, жизнь которых прошла в непрерывных победоносных сражениях, стала образцом для эпического творчества, объединяющего в себе эпические картины и лирические отступления. Такие эпосы как "Деде Коркут", "Манас", "Алпамыш", "Кероглы" "созрели" на этом образце. Эти поэтические летописи, из поколения в поколение, из века в век передаваемые устным творчеством, еще раз доказали, что "турецкий народ сказал свое окончательное слово в истории Азии" [30. 316]. Но, к сожалению, история тюрков не смогла остаться вдали от грубых искажений, ложных представлений. Б.Огель именно здесь советует следующее: "чтобы спасти историю тюрков от разных спекулянтов, нужно собрать все имеющиеся документы вместе и изучить их. Конечно же, люди, нашедшие новый документ, заговорят об этом. Но не имеющие документы не будут иметь права своими предчувствиями смешивать монгола с тюрком, а тюрка с монголом" [12. 146].

Исторические факты доказывают и то, что тюрки, нес-

мотря на свою храбрость, смелость, воинственность, отвагу и неколебимость, никогда не были склонны к войнам. Необходимость защищать свою родину, свои земли от чужеземных захватчиков, часто подстрекала тюрков на бессмысленные войны. Тюркские народы, будучи "тиграми в бою, ангелами в миру", чтобы жить в безопасности, всегда были готовы к войне. Но и это правда, что тюрок никогда не уничтожал побежденного: "Атилла, которого так обвиняют европейцы (называют "Божьей карой" — А.Дж), по их словам же, когда побежденные народы просили мира — он незамедлительно принимал их предложение" [49. 97]. В тюркских легендах мы видим эпизоды миролюбия тюрков. В ряду превратившихся в литературные образы исторических личностей "создателем тюркского миролюбия является Метэ" [49. 46].

Судя по исторической реальности можно сделать вывод, что общие мотивы тюркского эпического творчества "опираются" на единую тюркскую нравственность и менталитет. То есть, исходящие из одного корня, разветвляющиеся из одного ствола великой тюркской истории, найдя свое выражение в произведениях фольклора, в особенностях легенд, следы национальной общности и схожести не могли исчезнуть. Поэтому, если начнем рассматривать какую-либо легенду одного из тюркских народов, то ясно увидим общие и схожие мотивы в легендах другого тюркского народа.

а) Однаковые корни родственной культуры

Эпос "Манас" является весьма ценным объектом исследования с точки зрения сохранения древних следов тюркской культуры и духовности, а также продолжения существования традиционных мотивов, отличительных

особенностей других наших эпосов.

Прежде чем сравнить эту легенду с другими эпосами тюркских народов, исследуем родственность наиболее древних наших традиций, изречений шаманов, надгробных надписей с духом "Манаса": "Элементы, оставшиеся от шаманизма, оставили следы в "Манасе". Эти примитивные следы сохранены и в якутских, алтайских, хакасских легендах. Например, в шаманских ритуалах алтайцев сохранены следующие древние изречения: Как можно склеить сломанное? Немного измененные расклад этого изречения встречается и в киргизской легенде. Мы во всех вариантах встречаем следующее изречение о ловкой Каныкей "склеивающая сломанное, собирающая разрушенное" [58. 23].

Насколько потрясающе духовная близость, "кровное родство" между эпосом "Манас" и Орхено-енисейскими памятниками, которые стоят в основе тюркской истории, тюркской духовности, а также тюркского эпического творчества, являются нашей первой письменной культурой, первым литературным произведением.

Орхено-енисейские письмена, которых М.Эркин называл "божественным величием, большим примером тюркской величавости, тюркской самоотверженности, чистым табло тюркской общественной жизни, шедевром тюркской литературы" [19. 328] — это не просто эпитафия, это сборник мудрых советов и бессмертных заповедей, книга судьбы, освещаящая путь близкому и далекому будущему одного народа. Речь, способ выражения, мотив и слог в орхено-енисейских письменах находят свое развитие в дальнейшей тюркской эпической литературе. Обратим внимание на заповедь Билге хана, "смотрящую" на нас из массивных плит: "Эй, тюркский народ! Беки! Услышьте мое слово! Я собрал тюркскую нацию, и

восхвалил родные края на этом камне. Если нация опять ошибется, то умрет, о чём я написал на этом камне. Написал все, что хотел сказать. Смотрите на него, и знайте, теперешние тюркские беки!" [19. 512]. Этот мотив созвучен с главой "Заповедь Кёкотоя" в эпосе "Манас". Как известно из эпоса, на прощальной церемонии Кёкотой завещает своему сыну и народу. Напоминая отрывок из этой заповеди, хотел бы "осветить" родство стиля и мотива:

"Эй, народ, будь трудолюбив!
Кроме ничего не желаю, сын мой.
Кроме нечего сказать, народ...
Я собрал двенадцать племен и сотворил народ..."

[58. 26].

Отметим, что согласно академику В.В.Радлову, который впервые в 1885 году подготовил полную письменную версию трилогии "Манас" и опубликовал ее на киргизском и немецком языках, между этим эпосом и орхено-енисейскими письменами существуют морально-духовные связи. Это существование неопровергимо потому, что тюркское племя, проделавшее путь от примитивной литературы до цивилизации эпической литературы, не могла отделиться сама от себя... На пути от эпитафии к легенде, от надгробия к книге, тюркские племена остались тюрками!

Известный азербайджанский ученый, профессор Яшар Гараев по праву оценивает эпическое творчество тюркских народов: "Этнически-национальные и моральные ценности спасают от смерти Гильгамеша, Манаса и Коркута. Духовная пирамида, фундамент которой не из камня, а из слова, на Востоке называется легендой. Вдо-

бавок, тюркский миф и эпос для тюрков всегда был оружием защиты и гарантом не только от нападений беспощадного Времени, но и чужого пространства, чужой этнической среды" [29. 299, 300].

В тюркских легендах, "спасающих от смерти" наши национальные и моральные ценности, историческое прошлое, очень сильно стремление борьбы со смертью, стремление "убить смерть", желание вечности. Стремление "убить смерть" в башкирской легенде "Урал Батыр" полностью созвучно с желанием убить смерть (ангела смерти) в главе "Дели Домрул сын старика Духа" в легенде "Деде Коркут". В "Урал Батыре" "беженцы муж и жена, увидевшие, что смерть убивает людей, поручают своему сыну убить смерть" [26. 38].

А в "Деде Коркут" Дели Домрул берет на себя обязательство убить ангела смерти — Азраиля. Дели Домрул, которого расстроила смерть именитого, уважаемого богатыря, просит Аллаха: "Эй, всемогущий Аллах, прошу тебя именем твоего единства, существа. Покажи мне Азраиля, я буду бороться с ним, спасу жизнь хорошему богатырю. Чтобы никогда не убивал хорошего богатыря" [27. 79]/

Однажды Азраиль входит во дворец, где Дели Домрул развлекается вместе с сорока богатырями. Кроме Дели Домрула его никто не видит. Этот самодовольный богатырь страшится "сурогого старика". Но Дели Домрул берет свой кинжал и вступает в бой с Азраилем. В легенде этот момент описывается так: "Он сказал "Азраиль, я хотел увидеть тебя в просторном месте, а ты попал мне в руки в тесноте, не так ли?" "Я убью тебя и спасу жизнь хорошему богатырю. Взял кинжал в руки; хотел напасть на Азраиля. Азраиль превратился в голубя и вылетел в окно" [27. 80].

В фольклорном произведении калмыков "Песнь о Джавад хане" герой тоже вступает в борьбу с ангелом смерти Азраилем. Эти параллели свидетельствуют о родственных корнях.

Если Дели Домрул, не выдержав смерть уважаемого богатыря решает убить Азраиля, Гильгамеш тоже со скорбью и печалью встречает смерть своего друга, соратника богатыря Энкюду и в мыслях ищет ответ на вопрос:

"Интересно, смогут ли покойники
Еще раз увидеть солнце?" [14. 54]

Смерть Энкюду словно пробуждает Гильгамеша. Эта реальность постепенно начинает убеждать его в не вечности жизни. Он страшится, подумав о том, что когда-то и ему придется прощаться с этим светлым миром, с жизнью:

"Гильгамеш, горько плача по-своему
близкому другу Энкюду, бродит по полю:
— И я однажды умру как Энкюду

"Страх охватывает меня, скорбь уничтожает меня" [14. 55]

Именно с этого момента Гильгамеш, с целью найти вечную жизнь, бессмертие, начинает поиски "цвета жизни", о котором ему рассказывает Деде Утнапишти. Хотя ему удается найти этот цветок на дне моря, но его крадет змея. На фоне психологических сотрясений героя, желавшего принести это цветок своему народу — в Урук еще раз делается ударение на то, что человеческая жизнь времена, что этот мир преходящий.

Как видно "Гильгамеш не хочет умирать, потому что

не устал от поступков (от работы?), если б устал, то умер бы. Настоящие герои таковы, их поступки, идеи превращаются в вечную любовь, влюблённость. Страх смерти Гильгамеша, волнения о "вечной жизни" связаны с этим" [19. 111].

Параллели в общетюркском эпическом мышлении доказывают, что Гильгамеш не един. В башкирской легенде "Урал Батыр" старик Янбирде говорит своим сыновьям-богатырям Уралу и Шульгену о смерти, которая уничтожает всех живых на свете. Потом указывает на путь спасения от смерти. Это путь в Яншишман — родник жизни. Для бессмертия, вечности надо найти этот родник [98].

Этот мотив также встречается в эпосе "Кероглы", который является шедевром азербайджанского ашугского творчества. Ослепший Алы киши видит спасение от слепоты в Гошабулаге, который бурлит через каждые семь лет. Хотя в эпосе не сбывается желание излечить глаза Алы киши водой этого волшебного родника, дающей здоровье и силу человеку, но благодаря ей не знакомый никому Ровшан становится популярным как Кероглы. Потому что Ровшан, выпив пенистую воду Гошабулаг, забывает принести ее отцу и страдает от этого:

"От столкновения звезд разлился Гошабулаг. Белая пена поднялась до человеческого роста. Ровшан набрал в сосуд воду, налил на голову, набрал еще один сосуд и выпил. Хотел набрать еще, увидел... пена была вдалеке. Родники стали чистыми, прозрачными, будто текут слезы. Ровшан стал бить себя по голове. Но куда он дойдет... Взял сосуд и с сожалением вернулся, рассказал отцу о происшедшем.

Алы киши вздохнул и сказал:

— Мои глаза вылечила бы только эта пена. И ее упус-

тили" [28. 16].

Как видно, сожаление Гильгамеша, который с большим трудом найдя "цветок жизни", допускает, чтобы его украла змея, и Кероглы, который возлагал большие надежды на Гошабулаг для излечения глаз отца Алы киши и в нужный момент не смог взять хотя бы две капли ее пены, составляют параллель. "Одной из особенностей, отличающих Гильгамеша и Кероглы от других эпических героев является то, что когда этих богатырей побеждает сильнейший, они приветствуют противника, не стесняются признать его храбрость. Гильгамеш признает, что побежден Энкюду, а Кероглы, признает, что побежден Гизироглу" [14. 88].

Следы культа воды, широко распространенного в мифическом мышлении тюркских народов, дошли до наших времен. Отметим и то, что ангел воды и зелени был один. Мы это видим в лице "цветка жизни" в "Гильгамеше", Яншишмана в "Урал Батыре, Гошабулаг в "Кероглы". По словам покойного профессора Мирали Сеидова: "Вера в воду, в бога воды была настолько широко распространена у тюркоязычных народов, что бездетные женщины просили дитя у воды. У киргизов и казахов нерожавшая женщина, желающая родить ребенка, приносила жертву одиноко стоящему дереву, роднику, воде и ночевала там" [42. 218].

В фольклорной памяти, в мифическом мышлении тюркских народов, много моментов и традиций, связанных с онгоном воды. С этими моментами мы встречаемся в легендах, связанных с Деде Коркут. По преданию, Деде Коркут в пути видит могильщиков и спрашивает, для кого роют эту могилу, ему отвечают "для Коркута". И в другом месте происходит то же самое и, старик Коркут, желающий спастись от смерти, расстилает ковер на

реке и начинает играть на гопузе. Но и здесь он не может спастись от смерти...

"С древних времен и до наших дней человеческое сознание тысячелетиями старалось найти секрет вечности, бессмертия. Может быть, по этой причине они считали воду святой и хотели увидеть в "воде" необычное божество, и по этой причине в мифологии был создан "родник бытия". По мифическим представлениям только Хызыр смог выпить эту воду и заслужил бессмертие. Именно поэтому Хызыр, как посредник, может дать людям жизнь, бытие, детей" [22. 96]. В эпосе "Манас" имя будущему герою дает Хызыр: Манас!

Поиски родника вечной жизни, бессмертия, бытия, оставившие глубокие следы в нашем эпическом мышлении, в некоторых наших легендах завершаются мотивом "смерти-воскресения", одним из примеров которому является "Манас". В нескольких вариантах эпоса "Манас" описывается воскресение Манаса после смерти. Это событие происходит три раза. Дважды Манас умирает от отравления. Но видимо создатели легенды не могут простить то, что богатырь Манас становится жертвой измены, и предпочитают этому традицию "боец должен умереть в бою".

Самым впечатляющим эпизодом смерти Манаса в эпосе является день его женитьбы на Каныкей. В этот день предатель Мендибай отравляет Манаса и он умирает. Свадьба превращается в траур. Люди расходятся. "В продолжении легенды после воскресения Манас вместе со своими сорок чоро приходит к Каныкей, чтобы обрадовать ее, Каныкей встречает Манаса и сорок чоро и дарит им подарки" [60. 391].

Мотив "смерти-воскресения" в устной литературе тюрksких племен, в особенности в эпическом творчестве,

представляется как непобедимость героя и неколебимость воли народа. Эта эпическая традиция, характерная для общетюркского эпического творчества, привлекает внимание и в легенде "Чора Батыр", которая является ценной жемчужиной тюркско-татарского фольклора. В варианте легенды "Чора Батыр" проживающих в Турции крымских тюрков, она завершается тем, что Чора Батыр вместе со своим конем исчезает в море, не верящие в его смерть русские солдаты сорок дней и сорок ночей ждут его там и надеются на его воскресение. Крымские тюрки верят в то, что Чора Батыр воскреснет, чтобы защитить их от гнета русского [63. 257].

Отметим и то, что мотив "смерти-воскресения" тесно связан с шаманизмом, и поэтому, невозможно увидеть в эпосе "Манас" следы шamanского мировоззрения. Некоторые элементы необыкновенного образа жизни шаманов, исторически поселившихся на Алтае, в Тюркистане и Якутистане, неизбежно должны были впитаться в произведения народного творчества, "созревшего" из этой среды, в том числе и в "Манас".

Историк В.В.Евсюков, говорящий о мифическом мышлении народов мира и "древе жизни", получившем место в этом мышлении, пишет: "Древо жизни играет очень важную роль в древней шаманской религии. Именно здесь (в шаманизме — А.Дж.) этот образ дан во всех деталях. Шаманы, владеющие чрезвычайными способностями, в любое время могут перейти в другой мир, идти к Богу и духам" [86. 28]. Древние предания о гам-шаманах, умеющих воскресить человека после смерти, объединять духи, живут в памяти тюркских народов и в письменном фольклоре. По преданию, когда шаманы приступают к магии, дух умершего человека возвращается в его тело. То есть покойник воскресает: "Когда ша-

ман приступил к магии, покойник воскрес и захотел молоко. Ему дали молоко. Покойник попробовал немного молока и сказал:

— Я не понял, умер я или потерял сознание?" [43. 111].

Видный казахский интеллигент, популярный поэт, ученый и общественный деятель Олжас Сулейменов по поводу веры тюркских народов в воскресение говорит следующее: "Исламская религия навсегда устранила последние остатки идеи тенгранизма (тенгрианства). В исламской религии никто, даже сам Аллах не воскресает. Потому что Аллах бессмертен. В связи с этим меняются и похоронные обряды. Только тюрки и монголы перевели через острые кинжалы новых и боевых религий первую наивную мечту младенческого периода человечества и по сегодняшний день сохранили священную веру в телесное воскресение" [40. 238].

Уместно напомнить, что исламские убеждения очень слабо прослеживаются в "Манасе" и эта религия не составляет характерной активности для эпоса. Но элементы шаманизма, можно сказать, явно проявляют себя во всех версиях эпоса. Эти следы связывают "Манас" с еще более древним периодом. Для наглядного подтверждения сказанного проанализируем один отрывок из трилогии "Манас". В самом начале варианта С.Орузбаева читаем:

"Джакып повязал черное,
Заплакал, произнося дитя.
Застыло сердце при виде детей.
Пролил слезы,
Разбилось сердце.
Позвал он Аллаха —
Чтоб услышал этот стон.
Обещал жертву каждый раз -

Обещал в жертву верблюда...

Вот так бай Джакып

Повесил на шею переметную сумку

Отправляется на кладбище.

И начинает молиться" [2. 197, 198].

Джакып — отец будущего Манаса, тоскующий по ребенку, для того, чтобы сбылось его желание, вешает на шею переметную сумку и отправляется на кладбище. Почему именно на кладбище? Потому что кладбище — это мир духов. Джакып посредством этих духов хочет передать свое желание и мечты Богу. Беседа с духами, поклонение могиле связаны с шаманизмом, которые несут в себе примитивные религиозные представления. Эти и подобные эпизоды говорят о доисламских шаманских убеждениях. В общетюркском фольклоре видим неизгладимые следы таких убеждений.

В наших эпосах, художественно отражающих исторические события, мы встречаемся с принадлежащими разным племенам тюркских народов традициями, образом жизни, боевыми сценами в образном и поэтическом выражении. Этническое родство стоит в основе литературно-культурного родства, поэтому иногда в тюркских легендах проходит сюжетная линия с одинаковым мотивом, что естественно. В казахском эпосе "Гара Гыбчаг Кобланды" рассказывается: "Богатырь Кобланды всемогущий и щедрый. Он никому не отказывает в помощи. Он идет в дальние военные походы, освобождает нуждающиеся в этом народы. Только самого себя защитить не умеет. Вернувшись с последнего похода Кобланды, видит свой дом разрушенным, жену и ребенка берут в плен неизвестные враги" [40. 139].

С подобным мотивом мы встречаемся и в главе "Раз-

рушение дома Салур Газана" в легенде "Деде Коркут". Вернувшись с охоты Газан видит свой дом разрушенным. Пастух Гарачуг сообщает Газан беку, что его жену, мать и детей взяли в плен:

"Умер ли, уснул ли, ты, Газан!
Где ходил, где был, ты, Газан!
Позавчера твой дом прошел здесь.
Старая твоя мать прошла, вися на шее верблюда".

В общетюркских эпических произведениях женская независимость и женская храбрость описана особыми штрихами. В фольклорном произведении башкир "Алп-батыр" на горе Урал-тау Алп-батыр встречается с ханской дочерью Бархын. После знакомства Алп-батыр изъявляет желание жениться на этой девушке. Девушка говорит:

"Если ты победишь меня в сражении, то выйду за тебя... Богатырь соглашается с ней и вступает в бой с девушкой. Они сражаются семь дней и семь ночей. Наконец, Алп-батыр побеждает непокорную девушку и говорит: — Ну, красавица, выполни обет.

Девушка говорит: — Мое сердце давно с тобой. Я твоя, а ты — мой. Потягались, прибавили силы. Отныне будем вместе" [79. 45].

Мотив победы героя над девушкой и дальнейшей женитьбы на ней встречается и в сказке "Алпамыш и Барсынхылу". А.Н.Кириев так характеризует эпическое творчество башкирских тюрков, которые являются создателями легенд "Урал-батыр", "Агбозат", "Гара Юрга", "Акхак Кола" и т.д.: "Эпос башкирского народа, как и у других народов, берет свое начало в первобытнообщинном строе и продолжается до эпохи феодализма, когда

большие родоплеменные союзы объединялись против чужеземных захватчиков (здесь, безусловно, имеется ввиду монгольское иго — А.Дж.)" [78. 11].

Мотив победы героя над девушкой и дальнейшей женитьбы на ней встречается и в известном башкирском эпосе "Урал-батыр". Дочь Солнца Хумай согласна выйти за того человека, конь которого перескочит ее коня. Который тремя пальцами поднимет камень весом 70 батманов [78. 19].

Тот же мотив, но немного в другом оттенке повторяется и в эпосе "Манас". В главе "Сражение Манаса и Кошоя с врагами" Манас, сразившись один на один с взятой в плен дочерью рыцаря Кайып-хана и победив ее, женится на ней. В главе "Сын Байбёре Бамсы Бейрек" легенды "Деде Коркут" Бейрек встречается с Банучичек. Сначала они скачут на конях,пускают стрелы. Конь Бейрека перескакивает коня Банучичек, а стрела опережает ее стрелу. Увидев это, Банучичек говорит: "Ничей конь не опережал моего коня, а стрела — мою стрелу. А теперь давай бороться с тобой... Немедленно спустилась с коня. Начала бороться, они как два борца обнялись друг с другом. То Бейрек хочет свалить на землю девушку, то девушка хочет свалить его. Бейрек сотрясается и думает: "Если эта девушка победит меня, то среди Галын Огуза меня будут упрекать, смеяться надо мной..." Бейрек воодушевляется. Хватает девушку и берет ее ожерелье. Хватает за грудь. Девушка ерзает. На этот раз Бейрек хватает девушку за тонкую талию, и, повернув, бросает ее на землю" [27. 153].

Напомним и то, что, как правило, в эпических произведениях герои-мужчины не побеждаются женщинами. Это, продукт этического и этнического мышления. Женщины, изображенные в доисламских тюркских эпосах,

это образы, которые обладают равными с мужчинами правами, скачут на коне, пускают стрелы, борются. Эти особенности отмечает также видный тюрколог В.М.Жирмунский: "В тюркских эпосах, появившихся в патриархальной среде кочевой жизни, женщина героя изображается как его равноправный, умный, отважный сподвижник и помощник. Таковы Банучичек Бейрека ("Деде Коркут"), Барчын Алпамыша ("Алпамыш"), Ка-ныкей Манаса ("Манас"), далее Нигяр Кероглы ("Кероглы"), Гаджар Наби ("Гачаг Наби") и т.д.

Жизнь в степях, кочевание, перемена родины и перемена мест перенесла тюркских женщин через огонь и воду исторической ситуации, лабиринты жизни-смерти, и возвысила их до уровня противостояния чужеземному нападению плечом к плечу с мужчинами. Тюркская женщина завоевала этот героизм естественно не в теплой, уютной кухне, а в сражениях, которые создавали кровавые канавы на потрескавшихся землях дикой степи. И как плод этого "завоевания", тюркские женщины при необходимости помогали умными советами своим мужьям. Жена гуннского императора Метэ, взявшего в плен китайского императора Као, говорит своему мужу (Метэ): "Два властелина (т.е. гуннский и китайский властелины) не должны угнетать друг друга и делать несчастными. Если даже вы, эй гуннский правитель (т.е. Метэ), сегодня овладеете китайскими землями, но для управления Китаем, в конечном итоге, вы не найдете необходимые силы. В особенности китайский владыка обладает божественной силой. Эй, владыка (т.е. Метэ), подумай и обдумай то, что будешь делать" [11. 225].

Тюркские женщины не только своими умными советами активно участвовали в управлении государством, но и самостоятельно правили им. Но "пришедший в Сред-

нюю Азию вместе с арабами Ислам, опускает женщину до уровня рабыни. Жена правителя — одна из рабынь гарема, она не имеет никакого права и полномочия" [40. 117].

В истории народов мира тюрки отличаются с точки зрения разрешения семейных проблем, вопросов женитьбы и брака. "При исследовании истории племен и племенных союзов, стоящих в корне тюркских народов, в том числе и азербайджанского народа, и связанных с этим памятников ("Деде Коркут", "Маадай-Гара", "Уралбатыр" и т.д), выясняется, что эти народы были экзогамными. Они не вступали в брак с кровными родственниками" [42. 206].

Географические пределы легенды "Деде Коркут" определяются контурами государства Галын Огуз, а само это государство подразделяется на родоплеменные территории под названием Ич Огуз, Даш Огуз. Может быть, из-за запрета брака между кровными родственниками, появилось "не родство" между Ич Огуз и Даш Огуз, что послужило развитию этнической традиции. Следы этого обычая не только сохранились и живут в эпическом мышлении, но и по сей день проявляют себя. В народе говорят "не роднись с родным".

Не женившиеся на кровных родственницах эпические герои (Манас, Алпамыш, Урал-батыр, Кероглы и т.д.), ищут свое счастье в других странах, родах и племенах. Манас не желает жениться на дочери кого-либо из киргизского кочевого родоплеменного союза, который он создал своей богатырской мощью. Его отец Джакып бай ищет для сына невесту в другом краю. Манас, выполнивший тяжелые условия, поставленные перед его отцом во время сватовства, измученный людьми Атемир хана, раненный кинжалом Санирабийгон, с трудом добивается

своего. Позднее он играет свадьбу, и приводит Санирабийгон, позже названную Каныкей, в Талас — на родину предков.

В.М.Жирмунский так пишет о популярности Каныкей в общетюркском эпическом творчестве: "Видимо, имя Каныкей — жены Манаса связано с казахско-ногайскими традициями. В эпической сказке об Идике Каныкей и Таныкей — дочери попавшего в плен Тохтамыш хана, и по существующему обычаям должны стать женами победившего их отца Идике хана" [87. 75].

Имя Каныкей встречается не только в эпических произведениях, но и в героических песнях. В казахской героической песне "Шора-батыр" Шора-Батыр женится на одной из сестер Караман хана — Каныкей, а его друг Исимбай на другой — Таныкей.

Интересно и то, что в казахских эпосах, а также героических песнях и сказках именами "Каныкей" и "Таныкей" прозваны дочери врагов. Постараемся раскрыть этимологию превратившихся в традиционные образы имен "Каныкей" и "Таныкей": в заметках о Каныкей Манаса мы отмечали, что Каныкей — означает ханская жена. Санирабийгон назвали Каныкей потому что она дочь Атемир хана, жена Манас хана. А как же Каныкей, с которой встречаемся в других фольклорных произведениях? Выражает ли одно и то же значение? На самом деле, нет.

Встречающаяся в казахском эпическом мышлении и героических сказках Каныкей по нашему предположению, означает не родную по крови, чужую, а Таныкей (морфем тан означает родина, земля — А.Дж.) означает чужеземная. Может быть, существующее в семейно-бытовом лексиконе нашего народа выражение "чужая дочь" исходит из этого.

Исследуя общие мотивы тюркских легенд, мы не

имеем права не затронуть параллели, исходящие из мифического мышления. Тождественное мышление, встречающееся в наших легендах культ дерева, воды, горы, цвета, чисел, а также другие онгоны, говорит о духовно-моральном и психологическом мире нации со схожим мировоззрением.

Ранее мы говорили о культе воды у тюрков, а теперь остановимся на культе горы. "По убеждению народов древнего Азербайджана, Алтая и тюркоязычных народов, и гора, и дерево — защитники, отец и мать; они защищают страну, народ" [42. 258]. С мифическим взглядом на гору, на дерево, с верой в них как в предков, мы встречаемся в эпосах "Деде Коркут", "Урал-батыр", "Маадай Гара", "Манас", "Алпамыш", "Кероглы". В этих легендах гора не только выгодная позиция, но и святой защитник.

В легенде "Кероглы" преследуемые врагами Алы киши и Кероглы в последний момент направляются к горе. По совету отца Кероглы выбирает своей родиной похожую на неприступную крепость Чянлибель. Обратим внимание на эпизод в связи с этим выбором:

"Алы киши спросил:

— Сын, каково это место?

Ровшан сказал?

— Отец, это горный хребет, со всех сторон окружен обрывистыми скалами, мглой и туманом.

Алы киши спросил:

— Сын, посмотри, не видны ли со всех сторон этого горного хребта высокие скалы?

Ровшан ответил: — Видны, отец. Одна справа, другая слева. Они покрыты снегом.

Алы сказал: — Сын, я искал именно это место... я хорошо знаю это место. В молодости я много джигитовал

здесь, стрелял во многих джейранов, охотился на многих косуль. Это мое старое место охоты. Это место называют Чянлибель. Мы должны поселиться здесь" [28. 14].

Мирали Сеидов, раскрывший этимологию слова Чянлибель, пишет: "Из сказанного в связи с Чянлибель вытекает, что во втором тысячелетии до нашей эры у аккадских, греческих и семитских народов "бель" означал предок" [42. 278]. Топонимы "Азоо-Бель", "Гара-Бель", с которыми мы встречаемся в эпосе "Манас", говорят об общих мотивах общетюркского мировоззрения. Как известно из легенды, в сражениях с китайцами, калмыками Джакып бай расстается со своими братьями. Поселившись в горах Джакып, начинает собирать свой рассеявшийся народ:

"Обиженные на судьбу,
Бродячие голодными,
Сбежавшие от отца,
Сбежавшие от матери,
Приходят к Джакып баю -
Строят семьдесят хижин...
Когда Джакып видит это
Скачет коня на семь мест
С просьбой получает место
Берет Ики-Арал.
Вершина Азоо-Бель
Становится летним лагерем" [2. 201].

Именно в этом месте раскрывается мифическое и семантическое родство между топонимами Азоо-Бель и Чянлибель. Азоо-Бель означает мучительный перевал, что близко со значением Чянлибель. Использованные в этом отрывке числа "семьдесят", "семь", священные чис-

ла общетюркской мифологии. А.Фарзали, исследующий к какому именно региону Азербайджана относятся топоним Чянлибель, а также названия других местностей, упоминаемых в легенде "Кероглы", пишет: "Взгляните, как схожи названия и местности XVI века (речь идет о топонимах в легенде "Кероглы" — А.Дж.) с местностями в сегодняшнем Кельбаджарском районе — Чянлибель — нынешний Башлыбель, горы Делидаг и Гарачянли; Аг Гая — нынешнее село и скала Аг гая, Агъятағ и Гялин гаясы совпадают с этими адресами" [18. 82].

По А.Фарзали основное "местожительство" Кероглы — Чянлибель, это горы Малого Кавказа, а конкретнее, Кельбаджарские горные плато, куда каждое лето отправлялось население низменностей Карабаха. Географическое положение и топонимия Кельбаджара говорит о том, что это предположение опирается на реальность.

Один из интересных фактов то, что некоторые из топонимов, с которыми мы встречаемся в эпосе "Манас", имеются на территории Кельбаджара. Обратим внимание на это родство: Ала гёль в "Манасе", Алагёлляр — в Кельбаджаре, Аг Гая в "Манасе", Аг Гая — в Кельбаджаре, Алмалы в "Манасе", Алмалығ — в Кельбаджаре и т.д. Хотели бы остановиться на одном из этих топонимов — Алмалы. Широко распространенный в Средней Азии и Казахстане "Алмалы" — это названия местностей, путей, гор, сел, а также городов. А в Кельбаджаре это название носит только село и предполагается, что у истоков этого названия стоит Средняя Азия. Может быть, в какой-то исторический период один из тюркских племен, перекочевавших на Южный Кавказ, принес с собой и родной топоним "Алмалы", и хотя через определенный промежуток времени топоним "Алмалы" превратился в этнотопоним "Алмалығ", этот секрет никем раскрыт не был. Неда-

леко от реальности и то, что Кельбаджарское село Тюркешевянд (связанный с тюркешом — А.Дж.) — это этническим, несущий имя могущественного тюркского племени — Тюркешлер. Именно отсюда вытекает необходимость поиска общетюркских параллелей не только в эпическом мышлении, сказочно-эпическом творчестве, но и в этнографии, этнотопонимии рассеявшихся по миру соотечественников. Хотя мы имеем достаточно оснований для того, чтобы с различных призм подойти к параллелям между "Манас" и "Кероглы", но считаем важным остановиться на важнейших элементах этого сходства.

Одна из характерных особенностей тюркских легенд — герой и его конь — и в "Манасе", и в "Кероглы" привлекает особое внимание. У Манаса два коня: Аггула и Гамбарбоз. У Кероглы тоже два коня: Гырат и Дюрат. Волей-неволей приходится искать ответ на следующий вопрос: почему именно два? Ответ таков: для того, чтобы показать, что нет коня, который бы сравнялся с Аггула своей энергичностью, гибкостью и скоростью, появляется необходимость влить в сюжетные события Гамбарбоза, который не обладает необыкновенной силой, энергией, бегом. Сказители умышленно придумали это, чтобы продемонстрировать отличие Аггула от Гамбарбоза, сильного от слабого. Таким способом они стремятся сохранить в памяти образ коня, такого же любимого, как и сам герой. Привязанность между героем и его конем красной линией проходит по тюркскому эпическому мышлению. В варианте С.Орозбаева: "Манас и его конь рождаются в один и тот же день. Когда Чыйырды в муках рожает Манаса, ее муж Джакып приводит к черногривой кобыле только что родившегося буланого стригуна — Аггула. Таким образом, прекрасные отношения между богатырем и его конем начинаются со дня их рож-

дения. В тюркском эпосе этот древний мотив широко распространен. Например, в азербайджанской версии "Кероглы" в одно и то же время рождаются сын героя Гасан и рыжий стригун от коня богатыря Гырата" [87. 57].

Безумцы (дели) Кероглы выбирают в качестве лагеря Чянлибель, а чоро Манаса — Талас. Один регулирует образ жизни в Чянлибель, а другой в Таласе. Мисри кинжал Кероглы такой же острый, прочный и упругий, как и кинжал Манаса, сделанный египетским мастером [89. 231]. Кероглы чистосердечный, далекий от хитрости и коварства храбрец. Манас доверяет людям, чистосердечно относится ко всем. Но наивность обоих героев ставит их перед хитростью и коварством. Только благодаря своему мужеству и отваге героям удается выйти из трудного положения.

И Кероглы, и его безумцы, перед тем, как выйти в путь, выслушивают советы Нигяр ханум. Манас и его сорок чоро перед сражением не садятся на коней, не услышав слова и благословение Каңыкей... И Нигяр, и Каңыкей, иногда снятся события, которые могут произойти, поэтому они предупреждают об этом своих мужей.

Одним из схожих мотивов в духе "Кероглы" и "Манаса" является тоска по ребенку. Этот мотив, в общем, широко распространен в тюркском эпическом творчестве. В самом начале эпоса "Манас" отец будущего Манаса Джакып бай стонет:

"Я умру бездетным...
Но кто же я без дитя -
Одинокий старик,
С разграбленной жизнью.
Почему я собирал богатство
Не зная дни и ночи?

Не оставил следа на родине,
Не имею наследника" [2. 197]

Кероглы тоже не имеет наследника, бездетный. Эта бездетность пугает Нигяр ханым. Если в эпосе "Манас", скорбящий Джакып бай упрекает в этом свою жену Байбике, а в легенде "Кероглы" Нигяр ханым упрекает Кероглы:

"Чянлибель украсят цветы,
А если цветы завянут, кто их сорвет.
Каждая птица летит с птенцом
А почему у тебя нет детей?" [28-81]

Как видно, в обеих легендах бездетность изображается как трагедия. В эпической литературе, "вышедшей" из исторических войн, эту скорбь возвысили до трагедии потому, что ребенок — продолжатель рода, в особенности сын — защитник чести и достоинства семьи, народа. Сын, это также наследник годами накопленного материального наследства. Сущность скорби Джакыпа и Кероглы в основном выражают общий мотив.

Также отметим ту особенность, что между используемыми в тюркском эпическом творчестве, в том числе и в "Манас" эпитетами "боз" (Гамбарбоз, Агбоз — кони) и "гыр" существует тематическая близость. А.Эльбрус обоснованными аргументами сделал вывод, что слово "гыр" — синоним слова "боз". [48. 38]. Из этого следует, что Гырат, на самом деле означает Бозат. С этой точки зрения интересна расшифровка и сегодня употребляемого в общетюркском лексиконе слова бозгыр. Тюрки, называющие серые степи, пустыни "бозгыр", вероятно, объединив имеющие по отдельности общий смысл компо-

ненты "боз" и "гыр", получили единое слово.

По М.Сейдову "гыр" — многозначно в тюркском языке. Он имеет такие значения, как "горный хребет, "горный перевал", "холмистая степь", "высота" [42. 281]. В большинстве регионов Нахчыванской Автономной Республики слово "гыр" используется как вышеуказанный эпитет. В народе говорят "веду скот в гыр". Здесь "гыр" означает — степь, пастбище.

Тюркские племена кумыки тоже используют слово "гыр" в смысле "степи". Для подтверждения обратим внимание на одну кумыкскую притчу: "Эренлер уйде тувар, гырда олер" (мужчины рождаются в доме, умирают в степи).

Одной из характерных особенностей тюркского эпического творчества являются мотивы сновидения. Эпические герои заранее во сне видят происходящие события, затем с помощью умных и рассудительных людей стараются разгадать этот сон, и, не теряясь, готовят себя к предсказываемой ситуации. В "Гильгамеше", "Деде Коркуте", "Манасе", "Алпамыше", "Чора-Батыре", "Кероглы" и во множестве других, не названных нами тюркских легенд, имеются связанные со сновидениями запоминающиеся интересные эпизоды, помогающие основному сюжету эпоса.

Герой легенды "Гильгамеш" — правитель края Урук и непобедимый богатырь Гильгамеш сначала видит Энкюду — храброго сына дикой степи во сне. Человека, который станет его другом и братом, Гильгамеш видит во сне и рассказывает об этом матери:

"Мать моя, сегодня мне приснился сон,
Увидел звезды на небесах.
Словно камень свалился с неба на мою голову,

Взял его с земли, увидел, что он тяжелее меня.

Хотел потрясти, не сдвинулся с места,
Поднялся на него весь край Урук.
Люди вместе пошли к нему.
Храбрые сыны окружили его со всех сторон" [14. 15].

Мудрая мать так разгадывает этот сон:
"Человек, которого ты поднял с земли, который тяжелее тебя,

Которого хотел потрясти, но не смог сдвинуть,
Которого обнял как любимую женщину,
Которого ты привел ко мне,
Твой сильный союзник, друг, спаситель" [14. 15].

Через некоторое время Энкюду приводят в "огражденный Урук" — к Гильгамешу. Сон Гильгамеша сбывается. С этого момента начинается несокрушимая дружба между Энкюду и Гильгамешом.

С таким же мотивом встречаемся в эпосе "Манас". Принявший ислам Алмамбет, не выдержав преследования и давления со стороны отца, вынужденно бежит из родного края. Сначала останавливается у Храброго Гёкчо, сердечно привязанного к исламу. Гёкчо дает Алмамбету целостную информацию о Коране, об исламской религии и Пророке — Почтеннейшем Мухаммаде. Алмамбет, с любовью принявший Ислам, не перестает молиться. Но из-за охлаждения отношений между ним и Гёкчо, Алмамбет хочет любым путем познакомиться с Манасом. В то время, когда Алмамбет отправляется в путь в поисках Манаса, последнему снится сон о его приходе. "Манасу снится острый кинжал. Он ударяет этим кинжалом по камню, камень раскалывается. Когда он

привязывает кинжал к поясу, кинжал превращается в большого льва. Лев вдруг превращается в змею. А змея превращается в птицу и садится на руку Манаса. Кинжал, лев, змея и птица, севшая на руку Манаса — это храбрый Алмамбет" [62. 272].

Приход Алмамбета очень радует Манаса, Каныкеи и сорок чоро. Мать Манаса Чыйырды дает отважному и непобедимому Алмамбету свое грудное молоко. Таким образом Манас и Алмамбет становятся молочными братьями...

Сон Нигяр в "Кероглы", сон Каныкеи в "Манасе" также изображены запоминающимися эпическими красками. В главе "Поход Кероглы в Баязид" Нигяр снится, как Эйваз попадает в плен. Сон Нигяр ханым описывается так: "Среди ночи она уснула (Нигяр — А.Дж.). Как только закрыла глаза, ей приснилось море крови, а Алайпозан, Тохмагвуран, Эйваз в этом море. Но Эйваз чуть ли не тонет. Нигяр в страхе вскакивает с постели и идет к Кероглы. Она говорит ему:

Обещанное время прошло.
Но Эйваз не вернулся.
Враги испили его кровь,
Не вернулся Эйваз, не вернулся.

В краю Чянлибель,
Душа на поминках хан Эйваза.
Тонет в море крови,
Не вернулся Эйваз, не вернулся [28. 192, 193].

Интересно то, что Нигяр стихами передает толкование сна Кероглы: строки "Враги испили его кровь", или "Тонет в море крови" — это приснившееся Нигяр ханым

"море крови". На самом деле этот сон сбывается и Кероглы приходится в краю Баязид освобождает из темницы попавших в плен к Халилу паша Эйваза, Алайпозана и Тохмагурана.

В эпосе "Манас" после смерти Манаса никто даже не предполагает, что он может воскреснуть. Но преданная жена и сподвижник героя Каныкей снится сон и она верит, что Манас воскреснет. Сон изображается так: "Однажды Каныкей снится, что темной лунной ночью за холмом восходит луна, темным солнечным днем за холмом восходит солнце и за костром возвышается тополь. Одна из ветвей дерева наклоняется и закрывает луну. Другая ветвь наклоняется и закрывает солнце. Солнце до захода покрывает тенью. Каныкей, улыбаясь, отдыхает под прохладой этой тени. Одна из ветвей наклоняется и закрывает небесный свет. Джакып бай, виднеющийся как лысая гора, спит в этой тени. Одна из ветвей наклоняется и покрывает всю землю. Когда земля не видна, при солнечном свете появляется Байдёвлет Байбике" [62. 272].

После того, как Каныкей снится этот сон, ее свекор Джакып оповещает народ о воскресении Манаса, а также сообщает об этом его жене, которой приснился сон о возвращении мужа.

В общем, сновидения и правильное толкование снов, предвидение, предчувствие будущего тесно связано с религиозными представлениями тюркских народов. В корне этих связей более всего стоит шаманизм — первонаучальные религиозные представления. Тополь, описанный во сне Каныкей, говорит о периоде мифологических верований — о древе жизни, изображенном на шаманских барабанах.

В тюркском эпическом мышлении явно видны и продолжают существовать элементы шаманского мировозз-

рения. Это подтверждают наши легенды, схожие и общие особенности которых мы подвергли исследованию.

б) Параллели "Манас" и "Деде Коркут"

Духовное родство, схожесть сюжета, аналогичность поэтического выражения киргизской легенды "Манас" и огузской легенды "Деде Коркут", которая со дня создания превратилась в духовный памятник тюркских народов, с течением времени стала оцениваться как предшественник наших героических эпосов, естественно. Эти два памятника, принадлежащие огузским и киргизским ветвям тюркского племени, имеющим общее мировоззрение, традиции, национально-духовные, этнопсихологические черты, отражают наглядные параллели нашей родственной культуры.

Постараемся с помощью конкретного анализа параллелей, выявленных духовно-моральным, художественно-эстетическим, историко-философским родством эпосов "Манас" и "Деде Коркут", внести ясность в ряд вопросов.

Напомним, что в самом начале эпоса "Манас" мы встречаемся с Джакып баем (отцом будущего Манаса — А.Дж.), который скорбит о ребенке, плачет по нему. Скорбь Джакыпа, который печалится о том, что не имеет сына-наследника, и не скрывает этого от своей жены Байбике Чыйырды, схожа со скорбью Байбёреека в "Деде Коркут". Байбёреек тоже скорбит и плачет по ребенку, и когда его спрашивают "почему плачешь", он отвечает: "Газан хан, как мне не плакать, как не стонать? Нет сына-опоры, нет брата-почитателя. Аллах проклял меня... Беки, я плачу за свой трон. Когда я умру, на мое место никто не встанет" [27. 150].

Это желание Джакып бая и Байбёреека, на самом деле, желание, родившееся из общетюркского эпического

мышления. Скорбь из-за бездетности Джакыпа, говорящего "Не оставил следа на родине, не имею наследника" и Байбёрека, жалующегося, что "после смерти на его место никто не встанет", это знакомые нам мотивы, часто встречающиеся в произведениях народного творчества.

Наши деды видели спасение от бездетности в том, чтобы обрадовать сирот, одеть голых, накормить голодных, поэтому "собрав гору мяса, озеро кумыса" устраивают роскошный пир. Такие пиры в лексиконе древних обычаев называли "свадьбой". В отличие от современных свадебных церемоний, на эту "свадьбу" тюркских народов собирались люди молить Аллаха, чтобы дал ребенка бездетной семье. Обычно на такие пиры приглашали и авторитетных старейшин племени, и богатых, и бедных. Приглашали также гостей из других племен:

"Весть дошла то того берега —
Калмыки из Карапсаара,
Кара киргизи из Алтая
Пришли гости на эту свадьбу" [69. 34].

Несмотря на то, что в эпосе "Манас", мы часто сталкиваемся с киргизо-калмыцкими, киргизо-монгольскими, киргизо-китайскими войнами, но на указанную свадьбу представители соседей-врагов приглашаются как друзья. Это исходит из доброго сердца тюркских народов, стремления к миру и человеческих чувств.

Между легендами "Манас" и "Деде Коркут" можно найти и другое сходство, связанное с мотивом бездетности: "Джакып, который подвергается упрекам из-за немнения сына, похож на Дирса хана из "Деде Коркут" [17. 80]. Обратим внимание и на это сходство.

Джакып бай, который из-за бездетности не может с поднятой головой ходить среди народа, устает от упреков и говорит своей жене Байбике:

"Опоясывался кинжалом-щитом,
Прожил без скорби и печали.
Прошла жизнь,
И вдруг очнулся я однажды,
"Бездетным" назвали меня -
Нет у меня ребенка...
Голос врага поднялся:
"Джакып без ребенка состарился".
Тебя назвали "бесплодной"
Меня назвали "сиротой"" [69. 37].

В "Китаби Деде Коркут" Дирса хан в возрасте своего сына Бугадж хана бывает бездетным, поэтому его приглашают в черный шатер. Дирса хан, с яростью возвращается в свой дом и говорит жене: "От тебя ли это, от меня ли, от чего же Аллах не дает нам сына?" [27. 133].

В обоих эпосах бездетные семьи видят выход в "большой свадьбе". А дети, появившиеся на свет после молитв собравшихся на свадьбу людей, по эпической традиции обладают необыкновенной силой, непобедимой мощью — как сын Джакыпа Манас, сын Дирса хана Бугадж...

"В тюркских героических легендах (а также исторических притчах) одним из основных атрибутов героя является отрезание голов, пролитие крови. Не случайно, что в огузname Деде Коркут герои хвалятся тем, что отрезают головы, проливают кровь, или упрекают друг друга в том, что "отрезал ли ты голову, пролил ли кровь". Это жизненный закон конного кочевого тюрка и этот закон требовал от членов общества, поставить на высокий пост того, кто отрежет голову, прольет кровь врага..." [13. 24].

Манас — герой эпоса "Манас", потому избирается ханом, что с подросткового возраста он прославился как искусный богатырь, "отрезающий головы, проливающий кровь". И избрав его ханом, поручают ему судьбу племени, будущее отчизны. А Манас, прежде всего, воин, полководец, а избрание его "ханом" не что иное, как выражение всенародной любви... "В тюркском обществе, стоящем перед жестокими законами природы, выживал только сильный" [13. 24]. Киргизские рода и племена, нашедшие эту силу в лице громадного богатыря Манаса, возвращаются из разрозненной народности в первоначальную государственность, в первичную цивилизацию. А это возвращение обеспечивает и регулирует именно Манас...

"Насколько с добротой, с душевностью герои Коркута относятся к друзьям, к верующим слугам, пришедшим к ним с благими намерениями, просящим у них помощи, настолько же жестоко, резко и беспощадно относятся к врагам, пролившим кровь их родных и соотечественников" [39. 7]. Герои эпоса "Манас" обладают таким же характером. Сын китайского правителя Алмамбет, который из-за принятия Ислама подвергся давлению и преследованиям отца, бежит в другое государство. Манас с искренностью и уважением встречает Алмамбета, обратившегося к нему с благими намерениями, с чистым сердцем. Пройдя немного времени, Алмамбет становится молочным братом Манаса и его правой рукой в кровавых сражениях.

При поиске схожих штрихов между легендами "Манас" и "Деде Коркут" мы становимся свидетелями похожих и общих обычаем, начиная от морально-психологических достоинств, героических, богатырских качеств до законов социальной жизни. В легенде "Деде Коркут" хан

ханов один раз в году устраивает свадьбу (пир), дает каждому долю из своего богатства, тем самым восстанавливает социальную справедливость. И в эпосе "Манас" эпический герой остается верным традиции "богатство хана, значит богатство народа".

И в "Манасе", и в "Деде Коркут" ясно прослеживается мотив "раннего героизма", ставший чуть ли не общим правилом в тюркском эпическом творчестве. Манас в 14-15 лет "отрезая головы, проливая кровь", пишет первые страницы своего богатырства. Обладающий необыкновенной силой подросток, избивает и выгоняет калмыков, желающих украсть коней из табуна его отца, а нападающего на отца главаря убивает на месте.

Разговоры о необыкновенной силе Манаса доходят и до соседних государств. Китайский правитель Эсэн хан, пытается убить его еще подростком, но это ему не удается. Манас опять побеждает.

В "Деде Коркут" сын Гамбёрека Бамсы Бейрек, в возрасте 15 лет, сражается с врагами, возвращает товары купцов и после этого завоевывает славу. В другой главе легенды герой убивает быка, и за это его называют "Буйгадж".

Как видно, и в этих именах есть необычайность. Имя каждого человека говорит о его личности. Обратим внимание на мифологическое родство имен, с которыми встречаемся в легендах "Манас" и "Деде Коркут": в "Манасе" богатыри: Гара Джолтай, Агбалта, Аджыбай, Алмамбет, Кара Байыр, Гарабёрк и т.д. Встречающиеся в "Деде Коркут" богатыри: сын Гарагюна Дели Будаг, сын Сельджука Дели Тундар, Бейрек с серым жеребенком, кровавый старик Гантурал, Дели Домрул, Салур Газан и т.д.

Атрибут богатырства в этих легендах олицетворен

различными цветами, а величие и непобедимость больше всего выражены черным цветом: "Гонец дошел до Гарагюна, брата Газана, которого дал Аллах у Гарадере, кобыль которой покрывали накидкой из кожи черного быка, который разозлившись превращает черный камень в пепел" [27. 175].

Белый, серый, пестрые цвета характерны для этих эпосов. Упоминаемый в "Деде Коркут" "Ала даг" (Пестрая гора), тождественна с "Ала Тoo" в "Манасе". Один из хребтов гор Танры в Киргизии называется Ала Тoo (Пестрая скала).

Одним из часто встречаемых в доисламских притчах, легендах, мифах и эпосах тюркских народов персонажей, является пророк Хызыр в зеленом одеянии, на сером коне. Хызыр Ильяс неожиданно протягивает руку помощи нищим, попавшим в беду, защищающим свои права, бедным, героям и влюбленным, а затем исчезает.

В эпосе "Манас" пророк Хызыр в зеленом одеянии, на сером коне, показывается Манасу и обещает помочь ему в будущем. И в "Китаби-Деде Коркут" Хызыр Ильяс спасает от смерти сына Дирса хана — Бугаджа: "Когда юноша упал там, Хызыр на сером коне появился около него. Три раза погладил его рану, сказав: "юноша, не бойся, эта рана не убьет тебя. Горный цветок и материнское молоко вылечат тебя", исчез" [27. 137]. Говоря о пророке Хызыре, хотим отметить, что в постесламском периоде развития как устной, так и письменной тюркской литературы этот образ подвергся определенной "редакции". По М.Г.Тахмасибу: "С распространением исламизма, в особенности шиизма, усилился культ Али и вытеснил Хызыра из эпического творчества" [7. 6].

По мнению одного из исследователей эпоса "Манас" профессора Абдульгадыра Инан, среди наших нацио-

нальных легенд — легенда "Манас" содержит мало мифологических элементов. С этой точки зрения "Герои легенды "Манас" похожи на героев рассказов Деде Коркут" [53. 237].

Можно привести множество доводов для доказательства схожести между легендами "Манас" и "Деде Коркут". Но мы не считаем необходимым останавливаться на каждой мелкой детали этих параллелей, поэтому считаем целесообразным обратить внимание на явные и характерные штрихи: в эпосе "Манас" завоевавший глубокое уважение и большой авторитет "умный Бакай" ставится на один уровень с "мудрым отцом" огузов — Коркутом. Если Бакай своими умными советами ведет Манаса от победы к победе, то отец Коркут своими мудрыми наставлениями добивается внутреннего объединения огузского народа и обеспечивает защиту отчизны от врагов. Сорок чоро Манаса не так сильно отличаются от богатырей, которых восхваляет Деде Коркут, играя на гопузе. Манас, говорящий "чем быть ханом неверующих, лучше быть рабом мусульман", словно выражает дух огузских богатырей, вступающих в кровавый бой с неверующими в "Деде Коркут". Именно в этом месте хотели бы немного остановиться на исламских убеждениях, проявляющихся в обеих легендах.

В эпосе "Манас" в варианте С.Орозбаева поход Манаса в Мекку и реальные причины, сделавшие необходимым этот поход, интересны с точки зрения исламского мировоззрения. У шестидесятилетнего Манаса нет детей от жены и сподвижницы Каныкей, которую он сильно любит. Беспомощный богатырь надеется, что его мечты сбудутся, если он посетит Мекку и поклонится святыням. Когда он готовится в путь, приходит весть о том, что Каныкей беременна. Он откладывает поход. Нако-

нец, рождается сын Манаса — Семетей. Через несколько лет Манас опять решает посетить Мекку. Из сорока чо-ро он берет с собой Алмамбета, Сыргака и Токотоя. Возвращаясь после посещения Мекки, Медины и покло-нения могиле Почтеннейшего Мухаммеда, в пути встре-чается с неверующими, сталкивается с разбойниками. С большим трудом, сражаясь, ему удается вернуться в род-ные края живым.

Все это указывает на то, что Манас рискует жизнью и тем самым выражает веру в Ислам, в его основателя — Почтеннейшего Мухаммеда.

В легенде "Деде Коркут" враги огузских богатырей — неверующие. При совершении намаза богатыри обращаются к Аллаху и просят Аллаха помочь им победить неверующих, что указывает на их привязанность к Исла-му. А Деде Коркут так воспевает веру, которая проникла в сердца и в головы его соотечественников:

"Если начну хвалить, хвала всевышнему Богу!
Хвала его другу, главе религии — Мухаммеду!
Хвала Абубекиру, молящемуся справа от Мухаммеда!
... Хвала божьей науке Корану, ниспосланному с не-
бес!
Он написал Коран, ученые изучили его -
Хвала Осману — сыну главы ученых Урфана!
Построенный на низменности божий дом Мекка кра-
сив.
Хвала Гаджи, который пойдет в Мекку и вернется жи-
вым!" [27. 130, 131].

В эпосе "Манас" в варианте С.Орозбаева верующий старик по имени Айкоджа дарит Манасу кинжал "Ачалбарс". Это растолковывается так, что кинжал, это дар,

который послал сам Почтеннейший Мухаммед лично Манасу посредством Айкоджа. Айкоджа терпеливо ждал пятьсот лет и, наконец, нашел Манаса и вручил ему дар. Из этого эпизода выясняется, что Почтеннейший Мухам-мед, передав кинжал "Ачалбарс" Манасу, придает ему силы для защиты Ислама от врагов, и бывает спокоен и уверен в том, что Манас осуществит эту миссию. [55. 34].

Но такие эпизоды не подтверждают то, что "Манас" и "Деде Коркут" "опираются" именно на исламские убеж-дения. На самом деле, исламские элементы в этих леген-дах, являющихся продуктом "военной демократии", проявляются поверхностно. Просто мы хотели обратить внимание на схожесть таких эпизодов в легендах "Ма-нас" и "Деде Коркут".

Легенды "Деде Коркут" и "Манас" по многим призна-кам составляют историческое соответствие, типологи-ческую и генеалогическую схожесть. Мораль, поведение, правила приличия, кочевые законы, боевые тра-диции привлекают внимание как лейтмотив этих легенд.

Если обратим внимание на то, как художественно изображена доисламская жизнь, быт и история огузов в "Деде Коркут", то увидим, что "основная деятельность огузов в движении", т.е. овцеводство, коневодство и верблюдоводство. Больше всего едят мясо, пьют конское молоко и напитки из него. Живут в шатрах. Бычью кожу используют как накидку колыбели и части некоторых оружий (лук, праша). Лук Басата из козьих рог. Среди оружий особое место занимают стрелы, лук и кинжал" [27. 16].

Точно такова жизнь киргизов, изображенная в "Мана-се". В отличие от полукочевых огузов, киргизы полност-ью кочевые. Их основное хозяйство составляют коне-водство, овцеводство, скотоводство и верблюжьи стада.

Они тоже живут в шатрах (юртах — А.Дж.), пьют конское молоко — кумыс, едят мясо. Надевают одежду из кожи животных, а также используют кожу в быту для других целей и т.д. Стрелы, лук, копье, кинжал, щит — основная боевая техника киргизов. Если добавим к этим оружием появившееся позднее ружье, то выяснится, что "Манас" сравнительно "моложе" "Деде Коркута". При надлежащее Манасу ружье "агкельте", может быть, первый пример перехода от холодного оружия к огнестрельному...

Если Манас, победив вражескую дочь Гарабёрк в сражении один на один с ней, без свадьбы женится на ней, то сын Байбёре хана Бамсы Бейрек свалив в сражении дочь Байбеджана Банучичек, по традиции отправляет отца Коркута сватать ее. Хотя образы воинственных женщин в этих легендах в определенном смысле похожи, но отличаются с точки зрения этнических и эпических традиций...

Параллелизм мифических образов — Ялгызгёз (Одноглазый Циклоп) в "Манасе" и Тепегёз в "Деде Коркуте", также вызывает интерес. Прежде чем искать родные черты этих образов, напомним, что по Геродоту они были "местными жителями Средней и Центральной Азии". Это, во всяком случае, безусловно, потому что с их следами мы неоднократно встречаемся в тюркской народной литературе.

Если Ялгызгёз, т.е. циклоп по имени Макель-Малгун, изображенный в "Манасе" — полумифический образ, то Тепегёз в "Деде Коркуте" — полностью мифический персонаж. Но их физиологическое строение одинаково. Они одноглазые и их жизнь в глазу. Невозможно никаким оружием воздействовать на какой-либо орган этих странных созданий, кроме как на глаз. Знающим эту тай-

ну сподвижникам Манаса — Алмамбету, Чубаку и Сыргаку удается уничтожить полководца Эсэн хана — Ялгызгёза, охраняющего китайскую границу.

И в "Деде Коркут" Басат, пустив стрелу в глаз Тепегёза, мучающего огузское племя, спасает беспомощных соотечественников от рук смерти.

Как видно, коренное, родовое и племенное родство, близость мышления и сознания тюркского племени сумели сохранить неизменные исторические следы в наших эпических произведениях "Манас" и "Деде Коркут". Именно в этот момент можем сказать, что роль эпической литературы с точки зрения сохранения истории тюркских народов незаменима.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тюркский эпос — это литературная летопись тюркских народов, вечное "древо жизни". Ветви этого "древа" разветвились из одного ствола, созрели из единого тюркского корня.

Хотя внутренний раскол, перемены мест и перемены родины, большие кочевания народов разделили тюркский язык на различные говоры и диалекты, это не отделило его от единого ядра. Агглютинация (не поддача диффузии) сберегла тюркский язык. Хотя языки многих народов, лишенные этого преимущества, полностью утеряли свою изначальность.

"Манас", созданный на гыпчагском диалекте огузских тюрков, "Деде Коркут" азербайджанских тюрков огузского происхождения, "Алпамыш" узбекских тюрков карлукского происхождения и др. подобные эпические памятники, хоть и созданы в разные времена в разных средах, но как отмечали ранее, не отошли от единого ядра. То есть, на самом деле, тюркский эпос, играя роль живого моста между тюркскими родами и племенами, в различные суровые исторические периоды обеспечивал единую борьбу тюркских народов против духовной агрессии. Древние корни нашей общей и схожей духовной культуры исходят именно из общетюркских источников.

С этой точки зрения приходится оправдать слова известного турецкого ученого-исследователя Фикрета Тюркмена. Он пишет, что легенда "Манас" принадлежит не только киргизам, но находится в положении синтеза культур всех тюркских племен. В каждой пяди "Манаса" есть одно звено тюркской исторической цепи.

Действительно, представления о различных тюркских племенах, участвующих в исторических эпизодах эпоса

"Манас", дают возможность следить за положением родоплеменных союзов в общественной жизни.

Такие исторические памятники, как "Манас", "Деде Коркут", "Урал-батыр", "Алпамыш"... "Кероглы", автором которых является народ, незаменимы с точки зрения сохранения неизгладимых следов общенародного мировоззрения. Видный русский интеллигент В.Л.Величко, сказавший "Я придаю особое значение народному творчеству, потому, что здесь народ сам говорит о себе", также высоко ценит народную литературу.

В киргизском фольклороведении первым сказителем (манасчи) считается Джайсан Ирчи. В эпосе этот человек изображен как один из сорока чоро Манаса. Но воспевание героизма Манаса одним человеком не могло принять такой объем. Только сказители разных времен — киргизский народ своими дополнениями и отшлифовкой мог создать трилогию "Манас"... Даже в наши дни мастера-сказители вносят в "Манас" новые эпизоды и сюжеты, и тем самым еще более увеличивают его объем. Эти дополнения проходят общенародную "цензуру", поэтому с художественной точки зрения не оцениваются как заплата.

Эпос "Манас" является также интересным объектом исследования с точки зрения отражения религиозной картины исторических периодов, начиная от мифологических убеждений до исламской веры. Из исследований, проведенных в этом направлении, приходим к такому выводу, что хотя создание эпоса "Манас" датируется в постисламском периоде (IX-X века), но в эпосе мы больше всего встречаемся с элементами тенгранизма, древнейшей религии истории человечества. А исламские элементы в этом эпосе, можно сказать, отходят на задний план. Почему? Потому что, начиная с VII века, арабские

халифы, которые силой кинжала заставляли многие народы принять исламскую веру, не могли даже близко подойти к Большой Степи, иными словами к Дашти-Гыпчаг. Только после XVIII века кочевые тюрки приняли Ислам. Бозгырские тюрки долгое время смогли сохранить являющиеся атрибутом свободного образа жизни родной язык и религию.

Китайские летописцы тюркской истории, неоднократно повторяя эту действительность, высоко оценили роль кочевых тюрков в истории Азии. Если учесть, что тюркское эпическое творчество берет свое начало в основном из Средней Азии — Алтая и Урала, окрестностей Енисея, гор Танры, стоков Семи рек, Дашти-Гыпчага и Таласа, то не остается сомнений в фонетической ясности, лексической чистоте языка этого жанра. Это проявление чистоты и неподчинения, благодаря которому тюрки, сумевшие сохранить свой древний язык, религию, обычай и традиции, могут без перевода "общаться" со своим прошлым...

Из произведений видных тюркологов — Гумилева, Бартольда, Бернштама, Жирмунского, а также китайских источников становится известно, что арабы, принесшие исламскую религию в Среднюю Азию, естественно, должны были уничтожить все следы тенгранизма. Поэтому арабы верили в невозможность закладки фундамента новой религии — Ислама, не уничтожив памятники тюркских правителей, надгробные надписи и заповеди. Во время этих разрушений было причинено немало вреда Орхоно-енисейским памятникам...

По истечению времени место религиозного вторжения заняло политическое вторжение и имеющее необъятную территорию, радующие глаз степи с запахом полыни, зеленые долины, чистые реки, государство большой Тюр-

кистан, по инициативе И.В.Сталина было разделено. Тюристан, охватывающий территории Средней Азии и Казахстана, Центральной Азии, Китая и Афганистана, на которых проживали тюрки, после 1925 года был разделен и превращен в отдельные республики. Руководящие носители антитюркской морали, считающие программой своей деятельности высказывание известного императора "разделяй и властвуй", разделив и расколов единый тюркский народ и тюркский язык, хоть и временно, но выполнили свою миссию. А говорящих на одном и том же языке тюрков клеймили "туркоязычными народами", т.е. этносы, у которых язык один, а сами "разные"...

Различные реформы алфавитов, ссылки, репрессии, клеймо пантюркизма оставили кровавые следы в судьбе тюркских народов. Именно в такие периоды фольклорная память народа превращалась в утешение и залечивала раны нашим соотечественникам. Тюркское племя пережило и этот период истории, но не потеряла свою несокрушимость, гордость, другими словами, свое национальное достоинство. Великий Ататюрк, словно переживший и прочувствовавший эти боли и страдания, произнес слова, которые стали вечным лозунгом тюркского мира: "Язык — это мост... Вера — это мост... История — это мост... Мы должны вернуться к своим корням и должны объединиться в своей, разделенной событиями истории..."

Появившаяся сегодня под названием "Тюркский мир" политика тюркизма, призывающая тюрков мира к объединению, при поддержке таких духовных ценностей, как "Деде Коркут"... "Манас", создает реальную возможность для "объединения внутри нашей разделенной истории". И поэтому, исследование с различных направлений

наших героических легенд, являющихся литературными летописями тюркской истории, привлечение их к объективному анализу, очень полезно для современного тюркского племени.

Исследование и анализ общетюркских легенд, в более широком смысле — тюркского фольклора, рассмотрение общей и схожей культуры с современной призмы, выносится на передний план на различных научных конференциях, симпозиумах и юбилейных мероприятиях тюркских народов.

Проведенное в августе 1995 года в столице Киргизии — Бишкеке юбилейное мероприятие "Манас-1000", привело в восторг приглашенных из более чем 70-ти стран в таинственный горный край ученых-туркологов, манасоведов, а также глав тюркских государств. Одним из восторженных был автор этих строк. Дни участия на юбилейном мероприятии "Манас-1000" в составе Делегации Азербайджана, оставили незабываемые впечатления... В эти юбилейные дни я стал живым свидетелем большого почтения нашедших свою сущность в "Манасе", дышащих "Манасом" киргизских тюрков своему историческому прошлому.

Прозвучавшие на III съезде Писателей Тюркского Мира, проведенном в ноябре 1996-го года в Баку, ценные доклады и выступления, освещавшие понятия "новое направление", "единое пространство", современные проблемы родственной культуры, выявили очень важные особенности этих мероприятий. Участники съезда выразили свои большие надежды на дальнейшую деятельность "ТЮРКСОЙ". Торжественное празднование в 1999 году в Баку 1300-летия "Китаби-Деде Коркута" было продолжением цепи такого рода мероприятий.

Пока продолжаются поиски, исследования и изыска-

ния, литературные юбилеи, съезды и научные конференции, в общетюркской фольклорной родословной появляются все новые и новые имена. А эти находки, добавляя к легендам родственного мышления новые, освещают извилистые пути, которые мы проходим от родовых корней до родовых "ветвей". Кровавая память древнего тюрка, будучи нашей первой и последней памятью, тянет нас на этот светлый путь, путь который возвращает нас к себе... Да хранит Аллах тюрка на этом пути!

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Письменные летописи, археологические изыскания, памятники материальной культуры играют очень большую роль в изучении мировой культуры и истории. Они в разные периоды внимательно изучаются историками и литераторами, и исторические события по сегодняшний день внимательно изучаются и доводятся до сведения человечества. Но эти летописи, материальные памятники бывают не достаточными для изучения мировой истории, в особенности, исторического прошлого отдельных народов. В это время на помощь приходят факты духовной культуры. Созданные народом песни, сказки, легенды выступают в роли большого источника. Если в изучении истории человечества произведения Гомера "Илиада" и "Одиссея" считаются самым большим источником, то для изучения истории тюркских народов наряду с Орхоно-енисейскими письменами, китайскими источниками и т.д. роль большого источника играют "Деде Коркут", "Урал-Батыр", "Алпамыш", "Манас" и другие легенды.

Должны отметить, что устно передаваемые из уст в уста, из края в края памятники имеют такое же значение в изучении истории Древнего Востока, как и шумерские литературные памятники, индийские веды, угаритские легенды, египетские пирамиды. С этой точки зрения удивляющий мир своей эпичностью и широкими литературными изображениями грандиозный эпос "Манас" считается одним из великих памятников не только тюркских народов, но и человечества в целом.

Знакомый всем как эпос киргизских тюрков "Манас", на самом деле, великий памятник, созданный обще-туркской культурой.

Легенда "Манас" освещает древние периоды истории и является самым большим, самым объемным эпическим памятником мира. Легенда "Манас" играет такую же роль в изучении исторической судьбы тюркских народов, какую играет "Гильгамеш" в изучении истории Древнего Востока. Здесь уместно отметить, что между шумерской легендой "Гильгамеш" и "Манасом" имеется весьма серьезная связь. Как известно, в монографии Адиль Джамиля "Эпос "Манас" и традиции тюркского эпического творчества"делено особое место этим параллелям...

Я долгие годы занимался переводом легенды "Гильгамеш". Работая над переводом, вынужден был изучать специфические особенности древней эпической культуры. Перевод древних легенд, работа над ними заставляет изучать суть происходящих там событий. А это не простая задача. Переводить древние легенды не означает просто перевести произошедшие там события, предложения, найти и вставить перевод слов, поддерживать рифму или в определенном ритме выражать тему. Перевод легенды "Гильгамеш" показал, что не зная истории тех времен, не читая произведения исследователей того времени, не проводя сравнения, в то же время, не анализируя достижения мировой эпической культуры, это просто невозможно. Отрадно то, что в последние времена рождаются специалисты по переводу легенд. "ОгузNAME", легенды "Деде Коркут", а также легенда "Кероглы", или же "Урал-Батыр", "Алпамыш", "Маадай-Гара" и другие древние легенды переведены на другие языки специалистами.

Прочитав в периодической прессе некоторые отрывки из эпоса "Манас", обрадовался тому, что их переводом занимается Адиль Джамиль -знающий историю, хорошо

знакомый с общетюркской культурой, глубоко освоивший их, анализирующий и любящий поэт. Я знаю Адиля со студенческих лет. Он — переводчик-специалист, зрелый редактор, имеющий большой опыт в издательском деле, умеющий работать с текстом и чутко относящийся к истории слова. Адиль относится к выбранному произведению не поверхностно. Его переводы показывают, что Адиль Джамиль действительно занимается легендой "Манас" не в результате какого-то преходящего влечения. Его статьи в связи с "Манас", опубликованные в прессе и монография, о которой мы ведем речь, дают основание сказать это. Отрадно то, что Адиль Джамиль относится к легенде и как переводчик, и как исследователь. Это черта, присущая переводчикам древних легенд. Переводческая работа превратила его в исследователя. Человек, переводящий древние легенды, обязательно должен вести исследовательскую работу, уточнять многие исторические факты. Потому что без проведения исторического сравнения невозможно сделать перевод. Исследовательская деятельность Адилля Джамиля началась, с одной стороны, именно из-за этой потребности, из этого объективного события, а с другой стороны, от его любви к общетюркскому эпическому творчеству. Легенда "Манас" — это исторический факт, являющийся примером исторической древности киргизов, реализующий и подтверждающий богатство их языка, этническую величественность. Сам "Манас" — это история. Это словесный памятник, анализирующий пройденный человечеством путь, придающий ему философское значение, несущий человека через экзамены истории, показывающий силу любви и героизма, расширяющий представления человека о мире и жизни, выражаящий смысл жизни. Этот памятник также вершина искусства, показывающая содер-

жание кровной памяти народа, его силу, доказывающая величие слова и музыки, демонстрирующая влияние художественности.

"Манас" читается в игривом ритме тюркского стиха. Его язык плавный и текущий, влечет за собой слушателя и читателя. Может быть, эта поэтичность и текучесть дает возможность сказителям стараться завершить его, не переводя дыхания. Во время перевода Адиль Джамиль старается сохранить этот дух, этот ритм, эту музыку как есть:

Когда трехмесячный Манас
Был в утробе матери.
Байбике не захотела есть.
Она вдруг поняла,
Что изменился аппетит.
Избегает меда, сахара.
Иногда хотелось ей
Съесть тигриное сердце -
Таково ее желание.
Но это нелегко -
Ну где же найти?..
Задумалась Байбике:
Может суждено ей...

Специфические особенности героя легенды — Манаса, среда, формирующая его как героя, мифические и исторические элементы, определяющие образ, заставили исследователя вести глубокие анализы. С этой точки зрения отрадно, что в Азербайджане изучается манасоведение, и труд и успехи работ, проводимых в этом направлении, нужно адресовать Адилю Джамилю.

Легенда "Манас" — это также богатый источник для

изучения истории. История государства Дашти-Гыпчаг, простирающегося от Китая до Европы, Гыпчаг-Огузская культура, этнография изображаются в эпосе яркими красками.

Отрадно и то, что Адиль Джамиль, изучая легенду "Манас", исследует его взаимосвязи с легендами "Деде Коркут" и "Кероглы", и приходит к очень важным и значительным научным выводам.

Легенда "Манас" в то же время грандиозный памятник, сохранивший древние героические традиции, тюркскую и мировую эпическую культуру. Все в этой легенде — жизнь Манаса, начиная от его рождения и до смерти, среда, в которой он родился и вырос, окружающие его люди, походы Манаса как героя, его любовь, создание семьи, отношения с родственниками, сражения вместе с подвижниками за целостность родины, основываются на богатом и интересном сюжете. События в легенде, средства описания, мифические понятия, этнография поведения, жизни и быта, весьма богаты с точки зрения изучения культурного единства тюркских народов. Исследователь, в основном привлекая эти особенности к научному анализу, вносит ясность в национальную и человеческую ценность эпоса "Манас".

Это факт, что "Эпос "Манас" и традиции тюркских сказаний" — первая исследовательская работа, заложившая в Азербайджане фундамент манасоведения. Я выражаю благодарность Адилю Джамилю — поэту, переводчику и исследователю, обратившемуся к древним источникам, и желаю ему больших успехов на этом трудном и почетном пути.

*Исмаил ВЕЛИЕВ (ОМАРОГЛУ)
доктор филологических наук,
профессор*

ЛИТЕРАТУРА

На азербайджанском

1. Ağasioğlu F.Şumer dünyasına açılan pəncərə. (Bilqamış dastanına yazılmış son söz), Azərbaycan Ensiklopediyası NPB, B., 1999.
2. Adil Cəmil. El üçün ağlayan gözüm. «Azərnəşr», B., 1997.
3. Alişanov Ş. Sözün estetik yaddaşı. «Elm», B., 1994.
4. Aytmatov Ç. Gün var əsrə bərabər. «Yazıcı», B., 1987.
5. Azərbaycan aşıqları və el şairləri. I cild. «Elm», B., 1983
6. Azərbaycan folkloru antologiyası. AEA nəşriyyatı, B., 1968.
7. Azərbaycan məhəbbət dastanları. «Elm», B., 1979.
8. Azərbaycan Sovet Ensiklopediyası. II cild. B., 1978.
9. Azərbaycan Sovet Ensiklopediyası, VIII cild. B., 1984.
10. Azərbaycan Sovet Ensiklopediyası. X cild. B., 1987.
11. Bahadəddin Ögəl. Böyük Hun İmperiyası. I kitab, «Gənclik», B., 1992.
12. Bahadəddin Ögəl. Böyük Hun İmperiyası. II kitab, «Gənclik», B., 1992.
13. Bayat F. Oğuz epik ənənəsi və «Oğuz kağan» dastanı. «Sabah», B., 1993.
14. Bilqamış dastanı. Azərbaycan Ensiklopediyası. NPB, B., 1999.
15. Cavad Heyət. Türklerin tarix və mədəniyyətinə bir baxış. «Azərnəşr», B., 1993.
16. Əfəndiyev P. Azərbaycan şifahi xalq ədəbiyyatı. «Maarif», B., 1981.
17. Əfəndiyev P. Dastan yaradıcılığı. B., 1999.
18. Əjdər Fərzəli. Dədə-Qorqud yurdu. «Azərnəşr»,

B., 1989.

19. Əlibəyzađə E. Azərbaycan xalqının mənəvi mədəniyyət tarixi. «Gənclik», B., 1998.
20. Əlibəyzađə E. Ədəbi şəxsiyyət və dil. «Yazıcı», B., 1982.
21. Əmir Teymurun vəsiyyətləri. «Azərnəşr», B., 1991.
22. Əsədroğlu M. Folklor təfəkkürümüzdə mifik təsəvvürlər. «Elm», B., 1998.
23. Hacıyev T.İ., Vəliyev K.N. Azərbaycan dili tarixi. B., 1983.
24. Xalq ədəbiyyatı. I cild. «Elm», B., 1982.
25. Xalqımızın deyimləri və duyumları. «Maarif», B., 1986.
26. Xəlilov P. «Dədə-Qorqud» kitabı və qədim türk dastan ənənələri. («Kitabi - Dədə Qorqud» məqalələr toplusunda), «Elm», B., 1999.
27. Kitabi-Dədə Qorqud. «Yazıcı», B., 1988.
28. Koroğlu. «Gənclik», B., 1975.
29. Qarayev Y. Eposşünasların VI Beynəlxalq «Kitabi-Dədə Qorqud - 1300» konfransından qeydlər. («Kitabi-Dədə Qorqud» məqalələr toplusunda), «Elm», B., 1999.
30. Qumilyov L.N. Qədim türklər. «Gənclik», B., 1993.
31. Mahmud İsmayıllı. Azərbaycan tarixi. «Azərnəşr», B., 1993.
32. Manas. (Eposdan parça, çevirəni və ön sözün müəllifi A.Cəmil). Bakı, 1995.
33. Manasın doğulması. (Çevirəni A.Cəmil), Min beş yüz ilin oğuz şeri antologiyası, I cild. «Azərbaycan», B., 1999.
34. Məmməd Aslan. Ərzurumun gədiyinə varanda. «İşiq», B., 1985.
35. Məmmədov N., Axundov A. dilçiliyə giriş. «Maarif», B., 1966.
36. Murad Adçı. Qıpçaq çölünün yovşanı.

«Gənclik», B., 1997.

37. Namazov Q. Aşığın sazı və sözü. «Yazıcı», B., 1980.
38. Nazim S. Şumer-Azərbaycan ədəbi əlaqələri. «Dil və ədəbiyyat» jurnalı №1 (26). BDU, B., 2000.
39. Nəbiyev B. Əxlaqi və estetik məziyyətlər xəzinəsi. («Kitabi-Dədə Qorqud» məqalələr toplusunda). «Elm», B., 1999.
40. Oljas Süleymenov. Az-Ya. «Azərnəşr», B., 1993.
41. Rəsulov Ə., Rüstəmov R. Türk dili. Bakı, 1989.
42. Seyidov M. Azərbaycan xalqının soykökünü düşünərkən. «Yazıcı», B., 1989.
43. Şaman əfsanələri və söyləmələri. «Yazıcı», B., 1993.
44. Şükürlü Ə. Qədim türk yazılı abidələrinin dili. «Maarif», B., 1993.
45. Vamberi G. Əmir Teymur. Azərbaycan Dövlət Kitab Palatası. B., 1991.
46. Vəliyev K. Dastan poetikası. «Yazıcı», B., 1984.
47. Vəliyev Ş. Füyuzat ədəbi məktəbi. «Elm», B., 1999.
48. Vəliyev V. Azərbaycan qəhrəmanlıq dastanları. ADU, B., 1980.
49. Ziya Göyalp. Türkçülüyün əsasları. «Maarif», B., 1991.

Ha tureçkom

50. Abdukoulova R. Manas destanı - kırqız hayatının edəbi ansiklopedisi. «Bilge» (dərgi), №6, Ankara, 1995.
51. Attokurov S. Manasın sülälesi hakkında fikir. («Manas destanı ve etkileri uluslararası bilgi şöleni» kitabında) Ankara, 1995.
52. Bilecik F. Orta Asiya destanlarında bir evlilik türü («Bozkırdan bağımsızlığa Manas» kitabında), Ankara, 1995.
53. Ferhat Tamir. Prof. Abdulkadir İnanın Manas

destanı üzerine tahlilleri. («Manas destanı ve etkileri uluslararası bilgi şöleni»), Ankara, 1995.

54. Gölgeci M. Manas ozanları. («Bozkırdan bağımsızlığa Manas» kitabında), Ankara, 1995.

55. İsmailov O. Manas destanında islam dininin etkileri. «Türk Dünyası» (dergi) №9, Ankara, 1995.

56. Kabaklı Ö. Türk edebiyatı (3 cildde), İstanbul, 1978.

57. Kefesoğlu İ. Eski türk dini. Ankara, 1980.

58. Kıdırbayeva R. Manas ve eski türklerin destan gelenegi. («Bozkırdan bağımsızlığa Manas»). Ankara, 1995.

59. Kirbaşev K., Eartal L. Ulu manasçaların kısa bioqraflileri. «Türk dünyası» (dersgi), №9, Ankara, 1995.

60. Naciye Yıldız. Manas destanı ve kırqız kültürü ilə ilgili tespit ve tahliller. Ankara, 1995.

61. Orozbakova C. Manas destanındaki atların tipleri. («Manas destanı ve etkileri uluslararası bilgi şöleni» kitabında) Ankara, 1995.

62. Sebahat Deniz. Manas destanında rüya. («Bozkırdan bağımsızlığa Manas»kitabında). Ankara, 1995.

63. Tural G. Çora Batır destanı ile Manas destanı arasındaki benzerlik. («Manas destanı ve etkileri uluslararası bilgi şöleni»kitabında), Ankara, 1995.

64. Tursunbəyev Ç., Yıldız N. Manas destanı. «Türk dünyası» (dersgi) №9, Ankara, 1995.

65. Yusupov K. Manas destanı. Ankara, 1995.

На киргизском

66. Дыйканов К. Кыргыз тилинин тарыхы (I к.) Бишкек, 1995.

67. Кыргызча-орусча сөздүк. I к. «Советская энциклопедия», Москва, 1965.

68. Кыргызча-орусча сөздүк. II к. «Советская

енциклопедия», Москва, 1985.

69. Манас. (Сагымбай Ороздак уулунун варианты боянча) I китеп. Фрунзе, «Кыргызстан», 1978.

70. Манас. II китеп. Фрунзе, «Кыргызстан», 1980.

71. Манас. III китеп. Фрунзе, «Кыргызстан», 1981.

72. Манас. IV китеп. Фрунзе, «Кыргызстан», 1982.

На русском

73. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе, «Кыргызстан», 1990.

74. Абрамзон С.М. Этногенетические связи киргизов с народами Алтая. Москва 1960.

75. Абрамзон С.М. Очерк культуры киргизского народа. Фрунзе, 1946.

76. Бартольд. Киргизи (исторический очерк). Фрунзе, 1943.

77. Бартольд. Соч. В т. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. «Наука», М., 1968.

78. Башкирский народный эпос. «Наука», М., 1977.

79. Башкирское народное творчество. III т. Уфа, Башкирское книж. Изд.1988.

80. Бегалиев С. О поэтике эпоса «Манас», Фрунзе, «Илим», 1968.

81. Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М-Л., 1952.

82. Богданова М. Киргизская литература. (очерк), «Советский писатель», М.,1947.

83. Бромлей Й.В., Подольный Р.Г. Создано человечеством. «Политиздат», М.,1984.

84. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1967.
85. Древнетюркский словарь, изд. «Наука», Л., 1969.
86. Евсюков В.В. Миры о мироздании. «Политиздат», М., 1986.
87. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. «Наука», Л., 1974.
88. Кадырбаева Р. Сказительское мастерство манасчи. «Илим», Фрунзе, 1984.
89. Короглы Х. Взаимосвязи эпоса народов Средней Азии, Ирана и Азербайджана. М., 1983.
90. Липец Р.С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. «Наука», М., 1984.
91. Манас. (вариант Орозбакова), I т. Москва, 1984.
92. Манас. (вариант Орозбакова), II т. Москва, 1988.
93. Манас (вариант Орозбакова), III т. Москва, 1990.
94. Маргулан А. Жизнь и деятельность Чокана Валиханова (в книге: Чокан Валиханов. Избр. произведения), Алма-Ата, 1958.
95. Мусаев С. Эпос «Манас». Изд. «Шам», Бишкек, 1994.
96. Рашид ад-дин Ф. Огузнаме. «Елм», Б., 1987.
97. Садыков А. Героические мотивы в эпосе «Манас». Фрунзе, 1982.
98. Урал-Батыр. Башкирское книж. изд. Уфа, 1981.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия (Э.Алибекзаде)	3
Вступление	11
I Раздел. «Манас» - вершина общетюркского литературно-исторического наследия, манасчи, манасоведы	15
II Раздел. Ощущения непобедимости и патриотизма в эпосе «Манас», свойственные древним тюркам	67
III Раздел. Общие мотивы тюркского эпоса и «Манас»	120
Заключение	158
Вместо послесловия (И.Велиев)	164
Литература	169

АДИЛЬ ДЖАМИЛЬ

Джамилов Адиль Савалан оглу - поэт, литературовед, переводчик, доктор философии по филологическим наукам, Президентский стипендиат, член Объединения писателей Азербайджана с 1985 года, Объединения журналистов Азербайджана с 1979 года.

Родился 8 октября 1954 года в селе Кильсяли Кельбаджарского района. Получил образование на факультете журналистики Бакинского государственного университета (1972-1977 гг.). Работал на руководящих должностях в различных средствах массовой информации. С 2002 года - заведующий отделом поэзии, прозы редакции "Эдебият газети" ("Литературная газета").

В 1980 году вышла его первая книга стихов "Огоньки, мотыльки". Стихи публиковались в России, Турции, Иране и Средней Азии, на некоторые из них написаны песни.

А.Джамиль регулярно занимается и художественным переводом. В газетах, журналах, сборниках публиковались его переводы образцов русской, белорусской, узбекской, киргизской, латиноамериканской поэзии. К тому же, перевел на родной язык более двадцати художественных фильмов - "Самраат" (Индия), "13-й внук" (Кыргызстан), "Забудь о возвращении" (Молдова) и т.д.

С 1987 года А.Джамиль занимается переводом и исследованием величественного памятника общетюркского фольклора, великого киргизского эпоса "Манас". В различное время публиковалась его монография, связанная с поэтическим переводом с оригинала "Манаса", сокращенным вариантом эпоса в виде поэзии, а также исследованиями сказания. В 2004 году на ученом совете Нахчыванского государственного университета защитил дис-

сертацию по филологической науке и удостоился ученой степени доктора философии. Он также старший научный сотрудник отдела общетюркского фольклора Фольклорного института НАНА.

А.Джамиль единственный в Азербайджане переводчик и исследователь эпоса "Манас". Он был в составе возглавляемой общенациональным лидером Гейдаром Алиевым делегации Азербайджана, участвовавшей в августе 1995 года на международных юбилейных мероприятиях "Манас - 1000", проходивших в Кыргызстане. В различные периоды как ученый-манасовед выступал с докладом на международных конференциях и симпозиумах, посвященных научному анализу тюркских сказаний. В декабре 2009 года избран почетным академиком академии Айтматова.

Заслуги в сфере журналистики оценены премиями "Золотое перо", "Г.Б.Зардаби", литературное творчество "Араз", "Меч и перо", международными наградами.

Произведения А.Джамиля:

1. "Огоньки, мотыльки". Баку, "Язычи" ("Писатель"), 1980, 53 стр. 4500 экз.
2. "От зари до зари". Баку, "Язычи" ("Писатель"), , 1983, 72 стр. 5000 экз.
3. "Сказка лунной ночи". Баку, "Гянджлик" ("Юность"), 1984, 112 стр. 3000 экз.
4. "Хочу сказать", Баку, "Язычи" ("Писатель"), 1987, 112 стр., 3000 экз.
5. "Девушка, смеющаяся во сне", Баку, "Гянджлик" ("Юность"), 1988, 72 стр. 6000 экз.
6. "Крик моей души", Баку, "Язычи" ("Писатель"), 1992, 192 стр. 5000 экз.
7. "В глазах слезы об Отчизне", Баку, "Азернешр", 1997, 208 стр. 1000 экз.

8. "Эпос "Манас" и традиции тюркских сказаний",
Баку, "Элм" ("Наука"), 2002, 204 стр. 300 экз.
9. "Когда Всевышний помогает мне", Баку, "Авропа",
2004, 208 стр. 500 экз.
10. "У каждого своя правда", Баку, "Авропа", 2004, 200
стр. 300 экз.
11. "Хранитель очага предков", Баку, "Адильоглу",
2005, 36 стр. 500 экз.
12. "Дорога, начинающаяся с Вагифа", Баку, "Вектор",
2006, 84 стр. 500 экз.
13. "Мир, позеленевший от безумной любви", Баку,
"Ченлибел", 2009, 112 стр. 300 экз.
14. "Адиль Джамиль в призме обсуждений", Баку,
"Элм" ("Наука"), 2009, 208 стр. 300 экз.
Переводы А.Джамиля (с киргизского языка)
15. "Манас" (отрывки из эпоса), Баку, "Сяда" ("Отк-
лик"), 132 стр. 500 экз. 1995.
16. "Сказание "Манас", Баку, "Нурлан", 292 стр., 2009,
300 экз.